

Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство

Под редакцией
Ю. М. Осипова,
Е. С. Зотовой,
Н. П. Недзвецкой

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет

РОССИЯ ПОД НАТИСКОМ НОВЫХ РЕАЛИЙ: ЦИВИЛИЗАЦИЯ, СОЦИУМ, ХОЗЯЙСТВО

Сборник статей
по итогам международной научной конференции
8—10 декабря 2021 г.

*Под редакцией
Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой, Н. П. Недзвецкой*

Москва
2023

УДК 330.3
ББК 65.9(2Рос)
Р76

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

д.э.н., профессор *И. Р. Бугаян*; к.э.н. *Е. С. Зотова*;
к.э.н., профессор *В. В. Кашицын*; д.э.н., профессор *М. В. Кулаков*;
д.э.н., профессор *В. М. Кульков*; к.ф.н. *С. С. Мерзляков*;
к.э.н. *Н. П. Недзвецкая*; д.э.н., профессор *Ю. М. Осипов* (председатель);
к.и.н. *И. П. Смирнов*; *Т. С. Сухина*

Р76 Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство:
Сборник статей по итогам международной научной конференции.
8–10 декабря 2021 г. / под редакцией Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой,
Н. П. Недзвецкой. — М.: Экономический факультет МГУ имени
М. В. Ломоносова, 2023. — 156 с.

ISBN 978-5-907690-10-3

Новые реалии современной цивилизации требуют полномасштабных системных перемен, позволяющих России, освободившись от давления неблагоприятного контекста, выйти на путь всестороннего социоэкономического развития и обретения самой себя.
Для всех, кто живет Россией и верит в ее мощь!

УДК 330.3
ББК 65.9(2Рос)

ISBN 978-5-907690-10-3

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осипов Ю. М.</i> На ходу!	5
1. ЦИВИЛИЗАЦИЯ	7
<i>М. Г. Покидченко</i> Цивилизация России — прошлое и будущее.....	7
<i>А. В. Кузнецов</i> Смена глобальной парадигмы и суверенитет России	17
<i>Н. Л. Румянцева</i> Ценности русской культуры — традиционные и современные	25
<i>А. А. Олейников</i> Социокультурный императив русско-евразийской православной цивилизации: Россия некапиталистическая. Третий путь России	35
2. СОЦИУМ	43
<i>В. В. Рышкус</i> О природе человека и русском мире.....	43
<i>И. Ю. Фомичев</i> Особенности этики хозяйства в работах С. Н. Булгакова	53
<i>К. В. Молчанов</i> Современная диалектика: идея Нового мира.....	60
<i>С. А. Ермишина</i> О традициях освоения русским народом пространства России как условия его существования	68
<i>Е. В. Зайцева, П. С. Толкачев</i> Духовно-нравственное единство российского общества как условие его существования.....	76
<i>Т. Ю. Яковец</i> Христианский социализм и современность	80

<i>И. Д. Спасский</i>	
Поиск Иного Царства в свете софиасофии	84
3. ХОЗЯЙСТВО	94
<i>В. М. Кульков</i>	
Противоречия новых вызовов для России	94
<i>Г. В. Михайлова</i>	
Жизнеспособность категории собственности в современных политико-экономических реалиях.....	99
<i>Л. П. Зенькова</i>	
Антикризисная политика: возможности цифровизации и прогнозы на 2022–2023 гг. в Белоруссии.....	107
<i>С. С. Носова</i>	
Цифровая версия экономических перемен.....	113
<i>А. В. Мочалов</i>	
Философия хозяйства как теоретический базис оценки эффективности «зеленой» экономики	121
<i>С. В. Бирюков</i>	
Латиноамериканские альтернативы: стронизм как стратегия неразвития.....	130
<i>Е. Х. Хабибуллина</i>	
Уникальность русского хозяйственного типа как хозяйства сугубо континентального. Неоцененное открытие П. Н. Савицкого	141
<i>А. Х. Евлоева</i>	
Макроэкономический анализ инвестиционной деятельности домашних хозяйств в современной России	146
Сведения об авторах.....	154

НА ХОДУ!

Как бы ни хотелось кое-кому из бенефициаров пореформенного — глобализированного и вестернизированного — обустройства (и образа) нынешней России оставить в России все *как есть*, а это *есть* не что иное, как вассально зависимая от США и западной цивилизации (читай, и западного постмодернового антимира!) страна, несущая «нашим» и не нашим бенефициарам самые что ни на есть «золотые яйца», этой-то России таки суждено, во-первых, освободиться от западно-американской над собой «партнерско-экономической» гегемонии, пойдя и на военное с коллаборациональным посредничеством прихваченной Западом и ему «верно» служащей Украиной столкновение (как раз на полях и с участием Украины); во-вторых, *перестраиваться*, пусть и не слишком выразительно и последовательно («золотой петух», видно, еще не вполне клюнул российское бенефициарное правление в его вовсе не золотое темечко!), причем перестраиваться по *постреформенному* вектору, шаг за шагом впрягаясь в *неонациональный социохозяйственный неодирижизм*, вполне себе и центр-государственный.

Да, много кому в России все это переменное не нравится, а то и глубоко противно (не для того же расселись, аки грачи, у доходно-присвоенческих золотиносных кормушек, чтобы вдруг с ними расстаться), а среди «грачей» ведь не одни пресловутые олигархи, банкиры, министерские чиновники, те же губернаторы с прокурорами, а и, знаете ли, академики, писатели, врачи, профессоры, артисты, шоумены, продюсеры, адвокаты, как и разного рода откровенные мошенники, в общем, целые легионы разного рода и размера гешефтополучателей.

Вот и выходит фундаментальное противостояние: с одной стороны, необходимость радикальных *постреформенных* перемен, а с другой — вязкая невозможность их, эти перемены, осуществить. Тупик! И на выручку приходит Его Величество Ход вещей, да не как-нибудь, а в виде войны, да не так меж славянами на юго-востоке Европы, как прямо-таки меж *мирами* — миром *все еще человеческим* и миром *уже-не-человеческим*, или *антимиром*, в среде которых и Запад, и Восток, и Евразия, и Африка, и Латинская Америка, ну и США, Европа со своим ЕС, Китай, Индия, Иран, как и та же Россия.

Война меж мирами делает и весь мир, по сути, уже войновским миром, таким миром-войной — **ВОЙНОЙ!** А за всем этим войновским ми-

ром скрываются — ныне всюду называемые тектоническими — *мировые перемены*, а сам зёмный мир теперь не только и не просто мир-война, но и мир-перемена — ПЕРЕМЕНА!

Вот и Россия в сей мировой войне, вот и Россия в *большой перемене*: не хотели или не могли меняться в мирном мире, придется меняться в войновском мире, но главное — *придется!*

* * *

Вот и очередная наша коллективная монография, причем все о том же — о *переменах* в России — ПЕРЕМЕНАХ!

Сначала в МГУ прошла в режиме онлайн 7–9 декабря 2021 г. по инициативе Научного совета «Центр общественных наук МГУ» и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ международная научная конференция «*Россия под натиском перемен: цивилизация, хозяйство, социум*», потом, уже в 2022 г., пока готовилась сия монография, пошли кое-какие российские перемены, разумеется, пошли уже немало *вынужденно* (!), наконец, сподобилась явиться и наша монография (март 2022 г.), как нетрудно заметить, тоже ведь по-своему *вынужденная* и тоже по-своему *суперактуальная*!

* * *

Так или иначе, но «лед» миробытийный уже тронулся, пошел и его трескучий ход, а что выйдет в итоге, сказать пока трудно, важно, чтоб заторы на его пути не сподобились явиться и не вызвали потребности в ядерном Армагеддоне!

Да сбудется *постреформенное* обновление России, а вслед за тем и высвобождение зёмного мира от американской империальной гегемонии!

Ю. М. Осипов

1. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

М. Г. Покидченко

ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОССИИ — ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Аннотация. В статье рассматривается смена цивилизаций, происходящая в настоящее время, и проблема выбора Россией новой цивилизации с опорой на свои исторические традиции.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, история, Евразия.

Abstract. The article examines the change of civilizations taking place in society at the present time, and the problem of Russia's choice of a new civilization based on its historical traditions.

Keywords: Russia, civilization, history, Eurasia.

Можно сказать, что в настоящее время «призрак бродит по Европе, призрак» новой цивилизации. Все больше людей в Европе и других регионах мира приходят к выводу о том, что классический капитализм со свободной конкуренцией и либеральными идеалами себя изжил, он — «загнивающий, умирающий, канун...», а вот о том, чего именно канун — мнения расходятся.

Но сначала разберемся с современной цивилизацией, как говорится, помянем год уходящий. В качестве основы для нашего анализа возьмем книгу немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы», вышедшую в 1918–1922 гг. и наделавшую тогда много шума в научных и политических кругах. Кстати, следует уточнить, что буквальное название книги Шпенглера — «Упадок западных стран» («Der Untergang des Abendlandes»), но поскольку в начале XX в. США еще воспринимались как второстепенная провинция западного мира, название книги Шпенглера в момент выхода перевели именно как «Закат Европы». Теперь, по прошествии ста лет, мы видим, что западная цивилизация получила в XX в. второй шанс на лидерство в лице США, и точное название книги Шпенглера «Упадок западных стран» соответствует именно сегодняшнему дню.

Нельзя сказать, что книга Шпенглера на момент своего выхода прозвучала как гром среди ясного неба. Уже во второй половине XIX в. в Европе все громче звучало слово «декаданс», правда, применительно к культуре и искусству. В 1882–1883 гг. вышла получившая широкую известность книга психиатра и публициста М. Нордау «Вырождение», посвященная изменениям психологии европейского общества. В философии конца XIX в. начинается период постмодерна, представленный теориями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. (Предыдущий период в истории философии — период модерна, для которого характерна рациональность мышления, начинается в эпоху Ренессанса, т.е. во времена зарождения капитализма.) Непосредственно перед выходом книги Шпенглера большим шоком для европейского общества были Первая мировая война и социалистические революции в России, Германии и Венгрии (две последние — неудачные).

Шпенглер, помимо общей характеристики современного ему западного общества, попытался создать теорию развития и заката цивилизации. (Сразу следует уточнить терминологию — у Шпенглера более общее понятие называется «культура», а «цивилизацией» он называет ее завершающую фазу. Но поскольку в современной литературе более общее понятие определяется термином «цивилизация», мы тоже будем придерживаться этой терминологии.) В трактовках истории развития человечества присутствуют две основные версии. Согласно первой для всех стран и народов существует одна общая закономерность развития — такова, например, теория исторического материализма К. Маркса. Согласно другой, которой придерживался и Шпенглер, в истории человечества наблюдаются развитие и угасание многих отдельных цивилизаций. Такую идею еще за 50 лет до Шпенглера высказал русский ученый Н. Данилевский, в науке XX в. можно назвать теории англичанина А. Тойнби, француза Ф. Броделя и др. Шпенглер, проводя между цивилизациями исторические параллели, рассматривал прежде всего так называемую западную цивилизацию. Он относил ее зарождение к X в. (хотя, на наш взгляд, правильнее начинать с IX в., с империи Карла Великого), а эпоху ее заката — к XIX–XX вв.

Недавно скончавшийся американский философ и политолог С. Хантингтон так описывает развитие «западной цивилизации»: «Китай при династиях Тан, Сун и Мин, исламский мир с восьмого по двенадцатый век и Византия с восьмого века по одиннадцатый далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территории и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям. Однако между одиннадцатым и тринадцатыми столетиями европейская культура начинает бурно развиваться» [5, с. 203]. На рубеже XV–XVI вв. «западная цивилизация» начала территориальную экспансию. «Непосредственной причиной экспансии Запада была технология: изобретение средств оке-

анской навигации для достижения далеких стран и развитие военного потенциала для покорения их народов» [5, с. 205]. В начале XX в. Запад уже доминировал во всем мире. «Возникновение... международной системы с доминированием Запада было вторым важным этапом развития глобальной политики за весь период после 1500 года» [5, с. 206–207].

Но после Второй мировой войны глобальное доминирование Запада еще не очень заметно, но начало уменьшаться: «...в 1950 году доля Запада в мировом валовом продукте составляла 64%; к 1980-м это соотношение упало до 49%» [5, с. 250], и процесс продолжается. Соответственно уменьшается военное и политическое влияние Запада в мире. Как отмечает Хантингтон, «Запад все больше поглощают его внутренние проблемы и нужды, и он сталкивается с замедлением экономического роста, спадом роста населения, безработицей, огромными бюджетными дефицитами, снижением рабочей этики, низкими процентами сбережений и во многих странах, включая США, — социальной дезинтеграцией, наркоманией и преступностью... Готовность других обществ принимать диктат или повиноваться поучениям Запада быстро испаряется, как и самоуверенность Запада и его воля к господству» [5, с. 243]. (Правда на Западе, прежде всего в США, многие еще не готовы это признать, хотя уже Д. Трамп стал президентом США под лозунгом: «Сделаем Америку СНОВА великой!»)

Вернемся теперь к сочинению Шпенглера, так как он обращал внимание прежде всего на духовные и социальные черты «западной цивилизации» в период ее заката. Как уже говорилось выше, по терминологии Шпенглера, «цивилизация» — завершающая стадия «культуры», «...у каждой культуры своя собственная цивилизация. ...Цивилизация — это те самые крайние и искусственные состояния... Они — завершение... как неподвижность за развитием, как умственная старость...» [6, с. 69]. Так, по Шпенглеру, поздняя римская империя — это «цивилизация» античной культуры. В Западной же Европе, по мнению Шпенглера, период «цивилизации» возникает в начале XIX в. В рамках этой «европейской цивилизации» развиваются капитализм и социализм.

Вот некоторые основные черты, которые, по мнению Шпенглера, присущи любой, в том числе и «западной цивилизации». В первую очередь это деградация духовной жизни общества и переход от интуитивного творчества к рациональному мышлению, переключение от моральной мотивации человеческих действий к материальной (по мнению Шпенглера — к «плебейской морали»). Подобные мотивы звучали и в российской социальной литературе. Например, «западник» А. И. Герцен, эмигрировав в Европу, разочаровался в ней. Он сравнивал духовно-нравственный мир дворянина с материалистическим, меркантильным миром купца, который, по его мнению, получает все большее распространение

на Западе. Еще более образно выразился Д. С. Мережковский, написав о «грядущем хаме».

Для противопоставления прежней «культуры» и современной ему «цивилизации» Шпенглер прибегает к образам «города» и «деревни». В «деревне», к которой он относит не только крестьян, но и сельское дворянство, еще существуют исторические традиции, моральные нормы — это еще народ, в «городе» же — это безликая масса, люди не знают и не хотят знать друг друга и не стесняются своего поведения, они предельно эгоистичны, у них, как у древнеримских люмпен-пролетариев, только две цели в жизни — «Хлеба и зрелищ!». «Это бесформенно переливающаяся в больших городах чернь... лишенная корней городская масса» [6, с. 474].

«Зрелищ» же городская масса хочет в силу своего низкого уровня культуры самых непритязательных, и, таким образом, возникает «массовая культура», которая в то же время хорошо продается (как известно, наибольший доход приносят товары массового спроса). То же самое, по мнению Шпенглера, происходит в науке и религии, где возникает тенденция к популяризаторству. «Поэт, священник, ученый становятся журналистами» [6, с. 477], которые, как известно, являются представителями «второй древнейшей профессии». Можно также обратиться к современной западной системе образования, ставящей во главу угла не умение думать, а умение запоминать разрозненную конкретную информацию. А в отношении молодежи, сидящей у компьютеров, уже появился термин «цифровой аутизм».

Этой обезличенной массе соответствует политический строй демократии, где ловкие продажные политики внушают примитивной толпе, что они ее слуги, слуги народа. (Еще в политических трактатах Древнего мира отмечалось, что чем примитивнее люди, тем ими легче управлять.) Воспринявший идеи Шпенглера русский ученый Н. А. Бердяев утверждал, что «культура опирается на неравенство людей, на их качество как творческих личностей. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она апеллирует к количеству. Культура — аристократична, цивилизация — демократична» [6, с. 33]. И «морковка», которую держат перед демократическим ослом — это постоянное требование еще большего равенства. И если во времена Шпенглера шла борьба за равенство бедных и богатых (отмену имущественного ценза), равенство прав мужчин и женщин, в середине XX в. — борьба за расовое и национальное равенство, то теперь ведется борьба за равенство прав гомосексуалистов и трансгендеров. (Следующий шаг наметился в Голландии — там есть легальная партия педофилов, которые борются за свои права.)

Далее Шпенглер переходит к другому проявлению «цивилизации» — к социализму. «Тот, кто превозносит, — пишет он, — безграничность прав личности, дает только пикантную вариацию на тему социализма»

[6, с. 466]. К социализму Шпенглер тоже относится отрицательно: «Социализм — вопреки внешним иллюзиям — отнюдь не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Все остальное — самообман» [6, с. 479]. Он указывает на сходство социализма с тем, что у К. Маркса называется «азиатским способом производства», который он считал «системой поголовного рабства» (в связи с чем в советской исторической науке, чтобы не возникало нежелательных аналогий с социализмом, «азиатский способ производства» потихоньку задвинули в темный угол). Шпенглер же писал, что социализм «является насквозь египетским по своей широкой заботливости об устойчивости хозяйственных отношений, по своей предусмотрительности и попечению... обязывающих и связывающих каждого отдельного человека со всеми его жизненными проявлениями с тысячами сложных отношений чрезвычайно абстрактной системы хозяйства» [6, с. 204].

И наконец, современная западная демократия, так же как социализм, совершенно нетерпима к другому мнению, хотя и прикрывается фиговым листком толерантности.

Таким образом, в 1990-е гг. Россия сбросила с себя «социалистические одежды» и примерила западный, демократический «секонд-хенд», но теперь выясняется, что он оказался не только не первой свежести, но еще и с гнильцой, о чем Шпенглер предупреждал еще сто лет назад.

Возникает вопрос — какую новую цивилизацию выберет себе Россия? Есть разные предположения о том, что идет на смену старой «западной цивилизации». «Некоторые считают, что в сегодняшнем мире происходит становление того, что В. С. Найпаул назвал “универсальной цивилизацией”... термин, в общем, подразумевает культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов» [5, с. 215]. Близко к «универсальной цивилизации» понятие «давосской культуры».

Его автор, Клаус Шваб — президент Всемирного экономического форума в Давосе — предполагает, что на смену национальному капитализму идет некий «сверхлиберализм и глобализм». Человек станет «гражданином мира», свободным от всех ограничений — гендерных, семейных, национальных, расовых, государственных. Большую роль здесь сыграет «четвертая научно-техническая революция», в основе которой будут лежать интернет, всеобщая цифровизация, искусственный интеллект и т.д. (о том, что за этим стоят транснациональные корпорации, Шваб умалчивает).

Другой вариант смены цивилизаций предложил на последнем Вальдайском форуме В. В. Путин. Правда, он не дал четкого прогноза того, что придет на смену капиталистической демократии и либерализму, но, комментируя вывод американских войск из Афганистана, Путин подчерк-

нул, что нельзя искусственно внедрять американскую модель общества в других странах, имеющих свои национальные и исторические традиции. Развитие этих традиций Путин назвал «разумным консерватизмом».

Следовательно, надо ответить на вопрос — какие исторические и национальные традиции свойственны России, чтобы наметить цели и пути ее дальнейшего развития. Для этого не надо углубляться в историю на много тысячелетий. Современная историческая наука считает, что европейские нации стали формироваться примерно в XV–XVI вв., при образовании централизованных государств после завершения феодальной раздробленности. Применительно к восточным славянам речь идет о двух централизованных государствах — Великом княжестве Московском, где формировалась будущая русская нация, и Великом княжестве Литовском и Русском, куда входили будущие литовцы, белорусы и украинцы (за исключением населения Галиции (современной Западной Украины), которую в 1349 г. захватила Польша). Потом Великое княжество Литовское и Русское в 1569 г. объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую, где польское влияние было доминирующим.

В каждом из этих двух государств формировались свои национальные традиции, свой менталитет. Польша (Речь Посполитая) представляла собой феодальную «супердемократию» — король был выборным (со всеми выборными махинациями), а в центральном и местном парламентах (сеймах) *каждый* депутат имел право вето. Кончилась эта вакханалия в государственном управлении тем, что Польшу в XVIII в. разделили между собой три соседних государства — Пруссия, Австрия и Россия. Но до этого в Речи Посполитой уже сформировался шляхетский (дворянский) менталитет (я, мол, шляхтич, и никто мне не указ), который сами поляки называют «польский гонор». Благодаря ему Польша и сейчас является самым склочным членом Евросоюза. Белорусская и украинская аристократия и дворянство в рамках Речи Посполитой полностью ополчились, но на Украине их со временем заместила казацкая «старшина», и менталитет у нее был не лучше — недаром на Украине существует пословица: «Где два хохла, там три гетмана». В Белоруссии же родной язык сохранили только крестьяне, которым «шляхетский гонор» был не свойственен.

Великое княжество Московское формировалось в условиях 250-летнего «монголо-татарского ига», о котором в нашей исторической литературе сложилось превратное представление — мол, «“дикие” монгольские кочевники грабили и угнетали цивилизованных россиян». В действительности же покоренные народы включались в деятельность монгольского государства. В частности, в последующие монгольские походы они должны были предоставлять вспомогательные отряды. Так, после завоевания Руси монголы пошли на Запад (в Польшу, Венгрию, Чехию и Силезию), и в их армии инженерные войска, как всегда, составляли китайцы, в кавалерии

были вспомогательные отряды половцев, а в пехоте — русский и мордовский отряды.

В мирной жизни Монгольская империя опиралась в значительной степени на традиции завоеванных древневосточных цивилизаций. Монгольская знать осуществляла общее политическое руководство, но управленческий аппарат Монгольской империи состоял из представителей других народов, имеющих многовековой государственный опыт оседлого образа жизни. Уже у Чингисхана было три советника — китаец Елюй Чуцай, уйгур Чинкай и хорезмиец Махмуд Ялвач. (Разными они были и по религии — буддист, христианин и мусульманин. Монголы были веротерпимы.) Когда после смерти Чингисхана верховным правителем стал его сын Угедей, главным министром он назначил Елюй Чуцай, который разработал систему гражданской администрации, кодифицировал законодательство и создал систему налогообложения (причем, когда Угедей хотел установить высокие налоги, Елюй Чуцай объяснил ему, что это затруднит их собираемость. В результате ставка налога была 10%, в том числе и на Руси.)

В Монгольской империи использовался уйгурский буквенный алфавит. Была создана единая в масштабах всей империи почтовая служба. (Почтовые станции, где меняли лошадей, назывались «ям», а почтовые служащие — «ямчи». Отсюда русское слово «ямщик».) На завоеванных землях проводились переписи населения с целью установления объективного налогообложения (на Руси, впервые в ее истории, перепись была проведена в 1257 г.). Таким образом, будущее Великое княжество Московское формировалось, находясь в одном государстве с Китаем, Ираном, Хорезмом (современный Узбекистан) и другими древневосточными цивилизациями, уровень развития которых был выше, чем в тогдашней Западной Европе. (Например, когда Марко Поло писал о том, что в Китае используют бумажные деньги, соотечественники называли его лжецом.) «Неизбежно... русские должны были принять многие черты монгольской политики и монгольской системы правления и администрации», — писал известный русский историк Г. Вернадский [1, с. 6]. Его точку зрения разделял Г. Плеханов: «...о полном своеобразии русского исторического процесса не может быть и речи, такого своеобразия вообще не знает социология, но... В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий» [3, с. 12].

С возникновением единого, огромного по территории монгольского государства улучшились возможности транзитной торговли. Северная ветка Великого шелкового пути заканчивалась в причерноморских итальянских (генуэзских и венецианских) городах, также находившихся под властью монголов. В то же время на Руси была большая группа купцов, торговавших с этими городами и называвшихся «гости-сурожане». (Сурож — со-

временный Судак.) Русские купцы торговали также и в других ордынских городах, что способствовало развитию на Руси товарно-денежных отношений — в русском языке такие слова, как «базар», «товар», «деньги», «таможня» (от «тамга» — печать, которую ставили после уплаты пошлины) и ряд других экономических терминов имеют татарское происхождение. В Сарая, столице Золотой Орды (правильнее — Белой Орды, самой западной части Монгольской империи), одном из крупнейших городов тогдашней Европы, был целый русский квартал, где жили ремесленники и купцы. Жили они и в других ордынских городах, и поэтому уже в 1261 г. было создано православное епископство Сарайское и Подонское, охватывающее русских, живших по нижней Волге и Дону. (В Москве его представительство (подворье) было в Крутицах.)

Перенималась в Московской Руси и система восточного государственного устройства, усиливались централизация и единоначалие. (Например, Дмитрий Донской упразднил в Москве должность «тысяцкого», возглавлявшего в русских княжествах ополчение, альтернативное княжеской дружине.) В результате в Московской Руси сложилась более централизованная система военного и гражданского управления, чем в Литовской Руси, не говоря уже о Речи Посполитой. Более отдаленным результатом этого процесса было то, что в XVIII в. возникла Российская империя от Атлантического до Тихого океана, а Польша (Речь Посполитая) перестала существовать как самостоятельное государство.

Таким образом, в России исторически сложилась особая евразийская цивилизация. Эту концепцию впервые выдвинули в среде русской постреволюционной эмиграции так называемые евразийцы (П. Савицкий, Н. Трубецкой и др.). (До этого в России шла бесконечная дискуссия западников и славянофилов о том, что нужно России — демократия или «соборность».) Отправной точкой размышлений евразийцев был вопрос — почему в 1917 г. в России потерпела неудачу Февральская демократическая революция и победила Октябрьская революция, в результате которой большевики построили социалистический вариант Российской империи?

Ответ, очевидно, заключается в том, что евразийская цивилизация в России создала не только определенную общественную систему, но и особый менталитет. Как писал Г. В. Плеханов, «...в течение довольно продолжительной эпохи Русь, по характеру своего социально-политического строя, все более удалялась от Запада и сближалась с Востоком. Это неизбежно должно было наложить глубокий отпечаток на то, что называется русским национальным духом» (но его сущность — это отдельная большая тема) [3, с. 4].

Евразийцы выступали за развитие России по некоему «третьему пути» — среднему между западной демократией и социалистической цен-

трализацией. Правда, они не разработали конкретных форм такого государственного устройства. Евразийцы излагали свои идеи скорее образно и художественно: «Россию спасет парадокс... православный большевизм, славянофильский футуризм, федеральная империя, архаический авангардизм» [4, с. 8].

Подводя итоги, можно сказать, что ни одна национальная модель общества не может и не должна претендовать на роль универсальной общественной модели «для всех времен и народов», ни одна общественная модель не гарантирует вечного всемирного лидерства. Да, в XX в. США были мировым лидером в области экономики, но попытки навязать другим странам американскую политическую модель терпели крах. Теперь на роль всемирного экономического лидера претендует Китай, но, я думаю, другие страны не захотят принять его политическую модель. Поэтому России не следует искать готовых образцов, а методом проб и ошибок создавать свою цивилизацию, опираясь на свои национальные и исторические традиции.

Конечно, это не означает, что надо сидеть в изоляции и все новации высасывать из пальца. Обмениваясь идеями, культуры взаимно обогащаются. Однако иностранные инновации нельзя применять буквально. Американский политолог С. Хантингтон отмечает, «что теория заимствования, разработанная такими учеными, как Фробениус, Шпенглер и Бозенен, помимо прочего, делает акцент на том, насколько избирательно цивилизация-реципиент совершает заимствования из других цивилизаций и адаптирует, трансформирует и ассимилирует их, чтобы усилить и обеспечить выживание базовых ценностей... своей культуры» [5, с. 236].

Не все согласны с Хантингтоном. Например, известный американский политолог Р. Пайпс утверждает, что «традиции можно и нужно оценивать, исходя из того, насколько они препятствуют или способствуют достижению целей, которые, в свою очередь, формулируются на основании того, как понимается идея хорошего общества (американского. — М. П.). Если традиция становится барьером на пути к такому результату, это плохая традиция» [2, с. 31] (хотя, по нашему мнению, традиция — явление объективное). Пайпс делает следующий вывод: «Сегодня ни для одной страны, которая хочет оставаться современной, не существует выбора, альтернативного вестернизации» [2, с. 17].

Хантингтон же считает, что «модернизация не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт» [5, с. 240].

Итак, как сказал поэт, «думайте сами, решайте сами».

Литература

1. *Вернадский Г.* Монголы и Русь. — М.: Ломоносовъ, 2017.
2. *Пайпс Р.* Два пути России. — М.: Алгоритм, 2015.
3. *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Соч.: в 24 т. Т. XX. — М.-Л.: Государственное издательство, 1925.
4. *Савицкий П.* Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
5. *Тойнби А., Хантингтон С.* Как погибли цивилизации. — М.: Родина, 2018.
6. *Шпенглер О.* Закат Европы: в 2 т. Т. 1. — Новосибирск: Наука, 1993.

СМЕНА ГЛОБАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ И СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ

Аннотация. Раскрыты основные противоречия современной глобальной экономики. Обобщены ключевые причины глобального системного кризиса. Обсуждаются контуры трансформации глобальной парадигмы в контексте многополярности и перехода на новые технологии. Сделан вывод о необходимости активизации усилий России по созданию независимой расчетно-платежной инфраструктуры и сохранению собственной энергетической системы для обеспечения самодостаточного развития.

Ключевые слова: суверенные риски, многополярность, глобальная парадигма, цифровые технологии, самодостаточное развитие.

Abstract. The main contradictions of the modern global economy are revealed. The key causes of the global systemic crisis are summarized. The contours of the transformation of the global paradigm in the context of multipolarity and the transition to new technologies are discussed. It is concluded that it is necessary to intensify Russia's efforts to create an independent settlement and payment infrastructure and maintain its own energy system to ensure self-sufficient development.

Keywords: sovereign risks, multipolarity, global paradigm, digital technologies, self-sufficient development.

Введение

Пандемия COVID-19 в очередной раз подтвердила неэффективность мирового экономического порядка, основанного на свободной конкуренции, открытых рынках и поддержании правил игры, установленных международными организациями и благоприятствующих нерегулируемой активности глобальных корпораций.

В результате ковид-кризиса резкое увеличение мирового объема внешнего долга, преимущественно за счет развитых стран, привело к значительному расширению дисбаланса внешнего финансирования. Так, по данным МВФ, в 2020 г. размер суммарной международной инвестиционной позиции всех стран составил около 22% ВВП по внешним активам и около 26% по внешним обязательствам, в то время как в 2010 г. — 14% ВВП по внешним активам и 16% — по внешним обязательствам [5].

Формированию глобальных дисбалансов внешнего долга в значительной степени способствует разрастание активности транснациональных компаний (ТНК), нерегулируемых на глобальном уровне. По мнению известного французского экономиста Т. Пикетти, главное противоречие капитализма заключается в том, что в долгосрочном периоде доходность капитала превышает темпы экономического роста [7]. Так, в период 1990—2019 гг. размер активов иностранных филиалов ТНК увеличился с 6 трлн до 112 трлн долл., в то время как размер мирового ВВП за этот период возрос с 24 трлн до 87 трлн долл. Таким образом, темпы прироста активов иностранных филиалов ТНК в 6,5 раза превышали темпы прироста мирового ВВП, притом что в иностранных филиалах ТНК было занято всего около 2,5% от общего числа занятых в мире [11, р. 22].

На современном этапе глобализации ТНК и транснациональные банки (ТНБ) напрямую конкурируют с государствами (интеграционными объединениями стран) за доступ к глобальным ресурсам. Сегодня капитализация крупнейших ТНК сопоставима по размеру с экономиками ведущих стран мира. В свою очередь, активы некоторых отдельных ТНБ уже превышают совокупный ВВП крупнейших региональных блоков развивающихся стран.

Для национальных государств разрастание транснационального капитала представляет значительные суверенные риски. По сути, на современном этапе глобализации транснациональный капитал повсеместно вытесняет государство как главного субъекта хозяйственных отношений.

Системная обусловленность глобального кризиса

Анализ объективных и субъективных факторов нестабильности мировой экономики позволяет выделить три основные причины глобального системного кризиса: финансовые инновации, опирающиеся на доминирующую экономическую доктрину, информационные асимметрии и роль государства.

Отмена жестких правил регулирования международных финансовых потоков, действовавших в рамках Бреттон-Вудской валютной системы, позволила транснациональным корпорациям разработать ряд чрезвычайно доходных финансовых инноваций. Этому в значительной степени способствовала неолиберальная парадигма финансовых рынков, в значительной степени высвободившая финансовые учреждения из-под контроля национальных регулирующих органов. Новые финансовые технологии резко ускорили оборот капитала, обеспечив ему виртуальный прирост в отрыве от реальных ресурсов. Вероятность наступления финансовых кризисов была усилена информационными асимметриями, возникающими в том числе в связи с монополизацией стратегической информации об участ-

никах международных финансовых рынков американскими кредитными рейтинговыми агентствами. Другой проблемой стало запоздалое регулирование. Каждый новый кризис ведет в целом к улучшению регулирования финансовой системы, поскольку учитывается опыт предыдущих кризисов. Вместе с тем никакое регулирование не является оптимальным и не обеспечивает абсолютную защиту от новых кризисов.

Как известно из денежной теории, реальная стоимость денег уничтожается под влиянием гиперинфляции, которую профессор Гарвардского университета Н. Фергюсон метко окрестил «антибуржуазной революцией» [2, с. 61]. Для предотвращения подобного снижения реальной стоимости финансовых активов во время глобального финансового кризиса банки Америки и Европы приостановили кредитование предприятий, которые, в свою очередь, были вынуждены отправить людей «в отпуска» за свой счет. В результате этих двух действий резкое повышение цен на конечную продукцию было нивелировано сокращением номинальных доходов в реальном секторе экономики. Данный эффект был усилен за счет падения цен на сырьевые ресурсы, что поставило под угрозу существование и даже банкротство целого ряда предприятий сырьевого комплекса. Обескровив реальный сектор экономики, банки не только сохранили свои деньги, но и смогли возместить свои убытки за счет организации государством программ покупки неликвидных активов.

Обнуление процентных ставок для обслуживания непомерно возросших долговых обязательств вызвало обратный эффект — дефляцию, усиленную пандемией COVID-19 в связи с повсеместным объявлением локдаунов и отправлением работников в вынужденные отпуска при сохранении выплат заработных плат за счет средств государственных бюджетов. При этом в выигрыше вновь оказались крупные корпорации и банки, убытки которых были покрыты государством: к концу 2021 г. совокупные размеры мировой рыночной капитализации и глобальных банковских активов выросли вдвое по сравнению с их пиковыми значениями накануне глобального финансового кризиса в 2007 г.

Финансовые рынки накопили значительный опыт по быстрому наращиванию утраченной рыночной капитализации. Ковид-кризис не является в этом отношении исключением. Необходимо было только грамотно разработать стратегию и вдохновить реальный сектор на построение новых финансовых пирамид (что произошло, например, на рынке акций компаний, осуществляющих продажу товаров и услуг через интернет). Данное положение вещей еще раз доказывает, что кризисы служат механизмом перераспределения активов в пользу глобальных корпораций в условиях растущей зависимости правительств и населения от реализации модели долгового экономического роста.

Новая глобальная парадигма

По состоянию на начало марта 2021 г. размер чрезвычайного финансирования, объявленный странами после начала пандемии COVID-19, составил 13,8 трлн долл. (13,5% мирового ВВП), что более чем в четыре раза превысило сумму финансовой поддержки, предоставленную правительствами во время глобального финансового кризиса. Эти меры, направленные на предотвращение массовой безработицы и уничтожения целых отраслей промышленности, позволили обозревателям журнала *The Economist* заговорить о возвращении эпохи государства всеобщего благосостояния [4]. Следует, однако, уточнить, что почти весь объем антикризисного финансирования приходится на богатые страны. В развивающихся странах корона-кризис вызвал отток капиталов, девальвацию валют и ухудшение условий обслуживания долговых обязательств, в результате чего в 2020 г. Замбия, Аргентина, Белиз, Эквадор, Ливан и Суринам объявили дефолты.

Разбалансировка мировой валютно-финансовой системы, вызванная корона-кризисом, в очередной раз доказала, что дальнейшее воспроизводство однополярной модели долгового роста, основанной на кредитных деньгах, влечет за собой едва ли преодолимые последствия для глобального развития, что выражается в его возрастающей кризисогенности, нестабильности и несбалансированности, увеличении экономического неравенства, волатильности финансовых потоков, чрезмерном накоплении долговых обязательств, квазинулевых (отрицательных) процентных ставках в ведущих экономиках мира, ослабляющих эффективность регуляторов.

Несмотря на многочисленные усилия, предпринимаемые со стороны правительств США и других развитых стран, вышеуказанные проблемы не разрешаются ни мерами неолиберальной политики (снижение налогов, расширение линейки финансовых инструментов), ни неокейнсианскими методами регулирования экономики (через программы количественного смягчения и увеличение социальных расходов).

Кризис мировой экономики сопровождается увеличением доли развивающихся стран в мировой торговле, инвестициях и ВВП. Растущее влияние развивающихся рынков способствует формированию многополярной мировой экономики. Вместе с тем в настоящее время валюты крупных развивающихся стран играют гораздо меньшую роль в мировой валютно-финансовой системе, чем предполагает их экономический размер: доминирующие позиции в международных резервах, инвестициях и платежах по-прежнему сохраняются за долларом США.

Таким образом, разбалансировка мировой экономики обуславливает объективную необходимость формирования новой парадигмы эволюции мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации.

Как доказал в своей работе британский экономист Р. Коуз [3], развитие экономики невозможно без постоянного снижения транзакционных издержек. Исторически снижение транзакционных издержек обеспечивалось на глобальном уровне посредством модернизации технологического базиса общественного развития и осуществления соответствующих изменений в финансовой сфере.

Однако каждый раз при переходе на новые технологии наибольшие выгоды получали США и Великобритания, которые в рамках очередного технологического уклада посредством модернизации господствующей экономической доктрины и создания нового международного стандарта в денежной сфере сохраняли свои ведущие позиции в мировой экономике и мировых финансах.

На современном этапе перевод мировой экономики и мировых финансов на новые технологические рельсы осуществляется через концепцию устойчивого роста, основанную на широкомасштабном внедрении углеродно нейтрального производства энергии. Для реализации данных намерений на саммите «Большой семерки», проходившем в июне 2021 г. в британском Корноулле, лидеры наиболее развитых стран заявили о необходимости смены господствующей экономической парадигмы, известной как Вашингтонский консенсус¹. Старый консенсус оказался неспособным противодействовать экономическим, экологическим и эпидемиологическим потрясениям.

На саммите было предложено радикальным образом переориентировать традиционное общественное представление об экономическом развитии, измеряемом по таким показателям, как рост ВВП, валовой добавленной стоимости и финансовой отдачи, и в будущем оценивать экономические успехи в зависимости от степени достижения общих целей устойчивого развития ООН.

По взаимному согласию высоких сторон — участников саммита отныне одним из условий получения грантов и инвестиций от государства и многосторонних межправительственных организаций должна стать быстрая декарбонизация экономики. Правительствам рекомендовано перейти от политики вмешательства в деятельность рынка по факту нанесения экономического ущерба к заблаговременному предупреждению рисков и потрясений в экономике путем активного формирования рынков в соответствии с требованиями «зеленой» экономики [6].

¹ Этот термин появился в 1989 г. для описания комплекса политических мер, проводимых в сфере фискальной, налоговой и торговой политики под эгидой МВФ и Всемирного банка. По сути, Вашингтонский консенсус стал манифестом неolibеральной глобализации. На протяжении более трех десятилетий он определял правила игры для мировой экономики, включая минимизацию роли государства, дерегулирование, приватизацию и либерализацию глобальных рынков.

Кроме того, на саммите было достигнуто принципиальное соглашение по введению глобального корпоративного налога в размере не менее 15% (в зависимости от юрисдикции), взимаемого с многонациональных компаний и уплачиваемого по фактическому месту их операционной деятельности.

Цифровой «Бреттон-Вудс»

Вызванные пандемией COVID-19 ограничения доступа международных операторов к финансовой ликвидности и спад мировой торговли, связанный в том числе с проблемами подписания и выполнения контрактов международными контрагентами, переведенными в режим самоизоляции, повысили актуальность внедрения инновационных цифровых технологий как способа снижения трансграничных барьеров для поставщиков финансовых услуг и метода обеспечения потребителям и предприятиям эффективных трансграничных платежей.

Характерно, что за последнее десятилетие создание мобильных денег посредством цифровых платформ позволило интегрировать в финансовую систему более миллиарда новых пользователей, не имевших ранее доступа к банковским счетам. Вызванное этим увеличение прибылей ужесточило конкуренцию высокотехнологических монополий. Противостояние за лидерство в цифровой сфере между США и Китаем наряду с ростом киберугроз могут привести к запрету экспорта и импорта таких стратегических технологий, как 5G, платформы социальных сетей, приложения систем безопасности, основанные на больших данных, полупроводники, что затронет множество стран. Такое развитие событий дало повод экспертам МВФ обсуждать возможность заключения нового Бреттон-Вудского соглашения по вопросам цифровых технологий для регулирования сотрудничества между странами, основанного на принципе открытых рынков [1].

Следует подчеркнуть, что среди развитых стран мировыми лидерами в сфере финансовых технологий выступают США и Великобритания. На рынке FinTech Великобритании работает около 76 500 человек, и он приносит около 6,6 млрд ф. ст. ежегодного дохода [10]. Завершение процедуры выхода Великобритании из ЕС и приход в Белый дом администрации Дж. Байдена создают уникальные возможности для усиления кооперации Великобритании и США как двух крупнейших финансовых рынков в сфере развития цифровых финансовых технологий [9].

В стремлении создания новых форм финансового сотрудничества с использованием цифровых технологий Сити не обошел своим вниманием и Россию. В начале 2021 г. TheCityUK (наиболее влиятельное лобби британской финансовой индустрии) и Московский инновационный кластер при поддержке Посольства Великобритании в Москве объединили

ряд британских и российских экспертов FinTech для обмена мнениями о том, как COVID-19 повлиял на экосистему FinTech в обеих странах и какие шаги необходимо предпринять для дальнейшего развития финансовых технологий.

Результатом обмена мнениями британских и российских экспертов стала разработка ряда рекомендаций, включающих: 1) повышение конкуренции за счет развития возможностей открытого банковского обслуживания и открытого API; 2) создание более интегрированного финтех-ландшафта путем объединения на единой платформе традиционных финансовых учреждений, экспертов-практиков и стартапов; 3) изучение того, как технология правового регулирования (RegTech) может быть использована для повышения эффективности, снижения затрат и ограничения рисков; 4) обеспечение приоритета принципа финансовой инклюзивности для подключения к рынку пользователей, не имеющих доступа к банковским услугам, а также микро-, малых и средних предприятий; 5) изучение способов использования FinTech для поддержки достижения целей «зеленого» роста и финансовой устойчивости [8].

Заключение

Инициативы США и Великобритании по изменению действующей системы глобального регулирования направлены на сохранение ведущих позиций англосаксонских стран в цифровой экономике и цифровых финансах. Инструментами достижения этой цели может стать создание совместными усилиями США и Великобритании новой модели глобального сотрудничества в области регулирования финансовых услуг — некоего аналога Бреттон-Вудса в цифровом формате. Помимо извлечения ощутимых финансовых выгод, внедрение такой модели позволит англосаксонским странам оказывать непосредственное воздействие на реструктуризацию мирового банковского и фондового рынков в условиях грядущих полномасштабных цифровых трансформаций мировой экономики. Однако реализация столь амбициозных планов Лондона и Вашингтона осложняется открытыми вопросами регулирования глобальных корпораций, мотивации перехода бизнеса на углеродно нейтральные технологии, а также возрастающими финансовыми возможностями развивающихся рынков и усилением роли их национальных валют в международных финансах. От успеха интернационализации валют развивающихся стран зависит, насколько новые финансовые центры (включая группу стран БРИКС) смогут создать реальную альтернативу англосаксонскому доминированию в цифровой экономике и цифровых финансах.

Укрепление суверенитета России в условиях формирования новой глобальной парадигмы зависит от достижения конкретных результатов

по крайней мере в двух стратегических областях. Во-первых, создания в рамках Евразийского экономического пространства независимой от доллара США и англосаксонских финансовых технологий расчетно-платежной инфраструктуры. Во-вторых, осуществления дальнейшего повышения эффективности собственной системы энергообеспечения без ущерба для курса, взятого на восстановление экономической самодостаточности во всех сферах национального хозяйства.

Литература

1. *Гарсиа-Масиа Д., Гойял Р.* Раскол в цифровую эпоху // *Финансы и развитие*. — 2021. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2021/03/pdf/garcia.pdf>
2. *Захария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Ладомир, 2004. — 326 с.
3. *Коуз Р.* Фирма, рынок, право: пер. с англ. — М.: Дело ЛТД при участии изд-ва «Catallaxy», 1993. — 192 с.
4. Covid-19 has transformed the welfare state. Which changes will endure? *The Economist*. March 6th 2021. — URL: <https://www.economist.com/briefing/2021/03/06/covid-19-has-transformed-the-welfare-state-which-changes-will-endure>
5. IMF. World Economic Outlook, April 2021: Managing Divergent Recoveries. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>
6. *Mazzucato M.* A New Global Economic Consensus. Project Syndicate. 13 October 2021. — URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/cornwall-consensus-rebuilding-global-governance-by-mariana-mazzucato-2021-10?utm_source=Project%20Syndicate%20Newsletter&utm_campaign=aab7329410-sunday_newsletter_10_17_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-aab7329410-107392438&mc_cid=aab7329410&mc_eid=e6e0564ab5&barrier=accesspaylog
7. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. — Harvard University Press, 2014. — 696 p.
8. TheCityUk. Moscow innovation cluster. UK-Russia FinTech working group: Insights on challenges and opportunities from Covid-19. March 2021. — URL: <https://www.thecityuk.com/assets/2021/Reports/1df2cb75f1/UK-Russia-FinTech-working-group-Insights-on-challenges-and-opportunities-from-Covid-19.pdf>
9. TheCityUK. UK-US financial innovation: digital payments. July 2021. — URL: <https://www.thecityuk.com/assets/2021/Reports/3e7b481136/UK-US-financial-innovation-digital-payments.pdf>
10. UK FinTech State of the Nation. Department for international trade. April 2019. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/801277/UK-fintech-state-of-the-nation.pdf
11. UNCTAD. World Investment Report 2020. P. 22. — URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>

ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ — ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

Аннотация. Русская цивилизация как культурно-исторический феномен сформирована географической средой, выжить в которой было можно только на таких ценностных приоритетах, которые и создали образ жизни народа или его культуру. В статье показаны исторически сложившиеся ценностные приоритеты русской культуры в разные периоды ее существования — в исторической России до-советского периода, в советский период, в современной России. Показано, что эти приоритеты действуют и в масштабе всей страны, и в масштабе отдельной личности. Но ценности культуры всю историю государства Российского, кроме последнего века, не совпадали с его идеологией. Наибольшее сближение ценностей культуры и принципов идеологии России видим в советское время, когда ценности культуры как образа жизни народа перешли в идеологию общества и воплотились на некоторое время в организации всей общественной жизни государства. Рассмотрены и «новые» ценности современной России, истоки западного и русского понятия «свобода».

Ключевые слова: ценности, русская культура, русская цивилизация, идеология, традиционные, коллективизм, индивидуализм, духовное, материальное, обязанности, права, совесть, справедливость, закон, будущее, правда, свобода.

Abstract. As a cultural and historical phenomenon, Russian civilization was formed by a geographical environment in which it was possible to survive only on such value priorities that created the way of life of the people or their culture. The article shows the historically established value priorities of Russian culture in different periods of its existence — in historical Russia of the pre-Soviet period, in the Soviet period, in modern Russia. It is shown that these priorities operate both nationwide and on the scale of an individual. But the values of culture throughout the history of the Russian state, except for the last century, did not coincide with its ideology. We see the greatest convergence between the values of culture and the principles of ideology of Russia in the Soviet era, when the values of culture as a way of life of the people turned into the ideology of society and were embodied for some time in the organization of the entire social life of the state. The “new” values of modern Russia, the origins of the Western and Russian concepts of freedom, were also considered.

Keywords: values, Russian culture, Russian civilization, ideology, traditional, collectivism, individualism, spiritual, material, duties, rights, conscience, justice, law, future, truth, freedom.

Традиционные ценности русской культуры

1. Общее выше частного (коллективное выше индивидуального)

В исторической России — это главный признак (коллективизм), различающий индивидуалистическое (западное) и коллективистское (русское) общество. Принцип коллективизма исторически закреплялся в России и в жизни рода, в которой разные поколения были соединены в общую семью, и в совместном способе жизни общины, которая сохранялась в сельской жизни России (а крестьяне составляли 77% населения¹) до начала XX в. (когда были приняты решительные меры по уничтожению общины согласно Императорскому указу от 9 (22) ноября 1906 г.², но в XX в. она была восстановлена в новой форме — колхозов, совхозов), и в способе организации жизни государства как семьи с централизованной патерналистской властью. Он обеспечивал отсутствие национальной и религиозной розни в общей многонациональной и многоконфессиональной семье народа России, где царил принцип «сильный помогает слабому», а не «сильный побеждает слабого» в конкурентной борьбе. Коллективизм (кон) определял нормы поведения людей. По словарю Даля кон — согласие, товарищество, братство³. В общине товарищество — это «круговая порука в помощь каждому, если каждый в помощь для всех. Так издревле в Роду Русском велось: каждый за всех, все за каждого»⁴. В царской России коллективизм (соборность) приносился в идеологию государства православием. Однако коллективизм русской культуры входил в противоречие с антагонизмом классов, вызванным эксплуатацией и несправедливостью распределения благ.

В советский период коллективизм характеризует не только культуру, но и идеологию общества — всю систему его хозяйства. В Советской России общая цель и общие интересы выше индивидуальных, что вовсе не означает подчинение человека государству и чуждым ему целям и интересам, как это толкуется в прозападной гуманитарной науке («коллективизм — главенство некоего коллектива или группы, например, общества, государства, нации или класса, над человеческой личностью... Коллекти-

¹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/24.php (дата обращения: 23.11.2021).

² Чупров А. Уничтожение сельской общины в России. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/analit06.php> (дата обращения: 23.11.2021).

³ Кон. URL: <https://glosum.ru/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%B6%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%9A%D0%BE%D0%BD> (дата обращения: 10.10.2020).

⁴ «Русская Правда» или «Конституция»? URL: <https://via-midgard.com/news/analitika/print:page,1,7316-russkaya-pravda-ili-konstituciya.html> (дата обращения: 01.04.2021).

визм противостоит индивидуализму, подчеркивающему автономию личности, ее независимость и самостоятельную ценность¹). Какие это общая цель и общие интересы? Как и во все времена главная «общая» цель Российского государства (в окружении агрессивных соседей) — защита своей земли и народа, тем самым и каждого рода, каждого человека. Отсюда роль армии, оборонной промышленности. Это первый из «общих интересов», которые не противостоят индивидуальным, как нам внушают либеральные СМИ, а наоборот, они и есть главные индивидуальные, присущие всем и каждому, кто связывает свою жизнь с Россией. Другие «общие» интересы, реализуемые государством тоже в интересах каждого человека, — развитие промышленности и сельского хозяйства (удовлетворение витальных потребностей человека), образования, науки, культуры, физкультуры и спорта, здравоохранения и т.д. (духовное и физическое развитие человека).

В современной России как в индивидуалистическом (капиталистическом) обществе, напротив, интересы индивида, причем духовно неразвитого индивида, или в общем случае интересы части целого выше общих интересов целого. Отсюда через процессы приватизации в основном не государство, а отдельные фирмы, бизнесмены, фермеры в целях получения прибыли (а не сохранения и развития народа) развивают (если развивают) промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли. Отсюда предпочтение для сохранения жизни человека сдать в плен при нападении на страну (и Европа потому и сдалась фашистам), отсюда свобода индивида-предпринимателя получать прибыль за счет здоровья населения и т.д.

2. Духовное выше материального

Исторически для русского человека цель хозяйственной деятельности (т.е. «материального») не богатство, а достаток («хлеб наш насущный даждь нам днесь...». Или «...ручей, очаг и ложе, не больше, о Боже...» — это уже современный бард М. Шербаков). А при достижении этой цели — православный человек идет в церковь «очиститься», исповедоваться, осознать свои грехи и испросить прощение за них, просить помощи в противостоянии искушению и лукавству. Духовная общность (сострадание и готовность помочь) соединяла русских людей в общины, а не деньги или выгода. Честь, достоинство, совесть, друзья и т.д. в русской традиции не продаются. Духовность русского человека до поры до времени мирила его со своими угнетателями, что накапливало противоречия в обществе.

¹ Коллективизм. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/538/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 22.11.2021).

В советской России не религия стала определять понятие духовности. С первых лет ее образования наряду с ускоренной индустриализацией активно развиваются духовные сферы общества — наука, образование, просвещение, литература и искусство и т.д. — сферы духовного развития человека. Магазинов было мало, зато доступные всем театры, библиотеки, дворцы культуры и т.д. — везде, в городах и деревнях. И дети пели: «Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, когда мои друзья со мной!»

В современной России, напротив, приоритет развития материальных сфер, но даже не промышленности и сельского хозяйства, а сферы услуг: всюду понастроены торговые и развлекательные центры, юридические конторы, офисы и банки, кафе и рестораны и т.д. В сферу услуг превратились и культура (театры, концертные залы), и образование, и наука. Все, включая образование, для удовлетворения потребностей неразвитого человека. Людей соединяет взаимовыгода («ты — мне, я — тебе»). Отсюда продажность (взаимовыгодные отношения) ученых, врачей, политиков, журналистов и т.д.

3. Обязанности человека выше его прав

Исторически русский человек обеспечивал свою жизнь и жизнь семьи, рода — трудом, а не войнами, грабежом, торговлей. Труд, обеспечивающий достаток в семье, — это первейшая обязанность и родителей, и старших братьев и сестер в русской крестьянской семье. В исторически русской культуре труд — это обязанность служить «целому», где «целое» иерархично — от семьи до своей страны, России. В период становления первого Русского государства Иван III формирует государственную элиту не по принципу знатности и родовитости, а по качеству служения. Служение понимается как обязанность, как исполнение долга (отсюда «служаший», а не «чиновник»). «Функция служения становится основным механизмом складывания существенно имперского характера единого Русского государства... Этническое происхождение и вероисповедание имеют вторичное значение по отношению к государевой службе... Русская элита отныне должна служить, а не править»¹.

В советской России общество формировалось как система, в которой почет добросовестному, творческому труду. Обязанность трудиться была обеспечена правом на труд. Обязанность, долг и есть те отношения элементов системы, которые делают ее устойчивой — начиная от семьи, кончая целым — страной. Служение, а не наемный труд отличает советского «слу-

¹ Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2021. С. 78–79.

жащего» от чиновника или наемного работника в капитализме. В сталинский период в руководство (номенклатуру) назначались те, кто служил целому, стране, а не соответствующие этому уровню духовного развития руководители снимались. Хрущев изменил этот принцип, номенклатура перестала быть самой ответственной частью общества, а при Брежневе номенклатура и вовсе почувствовала свою безнаказанность и потому втянула в себя не лучших.

В современной России в рыночной идеологии работник себя продает на то рабочее место, где больше платят. Это — наемный труд. Такой работник в госорганах называется чиновник. Почет не трудовому подвигу, а тому, кто больше обогатился. Приоритет права и свобод в современной России, пришедший к нам под флагом «общечеловеческих ценностей» (приоритет прав и свобод индивида мы видим во Всеобщей Декларации прав человека¹ 1948 г., где об обязанностях — одна статья (29) из 30 статей прав и свобод, тогда как Декларации обязанностей человека нет), породил уродливые явления, особенно ощутимые в условиях непрекращающейся пандемии. Стремление власти создать коллективный иммунитет воспринимается агрессивно: «Нарушаются наши права и свободы».

4. Совесть, справедливость выше закона

Исторически в России «у славян было принято жить не по правилам и догмам, но по чистой совести, защищая подлинные ценности... Жизнь по совести исключает двоение, лукавство... жизнь по кону обеспечивает совестливое и ответственное проживание каждого во благо всех и всех во благо каждого»². На Руси считалось, что «самое страшное, что может произойти с человеком в жизни, это потеря совести»³. Поэтому «можем обойтись без писаных законов, когда они начертаны в сердцах наших» (Н. И. Лобачевский⁴). Законы пришли в Россию вместе с государственностью и до революции 1917 г. защищали интересы господствующих классов. Л. Н. Толстой это отметил: «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им — властвующим, вы-

¹ Всеобщая Декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.11.2021).

² Жить по КОНу или за коном? URL: <https://iosim.livejournal.com/31932.html> (дата обращения: 01.10.2020).

³ Основной Покон (закон/конституция) Державы Русь. Родовое право. URL: <http://mspa7520.ru/d/312288/d/osnovnoy-rokon.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

⁴ Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. М.: Педагогика, 1990. С. 176.

годно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено»¹.

В советской России этот ценностный приоритет сохранялся, человек с детства осваивал не законы, а понятия «совесть», «стыд», «честь». Мы, дети, играя, говорили, оценивая поступок подруги: «бессовестная!», или «как не стыдно!», или «это не честно!». Законы мало кто изучал, их широко не преподавали, но поступали так, как считали справедливым, как диктовала совесть; да и не любую ситуацию можно разрешить законом — закон всеобщ, а ситуация конкретна, да и закон опаздывает. А нечестных, бессовестных (воров, мошенников, безответственных руководителей и т.д.) судили и наказывали, при Сталине особенно строго — по законам военного времени.

В современной России, наоборот, какое наказание захватившей все этажи власти коррупции? Медведев в свое время, будучи президентом, нашел выход в существенном повышении зарплат чиновникам госаппарата. Нам навязан европейский образец правового государства, где понятия такого «совесть» нет, его заменяет «conscience», что этимологически связывает это понятие с наукой или знанием, а значение термина «справедливость» (justice) выводится из (justice) — правосудие. То есть справедливо то, что законно. Нам внушают, что надо руководствоваться «правовым сознанием», в соответствии с которым красть нельзя, но «не пойман — не вор», т.е. вообще красть можно, но нельзя оставлять улики — тогда ты не вор. И убивать так же можно, не оставляя улики, — в Америке убиты три президента.

5. Будущее (детей, внуков, рода, народа) выше настоящего (собственной жизни)

Исторически на Руси воины (крестьяне) жертвовали своей жизнью, защищая, сохраняя свою землю, свой род, народ, Родину (*Род-ину*).

В советской России сохранялась эта традиция, она была продемонстрирована во Второй мировой войне.

В современной России, наоборот, мы не знаем, куда капитан ведет корабль нашей государственности, власть отчитывается настоящим, ежегодными показателями, большое значение приобрело текущее «ручное управление», а не стратегическое планирование. Дети, взрослея, живут своей жизнью, многие «talенты» уезжают в Европу и другие страны (где больше платят).

¹ Лев Толстой. Письмо студенту о праве (1909). URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-13.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

6. Правда — высшая ценность

Исторически на Руси «правда выше солнца, выше неба, выше Бога»¹, так как «русский народ есть народ, ищущий правды и не могущий жить без правды»². Правда как отношение власти с народом, как основа доверия к власти. Честность («...избави нас от лукавого») — основа доверия человека к человеку. «Государство правды» — так видели евразийцы будущую Россию.

Была ли **советская Россия** государством правды? Можно сказать, что в самом существенном, в своей идеологии — да, государство действительно строило, как могло, справедливое коммунистическое общество, другое дело, что строительство это шло впервые в истории и требовало знаний, еще не выработанных наукой. Но не было и в организации общества власти ученых, была власть политической партии, со временем переставшей быть авангардом и в интеллектуальном, и в нравственном отношении. Отсюда ошибки, просчеты, а учитывая внешнее влияние — разрушительные. Присутствовало и стремление показать Западу преимущества социалистической системы, что приводило не ко лжи, но к приукрашиванию действительности, к умалчиванию собственных недостатков.

Современная Россия — это общество лжи. Человек — исполнитель социальных ролей, актер, осваивающий ролевое поведение. Только так может общество принять индивидуалиста — в маске коллективиста.

Новые ценности

Новый строй в России был инициирован в основном интеллигенцией, которая хотела свободы творческой деятельности и видела несоразмерность ограниченными интеллектуальными и духовными возможностями правящей коммунистической элиты ее властных полномочий. Свободу творчества она получила, и не только она. Понятие «свобода» становится центральным в идеологии общества.

Свобода личности уже давно существует в западной цивилизации как свобода духовно неразвитой личности. Этой личности чужда свобода как осознанная необходимость, вытекающая из осознания себя частью системы, как она мыслилась в идеологии отцов-основателей этого общества свободных индивидов, свобода рефлексивного (и тем более духовного) этапа развития человека³, который большинством в обществе по-

¹ Розанов В. В. Уединенное. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253710&p=10> (дата обращения: 22.11.2021).

² Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: АГРАФ, 1978. С. 315.

³ Румянцева Н. Л. Социальная эволюция человека. Системно-диалектический подход. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 238 с.

требления — капитализме не достигается. А на экзистенциальном этапе, на котором заканчивается такое развитие в капиталистической идеологии, эта свобода большинства народа становится инструментом разбалансирования работы социума, что до последнего времени властями преодолевалось: свобода превратилась в симулякр, обман, неосознаваемый как таковой этим большинством. И вот последние выборы президента в США обнажили лживость такой свободы и в целом провозглашаемой идеологии капиталистической системы. В русской культуре исторически сложилось иное понятие свободы. Рассмотрим их различие.

Истоки западного и русского понятия свободы

Истоки западного понятия свободы можно найти в Библии.

Многобожие (языческая религия) была отвергнута Яхве, и через Моисея была реализована новая религия единобожия — для объединения и освобождения из рабства евреев. Нет речи об изменении принципов жизнедеятельности, речь идет об изменении места еврейского народа в существующей общественной структуре: рабовладелец — раб. И о свободе как освобождении от рабства, т.е. переходе из положения рабов в положение рабовладельцев. При этом утверждается невозможность превратить раба («людей с рабской психологией») в «свободного человека», потому понадобилось 40 лет скитания и новое поколение евреев. К какой свободе человека привело это событие в жизни еврейского народа?

Здесь разворачивается представление о свободе верующего человека, представление, что можно через скрижали или некое внешнее указание (даже высшего, вселенского начала), что надо делать, а чего нельзя — преобразовать человека, сделать его свободным. Утверждается обретение свободы через повиновение. Это представление о свободе мы находим и в современном исследовании роли Пятикнижия¹: «Над человеком есть Бог, воле Которого он должен безусловно повиноваться. Это означало, что только в этой внутренней связанности с высшим и вселенским началом человек обретает свою свободу». Это идея замены развития человека как члена общества, в котором он сам приходит к пониманию нравственных норм, сначала к пониманию, а потом и к желанию (воле) жить по ним, — замена такого развития «инструкцией по поведению». Но человек, находящийся в подчиненном состоянии, в зависимости от кого-то, пусть даже высшего, вселенского начала, — это не свободный человек.

¹ Гусейнов А. А. Десятисловие Моисея: канон справедливости // *Философия права Пятикнижия* / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Б. Рашковского. Сборник статей. М.: ЛУМ, 2012. С. 48.

Закон воли, управляющей поведением человека, — ее стремление к свободе. А неразвитая природа, требующая свободы воли, неизбежно приводит к раздвоению, к лживому поведению: одно поведение «для посторонних наблюдателей» — это следование инструкции; другое (скинута маска) — неафишируемое поведение, которого требует воля, утаивание не разрешенных обществом деяний. Возможно и их слияние: грешить и каяться.

Этот принцип внешнего управления человеком перешел из религии в правовое регулирование жизнедеятельности граждан государства. Социализация человека в западном правовом государстве и состоит в усвоении этих правил «внешней несвободы»¹. В этом сущность и «правового сознания» («разрешено все, что не запрещено законом») и «правового государства» — принцип внешнего указания, разрешения или запрета действий. Это принцип несвободного выбора индивидом этого действия. И этот принцип необходим для возможности жить в обществе неразвитому человеку, у которого нет собственного внутреннего ориентира (совести), вырабатывающего поведение, способствующее сохранению целого.

Если свобода в Торе мыслится в парадигме свободный (хозяин) — несвободный (работник у хозяина) раб, то в русской парадигме свобода мыслится в другой парадигме: свобода, достигаемая на духовных уровнях развития человека, — в осознании и восчувствовании себя частью целого, вызывающем поведение, способствующее сохранению этого целого, где целое иерархично — от семьи, рода, общины... до народа своей страны². В русском мире исторически нравственные нормы входили в человека через «общественное бытие», формировались совместной жизнью в общине, в социуме, побеждая врожденный эгоизм в трудной душевной работе, ограничивающей собственное «эго», и становились у человека собственными правилами, собственной волей.

Литература

1. *Алексеев Н.* Русский народ и государство. — М.: АГРАФ, 1978. — 640 с.
2. Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. — М.: Педагогика, 1990. — 608 с.
3. Всеобщая Декларация прав человека. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.11.2021).
4. *Гусейнов А. А.* Десятисловие Моисея: канон справедливости // *Философия права Пятикнижия* / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Б. Рашковского. Сборник статей. — М.: ЛУМ, 2012. — 576 с.

¹ *Румянцева Н. Л.* Социальная эволюция человека. Системно-диалектический подход. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 238 с.

² Там же.

5. Жить по КОНу или за коном? — URL: <https://iosim.livejournal.com/31932.html> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Коллективизм. Философская энциклопедия. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/538/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9B%D0%95%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%92%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 22.11.2021).
7. Кон. — URL: <https://glosum.ru/%D0%97%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%9A%D0%BE%D0%BD> (дата обращения: 10.10.2020).
8. *Лев Толстой*. Письмо студенту о праве (1909). — URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-13.htm> (дата обращения: 30.11.2021).
9. Основной Покон (закон/конституция) Державы Русь. Родовое право. — URL: <http://mspa7520.ru/d/312288/d/osnovnoy-pokon.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).
10. *Розанов В. В.* Уединенное. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253710&p=10> (дата обращения: 22.11.2021).
11. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/24.php (дата обращения: 23.11.2021).
12. *Румянцева Н. Л.* Социальная эволюция человека. Системно-диалектический подход. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 238 с.
13. «Русская Правда» или «Конституция»? — URL: <https://via-midgard.com/news/analitika/print:page,1,7316-russkaya-pravda-ili-konstituciya.html> (дата обращения: 01.04.2021).
14. *Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П.* Идеология русской государственности. Континент Россия. — СПб.: Питер, 2021. — 688 с.
15. *Чупров А.* Уничтожение сельской общины в России. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0501/analit06.php> (дата обращения: 23.11.2021).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРАТИВ РУССКО-ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РОССИЯ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ. ТРЕТИЙ ПУТЬ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совместимости ценностей православной, русско-евразийской цивилизации с ценностями коллективного Запада. Развитие «исторической России» убеждает нас в том, что ценности протестантской и католической Европы абсолютно противоположны ценностям северо-восточной православной цивилизации как Русской Евразии.

Речь идет о тысячелетней «исторической России», которая объединила европейскую Россию с ее азиатской частью в страну-континент, в государство-цивилизацию, которая расположена в суровых природно-климатических условиях. Россия сможет сохранить себя как геополитический субъект на карте мира только при одном условии, а именно: отвергнув западную либеральную модель экономики, чтобы развиваться как Россия некапиталистическая. Речь идет о третьем пути, о третьем способе производства, который практически существовал и существует в мировом хозяйстве.

Ключевые слова: русско-евразийская цивилизация, коллективный Запад, страна-континент, государство-цивилизация, геополитический субъект, третий путь, Россия некапиталистическая.

Abstract. The article examines the compatibility of the values of the Orthodox, Russian-Eurasian civilization with the values of the collective West. The development of “historical Russia” convinces us that the values of Protestant and Catholic Europe are absolutely opposite to the values of the northeastern Orthodox civilization, as Russian Eurasia.

We are talking about a thousand-year “historical Russia” that united European Russia with its Asian part, into a continental country, into a civilization state, which is located in harsh natural and climatic conditions. Russia will be able to preserve itself as a geopolitical entity on the world map only on one condition, namely, rejecting the Western liberal economic model in order to develop as a non-capitalist Russia. We are talking about the third way, about the third mode of production, which practically existed and still exists in the world economy.

Keywords: Russian-Eurasian civilization, collective West, continental country, state-civilization, geopolitical entity, third way, non-capitalist Russia.

Известные экономисты и лидеры мировой политики неоднократно заявляли, что современный капитализм уже давно исчерпал себя. Выйдя за свои пределы, он перестал быть — *собственно* капитализмом как способом производства. Еще до «распада» СССР (уничтожения СССР) — в период начавшейся глобализации мировой экономики в начале 1980-х гг. — капитализм как способ производства стал трансформироваться в способ глобального перераспределения мировых богатств в пользу США как лидера мирового хозяйства [10, с. 559–566]. На этом фоне выглядит очень циничной политика Запада по отношению к постсоветской России: все 30 лет после распада СССР политики и ученые Запада активно навязывали нам то, от чего они сами уже отказывались.

1. Консолидация англосаксонского и западноевропейского мира в борьбе против постсоветской России

В контексте вышесказанного не менее циничной выглядит позиция известных русских политиков и ученых (включая и тех, кто считает себя патриотами), которые заявляют о своем единстве, пусть и не прямо, а косвенно, — с Европой, забросавшей нас экономическими санкциями. Вне зависимости от их намерений, вольно или невольно, но они отрицают единство европейской части России с азиатской Россией, которая на протяжении веков была составной частью тысячелетней «исторической России» (В. В. Путин). Нас — сторонников русского евразийства, составной частью которого является *евразийский мейнстрим*, противостоящий англосаксонскому экономическому мейнстриму (заполонившему вузы России), упрекают в том, что мы, дескать, *«смешиваем Европу с Азией»*.

Происходила фактическая рекультуризация нашей молодежи посредством ее воспитания на основе западных ценностей и западного образа жизни [11, с. 448–467]. Европа и коллективный Запад в целом ведут против России ментальную (цивилизационную) войну. Советник министра обороны России С. Шойгу А. Ильницкий заявил: «Последствия этой “ментальной войны” проявляются не сразу, а только как минимум через поколение, когда сделать уже что-либо будет просто невозможно», так как *ход эволюции сознания повернуть вспять невозможно* [21].

Шла скрытая, *гибридная война* коллективного Запада против СССР и его восточных союзников. Россия оказалась в центре этой войны, стала главной мишенью. Достаточно привести всего один факт грабительства России, а именно: *500 крупнейших предприятий России, стоимостью более 200 млрд долл.*, были проданы в 1990-х гг. — всего за *7 млрд долл.* [5, с. 107; 6, с. 11–14]. Однако фактическая рыночная стоимость предприятий страны, по данным крупнейшей международной аудиторской компании «Прайсвотерхаус Куперс», как минимум была занижена в среднем

в 10 раз (об этом говорил, в частности, Стюарт Нонтон, один из руководителей и партнеров компании «Прайсвотерхаус Куперс»). С учетом этого итоги приватизации выглядят еще более удручающими: *500 предприятий*, имеющих реальную рыночную стоимость приблизительно в *2 трлн долл.* ($200 \text{ млрд} \times 10$) были проданы всего за *7 млрд долл.*

Бандитский грабеж России налицо.

2. Поиски на Западе «третьего пути» общественного развития

Понимание неадекватности современного капитализма социальным устремлениям народов и объективным требованиям XXI в. усилили в странах Евросоюза поиски «третьего пути» общественного развития [1; 3]. В 1990 г. Тони Блэр, премьер-министр Великобритании и председатель Евросоюза, провел в Лондоне научно-практический семинар с повесткой дня «Третий путь Европы». В основе такого понимания «третьего пути» Тони Блэра, а затем и концепции «третьего пути» главы правительства Германии конца 1990-х гг. Герхарда Шредера («Новая середина») лежали социал-демократические концепции «народного капитализма» [20, с. 136].

Но был и другой план «третьего пути», который продвигали сторонники концепции «золотого миллиарда» и глобализации по-американски [7, с. 11–14]. Они предлагали разделить мир на две противоположные группы населения: 1) на так называемый «золотой миллиард» и включаемые в него 20% населения планеты — квалифицированных работников, ученых; 2) а остальных 80% населения планеты предполагалось постепенно уничтожать, развращая и растлеывая их посредством алкоголя и наркотиков.

Таким образом, налицо вопиющий пропагандистский обман руководства России. *Поясню.* В то время, когда, *с одной стороны*, США и весь коллективный Запад искали третий путь развития: строили у себя *глобальный нацизм* (США) и *социальное рыночное хозяйство* (Германия, Франция); а *с другой стороны*, постсоветскую Россию Запад заталкивал в неофеодализм и дикое средневековье. В итоге вот уже свыше 30 лет, как постсоветская Россия развивается на принципах, прямо противоположных тем, на основе которых развиваются страны коллективного Запада, экономика и хозяйство которых — если не всех, то многих из них — становятся все более социалистическими. Кто-то возмущенно спросит: *какой же там социализм?*

Напомню таким читателям слова великого немецкого философа Освальда Шпенглера, который писал в 1920 г.: «Глубокое значение может иметь в Германии только социализм в том или ином понимании. Либерализм — удел простаков. Он болтает о том, чего не может дать». И добавил: «Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это *формула, по которой жить невозможно*» [24, с. 56].

США по-прежнему убеждены, что только Америка является избранной страной; что только она должна руководить всем мировым хозяйством, всем мироустройством. При этом страны и народы всего незападного мира, согласно представлениям международных спекулянтов и англосаксонских глобалистов, обречены были жить на 1–2 долл. в день, обречены на нищету и медленное вымирание. В основе такого взгляда на неолиберализм и глобальный порядок лежит теория социального расизма, родиной которого является Англия [12].

Арнольд Дж. Тойнби, известный английский историк, специалист по проблемам цивилизационного развития, однозначно характеризовал такую позицию как проявление расизма. Он указывал, что Запад рассматривает все западные страны как якобы «туземные», недоразвитые. Тойнби отмечал: «Жители Запада воспринимают туземцев как часть местной флоры и фауны, а не как подобных себе людей...» [22, с. 87–88].

И это они — коллективный Запад, воспитанный в духе социального расизма, — сегодня, как и все 30 лет «либеральных реформ», пытаются чему-то учить нас. И смешно, и грустно. Грустно от того, что мы абсолютно несовместимы, мы — разные миры, это как Свет и Тьма. Многие сегодня одурачены западной пропагандистской машиной, отказываясь понимать, что мы не можем быть Европой, стать частью Запада. Отказываются они понимать, что для Запада символом «мировой цивилизации» является только сам Запад, а все «туземные страны» обречены быть в системе мирового хозяйства в качестве всего лишь сырьевых придатков западной цивилизации.

Именно так Запад и относится к нам, даже сегодня, несмотря на наши самые современные вооруженные силы, рассматривая Россию не иначе, как дикую и варварскую страну. Неужели те наши политики и ученые, которые открыто заявляют о том, что они, дескать, — европейцы, не понимают этого?

3. Россия антикапиталистическая: «третий путь»

Либеральные реформы в СССР в конце 1980-х гг. и в постсоветской России проходили под броским лозунгом: «*Иного не дано*». Этот хитроумный пропагандистский лозунг был внедрен в общественное сознание советской интеллигенции в период горбачевской перестройки «пятой колонной» Запада. «Пятая колонна» Запада в Советском Союзе стала тогда действовать наступательно, открыто призывая к отказу от социализма во имя перехода к западной модели, к «свободе и демократии» [9]. Что это было, как не предательство?

Пропагандистский лозунг «Иного не дано» — был *грубой демагогией*. В то время когда в СССР полным ходом шла горбачевская перестройка,

в мировой системе хозяйства уже существовало не два, а три способа производства, три социально-экономические формации, а именно: капиталистическая, социалистическая и некапиталистическая.

Некапиталистический способ производства как *третий путь* общественного развития впервые стал формироваться в Японии — после Второй мировой войны в середине 1950-х гг. В Японии третий путь стал формироваться как результат отрицания западного (англосаксонского) пути общественного развития, основанного на индивидуализме и стяжательстве.

Японскую модель стали называть понятием «восточный капитализм». Однако позднее в целом ряде стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Ю. Корея, Филиппины, Сингапур, Тайвань) стал формироваться однотипный «восточный капитализм», не приемлющий западный тип общества.

Становилось понятно, что речь идет об особой форме третьего пути общественного развития. Философская основа *третьей формы* капитализма основана на этике *восточных духовных религий* (восточном христианстве, исламе и буддизме), т.е. на философии традиционализма.

Давайте поставим риторический вопрос: *а можно ли вообще назвать капиталистическими те страны Востока, экономика которых развивается на основе принципов, прямо противоположных англосаксонскому мейнстриму*, отрицающая индивидуализм, стяжательство, конкуренцию и потребительство (мещанство)? Очевидно, что речь здесь идет именно об особом способе производства.

А теперь вернемся к России. Возможно, что в то время в науке еще не было сформировано представление об особом — третьем способе производства в мирохозяйственной системе. Однако ведущие ученые и академики не могли не знать, что американская модель не является уникальной и господствующей в мире. К 1989–1990 гг. в ведущих издательствах Советского Союза уже были опубликованы известные сегодня монографии американских и японских авторов, в которых была подробно рассмотрена передовая японская модель экономики как модель «восточного капитализма», а также был дан подробный сравнительный анализ американского и японского подходов к управлению экономикой [2, с. 227, 283–287, 311–312; 4, с. 36, 47; 8; 16; 23; 25]. Все дело в том, что к концу 1970-х гг. Япония стала мировым лидером по уровню производительности труда и по темпам роста ВВП. В этом контексте не стоит удивляться тому, что в начале 1980-х годов крупнейшие американские компании стали импортировать японские методы управления предприятиями и всем национальным хозяйством.

Почему же Россия не может быть капиталистической страной?

Начнем с геополитики. Более половины территории нашей страны находится за полярным кругом, а вместе с приполярьем, т.е. северными территориями, это около 65% территории всей страны. Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет три четверти [18, с. 70].

Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляли 50%. Основные причины повышенной энергоемкости: большие затраты на транспорт, холодный климат и высокая доля добывающих отраслей и тяжелого машиностроения [1, с. 239]. Хозяйствуя в суровых природно-климатических условиях, Россия сможет выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории только в том случае, если в основу ее развития будет положена *некапиталистическая модель* национально-экономического развития. Из всего вышеперечисленного следует главный вывод о принципиальной несовместимости национального хозяйства России с мировым рынком [1, с. 239; 18, с. 77, 102–103].

Духовные факторы. Религиозно-философский подход

К числу важнейших факторов, определяющих некапиталистическую организацию многоукладного национального хозяйства России, относятся морально-нравственные факторы. Россия — это особый тип *русско-евразийской* православной цивилизации. Народ таков, какова его национальная культура, а она произрастает из тех религий, которые исторически господствуют в данной стране, в данной цивилизации. Так уж Господь Бог сподобил, чтобы изначально православная Россия [17] стала единственной страной в мире, на территории которой проживают почти все восточные народы — и *православные*, и *мусульмане*, и *буддисты*. Россия — это символ и Абсолют Востока.

Концепция некапиталистического пути — это такая модель многоукладной экономики, которая исключает унификацию хозяйства страны за счет поглощения одним ведущим капиталистическим укладом — всех остальных укладов и форм хозяйства. Это и есть «третий путь» общественного развития. Он исключает господство какой-либо одной узкоклассовой идеологии — буржуазной, мелкобуржуазной, пролетарской и пр.

В заключение заметим, что некапиталистическая модель экономики как «третий путь» общественного развития практически уже прошла жизненную проверку на эффективность в целом ряде стран мира. Добавим к этому, что в России в 1997 г. Госдума приняла Федеральный закон «О народных предприятиях». Речь идет о коллективно-трудовых предприятиях, в рамках которых работники являются *работающими собственниками* (К. Маркс), а капитал предприятия принадлежит трудовому коллективу. Таким образом, законодательная основа для перехода к некапиталистической модели общественного развития в России уже существует.

Требуется лишь политическая воля к тому, чтобы реализовать в стране *консервативную революцию*, сохраняя не только историческую преемственность, но и саму «историческую Россию» (В. В. Путин).

Литература

1. *Валленстайн И.* После либерализма: пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 239.
2. *Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века: пер. с англ. — М.: Экономика, 1991. — С. 227, 283–287, 311–312.
3. *Каллинокос А.* Антикапиталистический манифест. — М.: Праксис, 2005.
4. Как работают японские предприятия: сокр. пер. с англ.; под ред. Я. Мондена и др.; науч. ред. и авт. предисл. Д. Н. Бобрышев. — М.: Экономика, 1989. — С. 36, 47.
5. *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 107.
6. *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Война после войны: Информационная оккупация продолжается. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2005.
7. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализации: атака на процветание и демократию: пер. с нем. — М.: АЛЬПИНА, 2001, — С. 11–14.
8. *Морита А.* «Сделано в Японии»: пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Ю. Юданова. — М.: Прогресс, 1990. — 413 с.
9. *Олейников А. А.* О мировоззренческом расколе во всей системе общественных наук, а также к вопросу о содержании учебников по экономической теории // ДУЭЛЬ. Газета борьбы общественных мнений — для тех, кто любит думать. — 2007. — 3 июля. — № 27 (525). [Электронный ресурс]. — URL: http://www.duel.ru/200727/?27_5_1.
10. *Олейников А. А.* Политическая экономия национального хозяйства / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 1184 с. — С. 559–566 // Авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова: [Электронный ресурс]. — URL: www.euroasianmainstream.ru
11. *Олейников А. А.* Проблема подрыва культурных смыслов: рекультуризация как форма информационной войны // Рождение культурологии в России: сборник научных трудов. Научный редактор — проф. В. П. Океанский. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. — С. 448–467.
12. *Олейников А. А.* Западный капитализм как общественная патология и система социального расизма, как извращение сути бытия человека (Социокультурная динамика капитализма): научное издание. (Серия: «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд»). — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета бизнеса, 2015. — 263 с. // Авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова: [Электронный ресурс]. — URL: www.euroasianmainstream.ru
13. *Олейников А. А.* Евразийский мейнстрим: вопросы теории и методологии. Политическая экономия евразийского национального хозяйства: научное издание. В 2 ч. (Серия: «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд») / д.э.н. А. А. Олейников. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. — 966 с. // Авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова [Электронный ресурс]. — URL: www.euroasianmainstream.ru

14. *Олейников А. А.* Евразийский выбор России: некапиталистическая модель многоукладного хозяйства // Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера»: Сборник тезисов выступлений / под ред. Ю. М. Осипова, Т. С. Сухиной. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. — С. 112–116.
15. *Олейников А. А.* Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников. Модель восточного капитализма): научное издание. (Серия: «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд»). — Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. — 395 с. // Авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова [Электронный ресурс]. — URL: www.euroasianmainstream.ru
16. *Оучи У.* Методы организации производства. Теория Z. Японский и американский подходы: пер. с англ. — М.: Экономика, 1984.
17. *Панарин А.* Православная цивилизация. — М.: Институт русской цивилизации, 2014.
18. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. — М., 2001. — С. 70, 77, 102–103.
19. *Паньков В. С.* Экономические теории современного социал-реформизма. — М.: Мысль, 1980.
20. *Репке В.* Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: пер. с нем. / сост., предисл. и общ. ред. В. Гутника. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. — С. 136.
21. Советник министра обороны Ильницкий предупредил о новом типе войны между РФ и США // Коммерсантъ. — 2021. — 25 марта.
22. *Тойнби А.* Постигание истории. Избранное: сборник: пер. с англ. — М., 2001. — С. 87–88.
23. *Уотермен Р.* Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988.
24. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм: пер. с нем. Г. Д. Гурвича. — М.: Праксис, 2002. — С. 56.
25. *Якокка Л.* Карьера менеджера: пер. с англ.; общ. ред. С. Ю. Медведкова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 353–354.

2. СОЦИУМ

В. В. Рышкус

О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА И РУССКОМ МИРЕ

Аннотация. Статья приоткрывает, что для соотнесения эволюции природы человека с его истинно человеческой природой требуется выйти за рамки экономического подхода, в чем помогает специфика русского мира-хозяйства, направленного на сохранение человека как вида и народного единства.

Ключевые слова: природа человека, русский мир, хозяйство, экономика, пирамида потребностей, чувственно-практическая хозяйственная деятельность, соседская община, родовая община, цивилизация.

Abstract. An article partially opens the fact that for comparison of the human nature evolution with the truly human nature it is necessary to go out of the economic approach, and particularities of the Russian mir-khozyaystvo, aimed on the saving of a man as species and unity of narod.

Keywords: human nature, the Russian world, khozyaystvo, economics, hierarchy of needs, sensationally practical economic activity, neighboring community, tribal community, civilization.

Переживающие души остро чувствуют всепроникающее влияние научно-технического прогресса, то, как автоматизация, роботизация и глобализация формируют новые потребности, склоняют человеческий разум мыслить в направлении правильного выбора профессии, а, по сути, запугивают израненное достижениями экономического развития сознание человека, чувствующего себя одиноким и отстающим от пути великого прогресса. В современном мире, особенно в развитых странах, экономика настолько сильно проникла в жизнь человека, что не только любой товар, но и любую услугу человек получает благодаря развитию экономики. При этом потребности в новых товарах и услугах формируются самой экономикой. Получается замкнутый круг: человек рождается, обучается профессии, зарабатывает деньги, тратит их на производимые экономикой товары и услуги, потребности в которых создаются в нем самой экономикой и кото-

рые множатся и расширяются по мере научно-технического прогресса, снова зарабатывает и тратит, проживая, таким образом, всю свою жизнь.

Неужели эти, создаваемые экономикой потребности и есть потребности, которые даны человеку от природы? На самом ли деле человек родился для того, чтобы держать в руках телефон 17 часов в сутки, не считая времени на сон, и выбирать товары, заказывать услуги, потребление которых, как он думает, сделает его чуточку счастливее? Или это наркотик, на который человек подсаживается в желании стать счастливее, а экономика, верно понимая желание каждого быть счастливым, ловко демонстрирует стремление исполнить волю человека, действуя тем не менее только в собственных, экономически обусловленных интересах? Человек оказывается загнанным в клетку, где кормят по расписанию и говорят, что нужно делать. Осознание того, что ты где-то не на своем месте, приходит, когда человек в поиске себя самого задается вопросом, правильно ли я живу, так ли все делаю. Да, товаров и услуг в достатке, и у человека есть иллюзия выбора, какой стейк съесть сегодня на обед, какой вид массажа получить. Кажется, что где-то в этих координатах человек должен непременно обрести счастье. А к нему тем не менее приходит осознание, что он делает что-то не так. С жиру бесится, скажут одни. Времени много свободного, упрекнул другие. Не утрачивается ли жизненная цель человека как вида по сохранению этого самого вида, когда жизнь подчинена производству, приводящему к потреблению того, что произведено? Где в современном, глобальном мире искать ключ к переменам, к ориентированности жизни человека в сторону самого себя и человеческого рода? Как уйти от того наносного, к чему экономика все сильнее привязывает человека, оставляя его фактически ни с чем? И сохранится ли человек как вид, который внешне будет тем же человеком, но живущим вопреки истинно человеческой природе? И какова она, истинно человеческая природа?

Человек как вид известен нам как человек разумный, пришедший к этой стадии эволюции в том числе от человека умелого. Эволюция связана с тем, как практическая деятельность человека, его умения приводят в движение мыслительный процесс. Человек разумен в том смысле, что умозаключения выводит из своей чувственно-практической деятельности и на основании этого способен определять, какой должна быть его дальнейшая деятельность для решения своих жизненных задач. Единство чувственно-практической и мыслительной деятельности в человеке является его отличительной особенностью как вида. Для сохранения человека как вида человек должен иметь потребность в такой деятельности, которая, с одной стороны, будет задействовать его мозг целиком, от чувственной практики до формирования мыслей на базе этого, и, с другой стороны, которая будет направлена на сохранение самого вида, межпоколенных связей.

Какие и чьи потребности представлены в известной всем пирамиде потребностей А. Маслоу? В основании пирамиды лежат физиологические потребности. Далее, по мере движения к вершине, можно обнаружить потребности в самореализации и общественном признании. С одной стороны, уже в основании пирамиды мы не находим ничего специфически человеческого: физиологические потребности как базовые присущи и животным. С другой стороны, эта пирамида, по своей сути, отрицает истинно человеческую природу, включая потребности человека как индивида, оторванного от других людей, от корней, от народа, живущего обособленно и отчужденно. Этот абстрактный индивид похож на смитовского экономического человека, склонного по своей природе к мене и торговле и нацеленного только на собственные выгоды. Человек как вид стремится сохранить свой вид, а потому имеет базовую потребность в *целесообразной его истинно человеческой природе деятельности*. Удовлетворение потребности в этой деятельности является главным условием сохранения человека как вида. Экономическая наука, признавая за деятельностью как *работой* роль *средства* удовлетворения множества индивидуальных потребностей, рассматривает абстрактного субъекта, эволюционировавшего от своей истинно человеческой природы. Человеческая деятельность перестает быть потребностью, а потому оказывается за рамками пирамиды человеческих потребностей.

Вместе с тем для человека как вида важен принципиально иной *характер* его деятельности. Для человека жизненно необходимо заниматься деятельностью, в которой ее сознательная сторона является следствием чувственной практики человека. Человек разумный приобрел размеры своего мозга в ходе эволюции его предшественников. Главным отличием его от животных, в том числе от человекоподобных обезьян, является целостность мозга, выраженная в единстве сознательной и практической деятельности человека: человек задумывает то, что хочет получить, создает для этого орудие, применяет его и получает конечный результат. Мозг, участвуя в такой цельной деятельности, получает обратную связь в результате совершаемых человеком действий, что позволяет человеку мыслить: все ли было правильно сделано, как нужно это делать в дальнейшем. Мозг, формируя множественные сложные связи между тем, как действует человек, и тем, как в результате этого он мыслит, находится в постоянном напряжении, питая человека живительными жизненными соками.

Можно, конечно, привести примеры с решением математических задач и разгадыванием кроссвордов, где человек напрягает ум, вспоминает, думает, анализирует. Однако принципиальная разница между этими видами деятельности и истинно человеческой деятельностью состоит в их абстрактности, ненужности для человека как вида по причине отсутствия связи между чувственной практикой и осознанием того, что сделано, раз-

витием мышления на базе этого. Здесь мы видим проявление абстрактных знаний и мышления, которыми может быть наделен искусственный интеллект. Как проникнуть в сущность деятельности человека, удовлетворение потребности в которой как базовой потребности делает его поистине человеком? Где в полной мере это может быть реализовано?

Жизненная среда и пространство, дающие мозгу возможность быть напряженным, впитывать яркие и незабываемые впечатления, глубоко и разносторонне мыслить, т.е. быть истинно человеческим, играют определяющую роль для сохранения истинно человеческой природы. В этой среде должны сложным образом переплетаться многообразные, не зависящие от человека, процессы, которые тем не менее ему нужно постигать и познавать для его нормальной человеческой жизни. По-настоящему такой средой может быть только природа, дающая человеку возможность иметь дело с живым, изменчивым во времени и пространстве объектом, существующим помимо его воли. То, каким образом человек будет познавать природу, какой сама по себе будет природа, и определит возможность сохранения человека как вида. Уникальной для человека является такая природа, в которой сменяются все времена года и каждый календарный месяц имеет свою специфику, т.е. такая среда, где каждый новый день что-то происходит, что естественным образом направляет человека жить в напряжении ума. Человек, учитывая в ходе своей жизнедеятельности многочисленные природные процессы и явления, наполняет свой внутренний мир разнообразием впечатлений и эмоций, обогащая его таким образом. Такая природа не позволяет человеку получать больше необходимого, но и не сводит его жизнь к выживанию. Разнообразная изменчивость мира природы предоставляет человеку исключительную возможность сохраняться как вид. Казалось бы, чем проще, тем лучше, однако такой тезис противоречит сохранению человека как вида, поскольку только единство сложной чувственно-практической и мыслительной деятельности позволяет человеку оставаться человеком. По этой причине человек как вид стремится сохранить ту жизненную среду, природу, которая создает для него исключительные возможности быть самим собой, не изменяя истинно человеческой природе.

Сегодня мы видим, как зарождаются масштабные проекты по экспансии новых, внеземных, территорий, в том числе по переселению людей на Марс. Кажется, что за этими космическими решениями, связанными с расставанием с жизненной средой, сберегающей человека как вид, стоит утрата человеком своей сущности. Тем не менее на Земле пока еще, слава Богу, сохраняются места и пространства, создающие условия для жизни человека в соответствии с истинно человеческой природой. Одним из таких мест можно назвать русское Нечерноземье, равнинное пространство бескрайних непроходимых лесов с многочисленными системами рек, тер-

риторию, где существовала и сохранялась тысячелетие *русская земельная соседская община*. По выражению Карла Маркса, она была «органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи» [1, с. 419].

Когда речь заходит о корнях, о том, почему мы такие, а они — такие, в общественных науках главенствует подход, согласно которому все народы, так или иначе, проходят стадии своего развития от кровнородственной общины, далее через территориальную общину к цивилизации. В истоках такого подхода выражены национальные и генетические признаки. Казалось бы, в территориальной общине нет места родовой составляющей, поскольку народы объединены по пространственным особенностям. Тем не менее ее специфику также выделяют относительно тех или иных народов: британцев, франков, славян. Познание глубины России через выделение национальных характеристик славян выглядит недостаточным и даже может уводить не туда, поскольку такой подход признает многие моменты априорными истинами, а потому кажется, что мы рассматриваем не реальный объект, коренную Россию, а некое наше абстрактное представление о славянах. Важно отметить, что не славяне создали русское Нечерноземье, а мать сыра земля и природа с уникальными ландшафтами и климатическими изменениями. Получается, что неважно, кто жил на этой территории, славяне или финно-угры. Специфика пространства была такова, что жить можно было только специфическим типом жизненного отправления — хозяйственным укладом, русской земельной соседской общиной. Кто бы сюда ни пришел, он становился русским, но не по национальности, а по характеру преимущественной деятельности, выраженной в специфике *русской общины — мира*. Воинственные, привыкшие защищать свои земли народы не переселялись на территории русского Нечерноземья, поскольку специфика природы была здесь такова, что создавала условия для мирной сложной хозяйственной жизни. Таким образом, не абстрактные качества тех или иных народов определяют, какой будет община, а само пространство решает, как будет жить человек, каким он будет в результате этого, какая община здесь зародится: родовая, территориальная или соседская. Из истории России известны случаи, когда в развитие сельского хозяйства на территориях Нечерноземья вкладывались немалые деньги, однако принимаемые меры и шаги нарушали свойства и качество местной земли. В результате на вспаханной плугом и искусственно орошенной почве образовывались «могучие бурьяны, которые заглушали посевы, а свекла погибала от морозов то весной, то осенью» [3, с. 18].

К. Маркс в письме к русской революционерке Вере Засулич отмечал, что анализ, представленный в «Капитале», не может дать ответа на ее вопрос о перспективах исторического развития России и судьбе русской сельской общины. Это связано с тем, что в русской общине отсутствует

частная собственность, которая была основой капиталистического производства в странах Западной Европы: «...земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян» [1, с. 400]. Вместе с тем в «Капитале» К. Маркс исследовал именно капиталистическую систему, ограниченную определенными странами и территориями.

В соответствии с широко признанной классификацией русская земельная соседская община не может быть отнесена к родовой или территориальной общине. Справедливо задаться вопросами: является ли Россия цивилизацией, если она не прошла эти стадии, насколько сама концепция цивилизационного пути развития должна восприниматься в позитивном ключе, если признать важность жизни человека в соответствии с истинно человеческой природой, нет ли здесь противоречий?

Родовая община покоится на кровнородственных связях между членами одного рода, причем старшие члены рода обладают наибольшим количеством прав, в то время как младшие члены рода наиболее ущемлены в своих правах. В ней естественным образом формируется иерархия, возникает система отношений «господин — раб», где отец рода предстает господином. В результате развивается рабство как форма личной зависимости от старшего члена рода.

В соседской общине, свободной от любой родственной связи, по определению являющейся узкой, роль отца была важной, но принципиально иной. По мужским рабочим рукам осуществлялся передел земли, т.е. деление участков земли между крестьянскими семьями. Роль отца семьи, наряду с матерью и детьми, была гармонично вплетена в хозяйственную жизнь не только конкретной семьи, но и всей общины-мира. Помимо *совместной*, целесообразной истинной природе человека деятельности в семье, отдельные виды деятельности осуществлялись всем миром. Естественным образом дядями и тетями называли чужих по крови, но близких по духовному родству людей, формально имевших статус соседей, что многие из нас до сих пор ощущают в своей повседневной жизни.

Развитие территориальных общин было связано с частной собственностью. Вспоминается известная английская пословица: «Мой дом — моя крепость». В таких общинах отдельные семьи и династии обособлялись на территориях, защищали их в своих частных интересах, строя замки и заборы на века. Все это формировало особый менталитет людей, вело эволюцию природы человека в направлении экономического человека. В результате стало возможным развивать капиталистическую экономику снизу. В русской общине-мире существовали мирские сходки, собрания, на которых решались насущные вопросы жизни крестьян, в том числе по переделу земли. Раз в несколько лет крестьянские семьи в границах своей общины меняли одно место жительства на другое и начинали вести хозяйство на территориях, где до этого жили их соседи. В общине-

мире каждый рожденный в ней мирянин или пришедший в нее со стороны получал неотъемлемое *право* на участок земли, что было для каждого крестьянина главным жизненным отправление, поскольку реализация именно этого права гарантировала удовлетворение базовой потребности в целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности.

Решая сложные хозяйственные задачи в поле и доме, в лесу и на озере, русский крестьянин жил в напряжении физических сил и ума, в единстве с миром. Порой, в голодные или неурожайные годы, круговая порука, существовавшая в мире, приходила на помощь, поддерживая жизнеспособность русской общины. Дети, будучи вовлеченными в хозяйственные процессы мира, продолжали традицию предков, привнося в них свою новизну. И так продолжалось из поколения в поколение, многими веками, вплоть до начала XX в. Ни введение крепостного права, ни его последующая отмена, ни смена царской власти не могли разрушить жизненный уклад русской земельной соседской общины. Основание этого уклада оказалось крепче юридических законов и государственной политики.

Этим основанием является человеческая деятельность, осуществляемая в единстве человека с самим собой, со своим народом, с миром, с природой. При этом сам мирянин вряд ли мог бы рационально объяснить, почему он живет именно так. Он не делил жизнь на отдельные части: в доме, с другими крестьянами, на реке, в поле, с детьми. Целостность его жизни, объясняемая соответствием истинно человеческой природе, проявлялась в том, что в каждом прожитом дне он удовлетворял свою базовую потребность в целесообразной его природе деятельности и потому не задавался вопросом разрозненной души, так ли я живу: «Каждое его слово и каждое действие было проявлением неизвестной ему деятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла как отдельная жизнь. Она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал. Его слова и действия выливались из него также равномерно, необходимо и непосредственно, как запах отделяется от цветка. Он не мог понять ни цены, ни значения отдельно взятого действия или слова» [4, с. 51]. Жизнь и деятельность были слиты для мирянина в единое целое, а потому таких вопросов, как, где я работаю, а где живу, помогаю ли я родителям, достаточно ли времени провожу с детьми, просто не существовало. Удовлетворение базовой потребности в целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности обеспечивало и преемственность поколений, и передачу истины от предков потомкам, и сохранение природы, и обогащение внутреннего мира.

В основании русской земельной соседской общины лежало земледелие, которое «позволяло хранить тысячелетиями общинный уклад и соответствующие ему свойства труда, рождающего и обогащающего мир русского человека» [2, с. 30]. В то же время цивилизация, воспринимаемая

как высшая формы культуры народа, фактически «исходит из отчуждения от природы и отношений собственности» [2, с. 29], чего никогда не было в русской общине-мире.

Цивилизациями становятся те народы, которые достигают определенного уровня развития экономики, расширяющего и множашего общественные блага. Корень слова «цивилизация» — *civil*, что с английского языка переводится как «гражданский». Возникновение цивилизаций связано в первую очередь с городской жизнью людей, гражданским обществом. В России города исторически существовали как придатки к деревне, места обмена продуктами труда, т.е. на базе городов не происходило разрушения земельной соседской общины и развития промышленности, как это было в известных нам развитых экономиках мира. Таким образом, в России не было развития городской экономики. Вместе с тем экономика не развивалась и в деревне, где каждый крестьянин, обеспечивая себя достаточным продуктом труда, не имел цели по росту производительности, а соответственно не было стимулов для развития экономики. А где же тогда была экономика в истории тысячелетней России?

Развитие экономики всегда сопровождается кризисами перепроизводства, которых никогда не знала история России. Как известно, местом возникновения этих кризисов в современном мире являются развитые экономики, такие как США, Великобритания. В истории тысячелетней России существовало хозяйство, сберегавшее земельную соседскую общину. В силу особенностей развития общественных наук хозяйство часто смешивают с экономикой, поочередно называя одно другим, и наоборот, что приводит к утрате хозяйством своего самостоятельного значения и звучания. Исследование русской земельной соседской общины только доказывает уникальность такого явления, как хозяйство, которое еще столетие назад было преимущественной формой жизни русских людей. Провозглашение курса на развитие экономики в России и невозможность его практической реализации не учат правителей обратить Россию к самой себе, к своим истокам и корням и, с учетом глобального мирового развития, искать пути развития России в этом направлении. Вместе с тем все это убеждает нас в той простой истине, что «мы, хоть они думают, что мы такие же, как они, но мы другие люди».

Русский мир, антикапиталистический, а точнее, хозяйственный по своей сути, сохранял истинно человеческую природу, позволяя человеку удовлетворять базовую потребность в чувственно-практической хозяйственной деятельности. Экономические же отношения были второстепенными и только дополняли основные, хозяйственные, отношения. Наблюдаемое нами и нагнетаемое отовсюду противостояние России и Запада — это не идеологическая и не политическая схватка и даже не совсем борьба за безопасность и ресурсы. Это проявление двух в корне разных

путей эволюции человека, на которые повлияли пространственно-территориальные факторы. Это противостояние хозяйственного жизненного уклада и развитого гражданского общества, народного единства и индивидуалистического духа цивилизации, деятельности как базовой человеческой потребности и работы как средства существования.

Коронавирусная чистка, о которой нам каждодневно сообщают в статистических сводках, — это результат эволюции природы человека против сохранения себя как вида. Человек утрачивает потребность в деятельности, сохраняющей его жизненные соки, накапливающей его потенциал, и все больше становится зависимым от привнесенных извне потребностей. Дело не в том, что он живет в городе, а не в деревне, а в том, что им утрачиваются истинно человеческие потребности: в одухотворяющем его труде, в общении с младшими поколениями. Имея в качестве базовых потребностей товары и услуги, производимые экономикой, человек теряет связь с деятельностью, сохраняющей его как вид, которая становится для него средством, превращаясь в рутинную работу. Здоровье человека подрывается, человек теряет связь с самим собой и все больше недоумевает, куда дальше идти, поскольку не соблюдается главное условие сохранения человека как вида — удовлетворение базовой потребности в чувственно-практической хозяйственной деятельности.

Развитие экономики привнесло разнообразие видов потребляемых продуктов питания, создало множество сфер услуг на все случаи жизни. При этом оно породило и порождает демографические и экологические проблемы, с которыми мировые политики ищут способы борьбы, посвящая этому мировые форумы и конференции. Вместе с тем русская земельная соседская община, будучи безотходной и нацеленной на продолжение человеческого рода, не знала в принципе всех этих порождаемых экономикой проблем.

Влияние глобальной экономики кажется безмерным, и вряд ли кому-то удастся изменить его, повернуть вспять. Вместе с тем мы видим, как наша власть который год, провозглашая курс на стабильно высокий экономический рост, на качественное развитие экономики, не в состоянии обеспечить то, что никогда и не было основой жизни русского человека, т.е. не способна сделать Россию экономической державой. Нам давно пора убедиться в том, что судьба России уникальна, и дело не в метафорической богоизбранности или сложности постижения русской души. Действительно, с помощью образования как результата развития экономики сложно понять Россию, идущую не от развития экономики, а от своей народно-хозяйственной природы, уникально сохранившейся на нашей планете. Это тем сложнее признать, чем больше экономического привносится в жизнь человека: образование, воспитание, медицина, сфера услуг, институт семьи. То, что раньше было единым целым в рамках русской со-

седской общины, сегодня дробится на сферы и институты и становится вроде как взаимообусловленным с развитием экономики. Однако, не отрицая развития экономики, но определяя ее место как обслуживающего, а не главенствующего фактора, требуется преодолеть всепроникающее влияние экономики, и тогда станет очевиднее то, что нужно делать для сохранения человека как вида. Только в единстве поколений человек может остаться человеком, продлевая свою земную жизнь через жизнь своих потомков. Только имея потребность в целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности, человек помогает мозгу оставаться живым, мыслящим, ощущающим счастье в каждом проживаемом мгновении.

Литература

1. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. Т. 19. — М.: Издательство политической литературы, 1961. — С. 400—421.
2. *Пшеницын И. В.* Русский мир и антимир цивилизаций // *Философия хозяйства*. — 2021. — № 1. — С. 26—33.
3. *Русская община*. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 1376 с.
4. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 12. — М.: Художественная литература, 1940. — 428 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭТИКИ ХОЗЯЙСТВА В РАБОТАХ С. Н. БУЛГАКОВА

Аннотация. В работе рассмотрен ряд возможных концептуальных подходов к исследованию морали, включая философский, дескриптивный, нормативный. Этические аспекты концепции хозяйства С. Н. Булгакова представлены как результаты анализа различных работ из его обширного теоретического наследия. Таким образом, в определенной степени отражены различные этапы творческой эволюции этических воззрений философа, анализ которых показывает смещение теоретических пристрастий С. Н. Булгакова от собственно этической проблематики к богословскому пониманию моральной жизни и морального должностования.

Ключевые слова: философия хозяйства, мораль, политическая экономия, прикладная этика, этика Богочеловечества.

Abstract. The paper considers a number of possible conceptual approaches to the study of morality, including philosophical, descriptive, normative. Ethical aspects of S. N. Bulgakov are presented as the results of an analysis of various works from his extensive theoretical heritage. Thus, to a certain extent, various stages of the creative evolution of the ethical views of the philosopher are presented, the analysis of which shows a shift in the theoretical predilections of S. N. Bulgakov from ethical issues proper to the theological understanding of moral life and moral duty.

Keywords: philosophy of economy, morality, political economy, applied ethics, ethics of God-manhood.

Этическое исследование, как правило, может развиваться в рамках различных теоретических и эмпирических форм познания в зависимости от конкретных задач и условий осуществления этого процесса. В случае, когда этика является в качестве философии морали, то она в силу своей метанаучной сущности исследует непосредственно область морального, где базовой предпосылкой оказывается мировоззренческая проблема добра и зла. В русле такого исследования оказываются вопросы определения и обоснования непосредственно нравственного, вопросы анализа базовых категорий, раскрывающих его сущность и структуру, проясняющих содержание специфических для данной области научного исследования понятий, выяснение того, что представляют собой нравственные ценно-

сти и идеалы, каковы практические механизмы функционирования морального сознания и т.п.

Философские формы познания нравственного абстрагируются от эмпирической фиксированности феноменов человеческого бытия, выявляют особенности данного предмета изучения на уровне предельных сущностей, представленных в форме категориальных структур, в методологическом согласии с принципами метатеоретического подхода к изучению нравственных явлений. То есть предполагается, что рассматриваемые структуры должны характеризоваться как универсальные и всеобщие, а с точки зрения императивно-оценочного измерения являющиеся инвариантными относительно релятивного содержания бытующих феноменов моральности, которые претерпевают соответствующие изменения в силу конкретных условий развития социальной ситуации или индивидуальной поведенческой активности.

Другой формой репрезентации этического дискурса может служить так называемая дескриптивная (в других вариантах — позитивная) этика. В данном случае исследование морали сосредотачивает свой взгляд не на категориях морального сознания, посредством которых обозначаются универсальные аспекты социальных и индивидуальных связей и отношений, а на событиях в реальной поведенческой деятельности, на объективных формах моральной практики. Такое исследование сосредоточено на выяснении влияния социально-нравственных норм на конкретные феномены межлических коммуникаций, определение и изучение влияния различных моральных факторов на способы и формы реализации социальных целей людьми, а также на ценностный выбор человеком или группой самих этих целей. Важно подчеркнуть, что результаты философского изучения моральных сущностей не игнорируются, а латентно пребывают в дескриптивном этическом исследовании как некий генетический код, необходимый для ценностной идентификации феноменов изучаемой нравственной практики. Как понятно, непосредственным предметом научного анализа в данном случае выступают не категориальные структуры морали, а реальное бытие нравственных связей и отношений.

Традиционной и популярной репрезентацией этической концепции является представление ее в качестве нормативной (прескриптивной) этики, где исследовательский взгляд обращается на формулирование и научное обоснование актуальной нравственной нормативности, выработку конкретных моральных требований, которые оформляются, как правило, в качестве специфических нормативных документов, предназначенных для использования в конкретных сегментах социальной практики. В качестве примера можно привести так называемые профессионально-нравственные кодексы. В таких документах социально-философские представления реализуются в своем нормативном воплощении, где конкретные

требования приобретают характер прикладной профессиональной прагматичности и специфической технологичности. Здесь уже доминирует дух корпоративного обоснования, при этом топ-менеджментом определяется организационная моральная легитимность, где противоположность профессионального и нравственного носит условный характер, признаются ценности, которые ориентирует на разделяемые в данном сообществе эталоны поведения. Здесь моральные механизмы приобретают значимость в качестве элементов контроля и закрепления, как факторы оптимизации организационных коммуникаций, обслуживающие процесс достижения корпоративных задач.

Этика хозяйства С. Н. Булгакова по своей методологии не идентична традиционным этическим дискурсам в полной мере и в то же время не противоречит им, включая философские аспекты, феноменологию и нормативность. Философ, судя по всему, не ставил задачу системного представления очень обширного пространства этики хозяйства, поэтому суждения о ней можно с той или иной степенью системности попытаться почерпнуть из различных работ булгаковского теоретического наследия (в данном случае — без строгого соблюдения исторической последовательности изменения теоретических предпочтений философа).

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что философия С. Н. Булгакова сама по себе обладает высоким этическим потенциалом, гармонично воспроизводя важнейшую черту всей российской философии начала XX в. «...из всех великих проблем философии излюбленной нашей проблемой является этическая», — утверждает философ [1, с. 43]. Этическую доминанту он проецирует на российскую действительность, в частности на российскую интеллигенцию, подчеркивая в ней только ей присущую характерную черту — болезнь совести. «Я люблю и ценю эту черту русской интеллигенции, отличающую, на мой взгляд, ее от западноевропейской. Она придает ореол нравственного мученичества и чистоты, она исключает самодовольство и культурную буржуазность, она одухотворяет. ...Болезнь совести, эта удивительная болезнь, определяет весь характер нашей культуры...» [1, с. 42–43]. В работе «Иван Карамазов как философский тип» Булгаков пишет, что «Иван Карамазов является настоящим русским именно в том, что он всецело занят этической проблемой; поразительно равнодушие этого сильного философского ума ко всем остальным проблемам философии, например, теории познания» [1, с. 43]. Этическая проблематика, подчеркнем, была объектом особого исследовательского внимания С. Н. Булгакова на рубеже XIX–XX вв., как, впрочем, и всей российской философии в целом.

С. Н. Булгаков развивает идею тотальности моральной регуляции во всех сферах социального бытия. Мораль для него (говоря словами современного этического дискурса) является атрибутом, аспектом челове-

ческой жизнедеятельности, освященной сиянием «абсолютного нравственного идеала». Ученый допускает, что «такое возвышенное понимание этики не под силу провести в жизнь среднему человеку, но бесспорно, что не существует ничего нравственно безразличного там, где действует человеческая воля, и это относится не только к поступкам, но и ко всем человеческим установлениям. Поэтому подлежит нравственной оценке и освобождение крестьян, и институт земских начальников, и фиксация земского обложения, и городская реформа, и цензурные, и университетские уставы. Все есть добро или зло» [2, с. 83]. То есть согласно этической концепции Булгакова не существует какой-то особой сферы функционирования морали, само человеческое бытие оказывается пространством долженствования и моральной оценки.

Логически следуя этой специфике предложенной философско-мировоззренческой позиции, ученый относил к области этического знания политэкономии. Он полагал, что политическую экономию по ее сути вполне обоснованно можно отнести к сфере практического разума, а не теоретического, как это традиционно понималось (в духе И. Канта) в то время. Проблемы политической экономии возникают и исследуются в тесной связи с нравственными проблемами общества, с постепенно оформляющейся тенденцией социального переустройства общественной жизни на основаниях равенства и справедливости, на платформе постепенно расширяющейся личностной свободы от экономического и социального угнетения. «Политическая экономия также принадлежит к области техники в указанном широком смысле этого понятия. Она возникла и существует, поддерживаемая той практической важностью, которую в настоящее время имеют экономические вопросы в жизни культурного человечества. Она родилась как плод поисков современного сознания и совести за правдой в экономической жизни. Она вызвана не теоретическими, а этическими запросами современного человечества. *Политическая экономия*, по этому предварительному ее определению, *есть прикладная этика*, именно этика экономической жизни» [3, с. 264]. Соответственно этому плодотворному для философии хозяйства представлению мораль пронизывает важнейшие сферы хозяйственной жизни — производство и распределение, которое осуществляется согласно социальному идеалу.

В сборнике «От марксизма к идеализму» в статье «Об экономическом идеале» С. Н. Булгаков пишет: «Нормы социального поведения, присутствующие в сознании у каждого, предполагают известный социальный идеал, с высоты которого и оценивается социальная действительность, а в соответствии такой оценке определяется и деятельность людей» [3]. Хозяйствующий субъект находится в системе производственных и распределительных отношений в состоянии долженствования и ответственности в дихотомии свободы и необходимости. Ученый особо выделяет то содер-

жание социального идеала, которое содержит основы христианского понимания человека и соответствующие такому пониманию нравственные обязанности по отношению к близким и дальним. Содержанием такой трактовки общественного идеала является прежде всего заповедь любви, реализация принципов социальной справедливости и ее правового обеспечения, т.е. признание полноты прав и свобод личности, ее человеческого достоинства. В содержании идеи справедливости ученый видел практическое воплощение православной заповеди любви к человеку, социальное воплощение его как непреходящей ценности.

Упомянутая первой заповедь любви нравственно гармонизирует всю хозяйственную деятельность, воспроизводит феномен «всечеловечества» как полноту сил человеческих, представляющий собой «единство не пустоты, но согласованной и объединенной множественности» [4, с. 153], «в гармонии индивидуальностей, в их свободной любви и деятельном единстве» [4]. В этом есть осуществление идеала, «который предвечно дан человечеству» [4, с. 153]. Надо сказать, что уже в цитируемой здесь «Философии хозяйства», относительно ранней работе, можно почувствовать, что в творчестве Булгакова происходит постепенное смещение акцентов от традиционной этической концептуальности к тотальному религиозному (и в определенной мере религиозно-эстетическому) восприятию действительности, воплощенному в православных догматических интуициях, где моральная оценка невозможна без богословского обоснования и санкции. По мнению философа, православному взгляду характерно религиозно-эстетическое видение «умной красоты», которая предполагает усвоение и применение особого «умного художества», творческого вдохновения. «Последнее остается уделом немногих, а большинство, — как он полагает, — довольствуется моралью, которая сама по себе не имеет духовного вкуса, не вдохновляет, а лишь дисциплинирует» [5].

После «Философии хозяйства» в творчестве философа постепенно обнаруживается некий теоретико-идеологический отход от доминантных принципов социальной этики, эволюция от автономной этики к этике абсолюта. Это существенная метаморфоза творческой эволюции философа. Например, в социальном плане автономная этика внеинституциональна. Это значит, что в социуме мы не обнаруживаем какой-либо специальной структуры, определяющей моральную легитимность поведения или суждения, т.е. нет органа контроля и фиксации этих процессов. Соответственно, невозможно обоснование моральных норм «отсылкой» на некий общественный авторитет. Здесь имеет место совсем другая практика и воспроизведение нравственного требования принципиально другое, нежели чем в праве и прочих установлениях, характеризующихся так называемой договорной природой. Для автономной этики субъект и объект

морали в общественной жизни не дифференцированы, при этом каждый человек оказывается субъектом, и в то же время объектом нравственной практики, может формулировать требования к другим людям, а также к себе самому и преследовать принятые ценности, реализовывать разделяемые в данном сообществе принципы и нормы и оказываться объектом оценки общественного и индивидуального мнения. Этика же абсолюта развивается и санкционируется в строгих рамках моральной нормативности, транслируемой неким абсолютным авторитетом.

К такому типу этики приходит С. Г. Булгаков в результате мировоззренческой и творческой эволюции — качественно новой этике Богочеловечества, которую он строит путем объединения двух природ и двух волей в единой ипостаси Иисуса Христа. В концепции философа человек, будучи природным существом, в то же время в своем предельном предназначении потенциально является и духовным существом, способен к «обожению». Философ говорит о двуприродном, но в то же время единоипостасном образе такого этического идеала. «Но, конечно, неизмеримая разница существует между тварным человеком, знающим божественное начало лишь как дар и заданность, и Богочеловеком, имеющим эту божественную жизнь как Свою собственную природу, а человеческое становление, как дело спасающей любви и самоуничтожения. То, что в человеке всегда является восхождением, то в Богочеловеке есть только божественное снисхождение. Потому соединение обеих природ во Христе не есть лишь абстрактная догматическая схема, но является жизненной истинной, вмещающей нами на путях и нашего собственного религиозного опыта» [6].

Он понимает, что две эти природы имеют совершенно разные онтологии, и пытается их объединить: «Боговоплощение есть не только принятие человеческой природы ипостасью Логоса, которая тем самым становится и человеческой ипостасью, но и соединение двух природ Божественной, как нераздельной с ипостасью Логоса, и тварно-человеческой» [6]. Процесс их гармонизации видится автору в ситуации «диалектики идеи богочеловечества», в реализации трех условий — Божественного уничтожения — кенозиса, добровольного человеческого подчинения и Богочеловеческого согласия. Порой диву даешься, глядя на неисчерпаемую энергию креативного поиска системности в сфере эзотерических сущностей. Мы не будем здесь далеко углубляться в эту богословскую логику, и это будет на пользу всем. Отметим только, что этика Богочеловечества системно изложена в последних работах философа, в так называемой «большой трилогии» — «О Богочеловечестве» (ч. I — «Агнец Божий», ч. II — «Утешитель», ч. III — «Невеста Агнца»), которые явились символом теоретической завершенности религиозно-нравственных исканий С. Н. Булгакова.

Литература

1. *Булгаков С. Н.* Иван Карамазов как философский тип / *Булгаков С. Н.* Соч.: в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. — М.: Наука, 1993. — 752 с.
2. *Булгаков С. Н.* Основные проблемы теории прогресса / *Булгаков С. Н.* Соч.: в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. — М.: Наука, 1993. — 752 с.
3. *Булгаков С.* От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). — СПб., 1903. — 381 с.
4. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства / *Булгаков С. Н.* Соч.: в 2 т. Т. 1. — М.: Наука, 1993. — 592 с.
5. *Булгаков С., прот.* Православие. Очерки учения Православной церкви. — Париж, 1964.
6. *Булгаков С. Н.* Агнец Божий О Богочеловечестве. Ч. 1. — М.: Общедоступный православный университет, 2000.

СОВРЕМЕННАЯ ДИАЛЕКТИКА: ИДЕЯ НОВОГО МИРА

Аннотация. В статье рассматривается одно из основных положений нетрадиционного понимания развития мира: Новый мир. Эта проблема была осмыслена в авторской *современной диалектической философии*. Для лучшего понимания подхода к этому положению и его сути отметим, что если в философии Платона базовым положением была идея, в философии Гегеля — дух, то в современной диалектике — идея духа. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения диалектических знаний. Особое внимание уделено вопросам логики. Наше исследование ведет к развитию диалектической теории и новых представлений, касающихся развития общества. Наше исследование, кроме того, дает понимание новых реалий. Результаты исследования могут быть использованы для развития познания и для определения новых возможностей и путей развития общества.

Ключевые слова: мир, современное мышление, современная диалектика, продолжение труда Гегеля «Феноменология духа», логика, познание, общество.

Abstract. The article discusses one of the main provisions of the non-traditional understanding of the world development: the New world. This problem was conceptualized in the author's Modern Dialectical Philosophy. For a better understanding of the approach to this position and its essence, we note that in Plato's philosophy the basic position is the Idea, Hegel's philosophy — the Spirit, and modern dialectics — the Idea of the Spirit. The discussed problem determines the complex of the issues concerning the state, development and application of dialectical knowledge. Particular attention is paid to the issues of logic. Our research leads to the development of the dialectical theory and the new comprehensions relating to the development of society. Our research, furthermore, provides the understanding of new realities. Results of the study can be used for the development of cognition and for identifying new opportunities and ways of development of society.

Keywords: the world, the contemporary thinking, modern dialectics, the continuation of "Phenomenology of Spirit" by Hegel, logic, cognition, society.

В настоящей статье речь пойдет об одном из фундаментальных положений, разрабатываемом в *современной диалектической философии*¹, — о *Новом мире*.

¹ Некоторые из ее основ изложены в ряде наших статей в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 г. и на нашем сайте www.dialectics.ru.

Для лучшего понимания подхода к этому положению и его сути отметим, что если в философии Платона базовым положением была идея, в философии Гегеля — дух, то в современной диалектике — идея в духе, идея духа, что раскрывается и в единичном, и в особенном, и во всеобщем — в ряде понятий современной диалектики от *индивидуального духа* до *финализации идеи*, но сейчас речь пойдет о моменте реализации последней — о Новом мире.

1. Издревна известно повествование Платона про пещеру, изложенное в седьмой книге диалога «Государство»: «Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры... и видят они только то, что у них прямо перед глазами... Люди обращены спиной к свету... ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [7, т. 3, с. 295].

Так, аллегорически, просто, доступно и красочно Платон рассказал о том, что люди прибывают в *чувственном мире*, подобном темной пещере, и считают его за единственно сущий мир. Многие люди думают, что посредством органов чувств они реально воспринимают мир и могут понять существующее положение дел, в то время как по факту воспринимается лишь *внешнее*, видимость, некая иллюзия или даже искажение — лишь тени на стене пещеры, а не сам предмет, находящийся вне пещеры, не его существо и не его истина, ибо познание истины является невозможным, если рассуждение «не поднимается выше чувственности» [1, т. 6, с. 158]; или при научном материалистическом подходе, основывающемся на чувственном, отвергающем сверхчувственность, нельзя говорить о познании, достигающем истины: «Приходится иметь дело с видимостью и мнением, с противоположностью бытия и истины» [1, т. 5, с. 88]. А учитывая несовершенство наук (см.: [5]), например *эффект наблюдателя*¹, приходится говорить даже о невозможности в ряде случаев фиксации состояний объекта, т.е. о невозможности познания объекта на основе измерений его параметров. В целом же науки просто-напросто отказываются усматривать *внутреннюю* (сверхчувственную) сущность вещей и процессов, часто успокаивая себя непознаваемостью *вещей в себе*, про которые писал И. Кант, но «изучение науками материалистических — внешних, случайных, порой несущественных — сторон вопросов, кажностей, никогда не затронет сущности феноменов, в том числе общественных процессов, общества, и не сможет поэтому помочь в решении актуальных задач и насущных вопросов» [5, с. 205]. Следова-

¹ Эффект наблюдателя определяется феноменом изменения объекта при наблюдении: проще говоря, любое измерение есть взаимодействие объекта с наблюдателем, которое изменяет состояние объекта [2].

тельно, для истинного познания мира и решения насущных вопросов необходимо использовать не науки, базирующиеся на чувственном восприятии мира, а диалектику, которая позволяет рассудку проникать взором «к истинной скрытой основе вещей» [1, т. 4, с. 77], и тогда «раскрывается за пределами чувственного мира как мира являющегося мир сверхчувственный как мир истинный» [Там же, с. 78]. «Если при этом мыслится, будто сверхчувственное есть... чувственный мир, или мир, как он дан непосредственной чувственной достоверности и восприятию, то это — превратное понимание» [Там же, с. 79].

Сверхчувственный мир — это не некий второй мир, параллельный чувственному, не мир, хоть как-то похожий на чувственный мир или придуманные подобные ему, например, описанные в фантастических рассказах, не какая-нибудь ноо- или инфосфера, не мир мертвых или неких динозавроподобных существ и т.п. Этот мир следует понимать метафизически, в первую очередь в смысле сущности, опосредствования и противоречия, а не конкретных образов; впрочем, об этом подробно написал Гегель, и любой желающий может в его трудах в деталях ознакомиться с обстоятельствами этого вопроса.

Примечание 1. Понятие сверхчувственного изучается в диалектике — оно наиболее полно было раскрыто в философии Гегеля. В науках же сверхчувственное понимается в основном как то, что не дано в ощущениях, что относится к миру сознания, что не имеет предметного воплощения, например, кантовская вещь в себе, смысл жизни, интуиция, душа и т.п. Но по сути сверхчувственное в науках не определено, о чем свидетельствует, например, отсутствие соответствующей статьи в современной «Большой российской энциклопедии», хотя отдельные попытки его осмысления имеются, в том числе как идеальной модели реальности, понимаемой как система логических положений, как посылки чувственных переживаний, как системы духовных ценностей человека (см., например: [4]). Однако в целом понятие сверхчувственного учеными игнорируется, поскольку оно непонятно на основе материалистической парадигмы. Еще Платон писал, что если заставить кого-нибудь из тех, кто находится в пещере, «смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?» [7, т. 3, с. 296]. Поэтому ученые предпочитают рассуждать, выдвигая многочисленные противоречащие друг другу мнения, о трансцендентном и трансцендентальном, в основном исходя из разделения этих понятий Кантом. «И. Кант проводит различие между понятиями трансцендентального и трансцендентного и определяет трансцендентное как то, что выходит за пределы возможного опыта и доступного теоретической деятельности рассудка, но является предметом веры (Бог, душа, бессмертие). Это различие было воспринято многими философами» [8]. При этом под трансцендентным, по сути, понимается непознаваемое сверхчувственное, хотя и с примесью субъективных представлений, но в любом случае — внеопытное, что делает невозможным его познание и применение в науках, в отличие от трансцендентального. «Слово «трансцендентальное»... означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (a priori) хотя и пред-

шествует, но предназначается лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание. Когда эти понятия выходят за пределы опыта, тогда их применение называется трансцендентным и отличается от имманентного применения, т.е. ограничивающегося опытом» [3, с. 199].

2. Для нашего исследования сверхчувственное важно тем, что в смысле диалектики его изучение актуально, как показал Гегель, не только для познания сущности вещей и их истины, что было важнее для предыдущих этапов развития диалектики, но и в силу того, что рассудок «узнает на деле... самосознание» [1, т. 4, с. 92], в котором «как понятие духа — поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посюстороннего и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего вступает в духовный дневной свет настоящего» [Там же, с. 99]: самосознание, дух. При этом развитие сознания «в своей истине есть понятие разума, понятие, поскольку оно не есть только логическая идея, но существует как идея, развившаяся до самосознания» [Там же]. Однако в наших исследованиях акцент делается не как у Гегеля — не столько на познании истины вещей и духа, что было бесспорно важнейшим философским достижением, позволившим проводить и наши изыскания, сколько на факте понятия духа, причем в смысле идеи, развившейся до самосознания, когда и «имеется налицо понятие духа» [Там же]. Но мы не будем сейчас повторять известные, блестяще осуществленные Гегелем рассуждения о разуме и духе и приводить новые современные диалектические размышления на эти темы и прикладные выводы из них, а выделим лишь одно предельно важное положение, которому ранее в диалектике не уделялось надлежащего внимания: рассмотрим идею именно в смысле самосознания, разума, духа, а не только как логическую идею. Для краткости изложения обозначим только основополагающие моменты соответствующих рассуждений, достаточные для понимания предмета настоящей статьи — начала Нового мира (его смысла и ряда связанных с ним положений).

Во-первых, в смысле труда Гегеля «Наука логики» в процессе своего генезиса «идея полагает себя как абсолютное единство чистого понятия и его реальности и тем самым собирает себя в непосредственность бытия, она, как тотальность в этой форме, есть природа» [1, т. 6, с. 319].

Во-вторых, «дух есть всегда идея» [1, т. 3, с. 47], и «дух, который не был бы идеей, единством самого понятия с собой, понятием, имеющим свою реальностью само понятие, был бы мертвым, лишенным духа духом» [1, т. 6, с. 216].

И в-третьих, верно обратное: «В своей развитой, подлинной действительности идея есть субъект и, таким образом, дух» [1, т. 1, с. 321].

Вместе и целокупно указанные три позиции не были рассмотрены в философии Гегеля, а в *современной диалектической философии* они в своей

целостности стали одним из опорных положений ее исследований, в том числе в рамках ряда современных диалектических проектов («Феноменология духа — 2», «Наука логики — 2» и др.). А для предмета наших исследований, обсуждаемого в настоящей статье, важно следующее положение.

Идея диалектична не только сама по себе (что было исследовано Гегелем), но и в духе, причем в нем по *своей природе* она также имеет возможность собирать себя в непосредственность некоторого бытия, причем ее тотальность, как тотальность в определенной форме, тоже есть природа, но другая — не существующая, окружающая нас чувственно-физическая, а некая *другая природа*, метафизическая природа. Ее диалектическое отличие обусловлено тем, что в гегелевской линии рассуждений дух возникает в природе [1, т. 2, с. 19], но «является ее истиной, и тем самым абсолютно первым в отношении ее» [1, т. 3, с. 32], а в рассматриваемом случае дух также есть абсолютно первый по отношению к этой другой природе, но не возникает в ней, ибо имеется и до нее. Иными словами, речь идет уже не об окружающей нас чувственно-физической природе, когда «идея состоит в единстве субъективного, или понятия, и объективности» [Там же, с. 228], а о *второй*, метафизической природе в смысле того, что идея духа состоит в единстве субъективного, или духа, и его *объективности*.

Это принципиально новое для диалектики положение, причем в рассматриваемом случае имеется особенность, или существенное отличие от гегелевского варианта рассуждений, которое обнаруживается в следующем. Речь идет не о духе (и не о мировом духе), а о различном духе, о духе, имеющем особое различие в себе (в отношении к идее) — об отличающем себя от себя в себе духе (как бы о «части» духа), когда в одном, гегелевском случае речь идет о *проистекании* логической идеи, а в другом, современном диалектическом — об идее духа, о *деятельности* духа как идеи, причем когда идея «делает себя своим предметом» [1, т. 1, с. 330]. Речь идет о различенном в особенности духе, об особом различии духа, об особенном духе, имеющем в идее свои особенные цель и деятельность, и при этом актуальна именно деятельность (идеи) духа, которая есть не что иное, как познание и творчество духа — творчество различного через идею духа, или речь идет о некотором преображении духа.

С учетом того, что идея составляет «общее содержание природы и духа» [Там же, с. 234], идея в духе составляет общее содержание второй природы и различного духа. Однако кроме общего содержания имеется и сочетание: со второй природой сочетаются положения духа, что обуславливает мир [1, т. 2, с. 220] (по Платону мир имеет единые тело и душу: это особые термины, отражающие не аналогии с человеком, а определенные диалектические категории, которые как таковые являются основополагающими для рассмотрения ряда феноменов, в том числе мира и человека). Но в дан-

ном случае речь идет не о *существующем нашем мире*, не об уже существующем чувственно-физическом мире, а о *другом мире*, о *Новом мире*¹.

В целом, если все сказанное выше рассмотреть концептуально и непосредственно в смысле философии Гегеля, то следует сказать, что поскольку дух «сообщает себе действительность и порождает себя как существующий мир» [1, т. 7, с. 56], постольку и различенный дух через идею сообщает себе свою особую действительность через познание и творчество, преобразует себя и обретает себя в своем мире, в Новом мире.

Для лучшего понимания Нового мира отметим, что в принципе обозначенные выше аспекты понятия различенного духа и Нового мира не являются совершенно новыми.

Так, понятия различенного духа и преддверия Нового мира были еще у Платона. Он говорил о философах, но не вообще, а о тех, которые способны «усматривать истину» [7, т. 3, с. 255], об истинных философах, о диалектиках — о тех, «кому доступно доказательство сущности каждой вещи» [Там же, с. 318], о тех, кто «в силах с помощью доказательства определить идею блага» [Там же], — о тех, «кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно и бестелесно и прибывают в обиталища еще более прекрасные» [7, т. 2, с. 75–76]. Соответственно, Платон писал и о *подобающем потустороннем уделе* [7, т. 3, с. 279]. Но у Платона не было выделено понятие духа, поэтому и не могло получиться требуемое категориальное различение духа, без которого нельзя исследовать указанный выше акт идеи в духе (хотя были акцентированы те, «кто благодаря философии очистился полностью»).

При этом отдельным образом следует отметить, что платоновское понятие подобающего потустороннего удела значимо в смысле различения не только стремлений людей, но и *этого мира*.

У Гегеля определения Нового мира в получившемся смысле не было, ибо целью познания духа были развитие самого духа и абсолютное знание, хотя имелось в целом понятие Нового мира. Действительно, дух развивался по предначертанному ему самим собой пути — по пути самого себя конструирующего познания, приводящего к понятию абсолютного духа (завершение гегелевского труда «Философия духа»). Для этого дух, согласно труду Гегеля «Феноменология духа», должен был рефлексироваться, осуществить «уход внутрь себя» [1, т. 4, с. 433], в сферу «своего самосо-

¹ Принцип существования Нового мира определяется согласно трем родам бытия по Платону, начиная с бытия идей, а методика содержательного раскрытия Нового мира, отражающая образование целокупности взаимозависимостей и сцеплений оснований и обосновываемых как множества существующих, известна из гегелевского учения о сущности. При этом следует учитывать новое формообразование духа и то, что происходит преобразование духа. Кроме того, обуславливаются соответствующие направления исследований, в первую очередь темы нравственности, духовности, общественного развития и др.

знания, но его исчезнувшее наличное бытие сохранено» [Там же, с. 434], и обретается «новое наличное бытие, некоторый новый мир и духовное формообразование» [Там же]. При этом в себе имеется (обозначается) понятие Нового мира, которое, конечно же, оказывается шире, чем его проявление, обозначенное Гегелем, ибо дух может раскрываться не только в уходе в себя. Или дух может (должен) раскрываться не только в рефлексии, но и в прогрессе, который «принадлежит вообще области, чуждой понятию рефлексии» [1, т. 6, с. 314], т.е. еще в одном формате, который определяется не только через духовное формообразование, не только через диалектическую философию (в том числе и современную диалектическую философию), историю и т.д., что было указано Гегелем и составляет *рутину духа*, но и через различение духа, через существо духа, через идею (т.е. через жизнь, познание, творчество, согласно труду «Наука логики»), и вот именно это нам *и оставалось* рассмотреть: оставалось *лишь* рассмотреть *саморазвитие* духа в прогрессе.

Отдельно отметим, что различение наличного бытия вообще является концептуальным и речь может идти о различении миров, а не одного мира (например, нашего), причем теперь уже в ряде смыслов, или логик, — хотя бы в смысле рефлексии и прогресса, однако необходимо учитывать и снятие.

Примечание 2. Теперь развитие вообще различено в рефлексии и прогрессе, а также в неизбежном снятии, и это само по себе принципиально меняет положение вещей в сфере логики и, следовательно, критично для познания: дело в том, что появляются несовместимые друг с другом понятия основ и законов логики — по сути систем логик¹, даже сами которые в таком случае нельзя соотносить. Или оказываются обусловленными безучастные друг к другу тотальные системы логик. Мы их назвали гиперлогиками: три гиперлогики, в общем случае соотносимые с прогрессом, рефлексией и снятием.

Несовместимость указанных систем логик и даже идеализованность двух из них для нашего мира не означают невозможность их использования друг для друга. То есть применение логических позиций одной системы логики в других значительно усиливает потенциал каждой из них, например в эвристическом ракурсе, что предельно важно, по крайней мере для диалектики, в том числе для исследования в ней деятельности идеи духа, для решения проблемы феномена теоремы Гегеля для системы непротиворечивых логических положений, для осмысления упомянутого выше эффекта наблюдателя, для понимания волновых характеристик микрочастиц и т.д. (в рамках обыкновенной логики, чье содержание Гегель удостоил презрения [1, т. 5, с. 30], эти вопросы не решены, и даже гегелевская спекулятивная логика, по всей видимости, не обладает достаточным арсеналом средств).

¹ Понятие *системы логик* было введено нами в начале 2020 г. [6], но тогда подразумевалась цельная совокупность совместимых, опосредствованных логик, используемых в диалектике, по сути, как теперь понимается, подразумевалась первая гиперлогика, в основе которой лежит понятие прогресса.

3. Понятия различного духа (преображенного духа) и Нового мира также в той или иной мере известны и из древних источников, в которых они были высказаны в силу так или иначе понимаемой неизбежности *погибели* мира и в которых были акцентированы различные (отдельные) сообщества людей, что особенно ярко прослеживается в религиях. Например, у древних египтян было понимание апокалиптического конца этого мира: про это говорится в «Древнеегипетской книге мертвых», — и имелось различие *духа фараонов* согласно «Текстам пирамид» (населению и чиновникам «предлагались» рай и ад). А в Откровении Иоанна Богослова были акцентированы понятие нового неба и новой земли: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...» [Библия, Апок. 21:1], а также те избранные, кто будет жить в таком мире, «те, которые написаны у Агнца в книге жизни» [Библия, Апок. 21:27]...

Представлений о некоем Новом мире и даже о спасшихся в нем людях не могло не быть, другое дело — какими они были, эти представления. Но только в диалектике это новое существование не появляется из ниоткуда, само по себе, не даруется, а *обуславливается* различным духом, в себе развитым духом в его прогрессе, *диалектическим духом*.

Итак, *Новый мир, и он создается*.

Но о нашем мире и о его *последствиях* имеются разные представления, особенно в религиях, следовательно, суть разные, порой противоречащие друг другу мнения о нем, о его развитии и о его перспективах, поэтому

*дорога в Новый мир открыта для любого человека,
но не для всех,
и выбор за каждым...*

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. — М.-Л., 1929–1959.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. — М., 1989.
3. Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. — М., 1965.
4. Макарова М. Н. Сверхчувственное как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2000.
5. Молчанов К. В. Могут ли современные науки осмыслить актуальные проблемы? // Философия хозяйства. — 2018. — № 5.
6. Молчанов К. В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // Философия хозяйства. — 2020. — № 1.
7. Платон. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1990–1994.
8. Трансцендентное // Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 32 / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М., 2016.

О ТРАДИЦИЯХ ОСВОЕНИЯ РУССКИМ НАРОДОМ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ КАК УСЛОВИЯ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье на основе идей русских мыслителей, а также исследований современных историков, этнологов рассматриваются традиции освоения русскими людьми земного пространства России. Выделяются такие черты традиционного сознания, как любовь к пространству, стремление к свободе, способность к ассимиляции, миролюбивое отношение к другим народам. Раскрывается структурно образующая роль в освоении новых земель крестьянской общины, черты ее социального, хозяйственного уклада, самоуправления, отношения с государством.

Ключевые слова: традиции, хозяйственная колонизация, «храбрость в пространстве», свобода, комплементарность, община, общинная социальность и справедливость, взаимодействие с государством.

Abstract. Based on the ideas of Russian thinkers, as well as the studies of modern historians and ethnologists, the article examines the traditions of the mastering of Russian terrestrial space by Russians. Such features of the traditional consciousness as love for space, the desire for freedom, the ability to assimilate, a peaceful attitude towards other peoples are distinguished. The structurally forming role in the development of new lands of the peasant community, the features of its social, economic structure, self-government, relations with the state are revealed.

Keywords: traditions, economic colonization, “bravery in space”, freedom, complementarity, community, communal sociality and justice, interaction with the state.

«Начала» как бы «надевают шапку» на всю историю. «Начала» Руси — «одновременные три акта пришествия ее в себя из исторической туманности»: принятие христианства, рождение письменности, создание государства (В. В. Розанов). К таким «началам» Руси, влиявшим на всю историю, относится и освоение пространства своего земного бытия, включение в этот процесс других народов, объединившихся в едином историческом движении.

Об этой теме размышляли, углубляясь в судьбы мира и России, в основы ее домостроительства, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин и славяно-

филы Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев. Эта тема важна и в концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, «культурно-исторических стилей» К. Н. Леонтьева, в наследии Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, И. А. Ильина и многих других русских мыслителей. Во многом способствовали ее изучению понятия: «народность» (А. С. Пушкин), «традиции», «национальное самосознание» (В. С. Соловьев), «коренное духовное основание» (С. Н. Булгаков), «национальный характер» (Н. О. Лосский).

В. О. Ключевский не раз подчеркивал, что важными факторами нашей истории являются «хозяйственная колонизация», заселение и освоение пустующих новых земель. О роли освоения земного пространства, природной среды говорили Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев.

Евразийцы, хотя и не без «соблазна» (Г. П. Флоровский), даже самоопределились через название континента, огромной частью которого является территория России. «Последний евразиец» Л. Н. Гумилев, размышляя над природой пассионарности русского народа, особое внимание уделил его сверхэнергичности в пространстве.

Тема интересует и современных историков, этнологов, специалистов по исторической этнологии и др. Их исследования традиций русского народа, «традиционного сознания», понимаемого как системы мировоззрения, основанной на «этнической картине мира» — «этнических константах» (способ действия), с одной стороны, «ценностных доминантах» (цели и содержание этого действия), с другой, — вполне дополняют размышления наших философов. В том числе и выявлением роли постоянной и изменяющейся части традиций, как условий возникновения их новых модификаций при сохранении «неизменимого ядра» [4, с. 223–225].

Народные представления, «этническая картина мира» выражаются через мифологию, устное народное творчество, поэзию, литературу, изобразительное искусство, музыку и т.п. Важна интерпретация результатов изучения этих источников, что наиболее полно осуществляет национальная мысль, которая одновременно раскрывает национальное самосознание и является методологической основой его познания.

Уже в первом опыте осмысления «начал» Руси в «Повести временных лет» (1113 г.) показано, «откуда пошла Земля Русская», говорится о главных чертах расселения и освоения земли восточнославянскими племенами. Прочно утвердилось в русском самосознании, что князья правили «не в безвестной и захудалой земле, но в земле Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли» («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона) [1, с. 116]. Тогда же осознается ценность земли-матушки, ее границ. Так, в «Слове о полку Игореве» (XII в.) слышим: «О, русская земля, ты уж за холмом!» И в этом возгласе раскрыва-

ется как устремление за пределы родной земли, так и предупреждение об опасности, исходившей от неизведанного пространства.

Ярко свидетельствует о восприятии Родины как благословенного края другой древний источник (40-е гг. XIII в.): «О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотоми прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями дивными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!» [1, с. 36].

Традиции освоения русским народом земного пространства формировались на протяжении многих веков. Не имея возможности подробно останавливаться на всех, выделим некоторые из них, связанные с «хозяйственной колонизацией» и обеспечивавшие, на наш взгляд, ее успех. Важная составляющая пассионарности, сверхэнергии русского народа — это любовь к пространству, «храбрость в пространстве» (Д. Лихачев). Еще в древности у наших предков обнаружилась тяга к освоению земли и окружающих ее морей: к Балтике и на Север, на Юг — к Черному морю, «встречь солнца» — на Восток, к Тихому океану. Россия, «обыскивая свои берега» (Петр I), становилась, если можно так сказать, своеобразным «Лукоморьем», материком, имеющим огромной протяженности морские берега. «И вот разорваны трех измерений узы, / И открываются всемирные моря!» (О. Э. Мандельштам «Адмиралтейство»). Эти строки поэта о подвиге «птенцов гнезда Петрова», выдающихся мореплавателей, «колумбов русских» (М. В. Ломоносов), благодаря которым народное движение по «лицу Земли» достигло и уперлось в северо-западный берег Америки, вышло к просторам Арктики.

Своим бытием, которое раскрылось в исторической жизни, народ стремился «так жить, чтобы в конце концов / Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов...» (Б. Пастернак). В этом бытии переселение на новые территории закрепилось как «явление внутреннего быта», имевшее значение «простого перехода» с одного места жительства на другое. Среди главных мотивов такого переселения было стремление жить на свободе. «Свобода», по В. Далю, — простор, возможность жить по-своему, своим бытием. «Воля» — от велеть, желать, иметь выбор. Слово «свобода» близко к церковнославянскому «свобство», «своб» — свой. Главным в «свободе» является положительное содержание, свое бытие, а не отрицательное, независимость от чего бы то ни было, хотя и это тоже присутствует. На таком положительном, к христианству восходящем, чувстве свободы как своего бытия делали акцент и славянофилы, это обосновывали В. С. Соловьев и другие русские мыслители.

Народ говорит: «Тяжела доля, зато своя воля». Крайний полюс действия по своей воле — отрицание даже своего бытия в «жажде саморазорения» (И. А. Бунин). Поэтому народная мудрость наставляет: «Вольному — воля, спасенному — рай». Православная христианская вера способствовала преодолению нередко двоющихся представлений о свободе и воле, вела к их согласованию с волей Божией, с «действительностью Высшего мира» [6, с. 31]. Вера «дает нам особенный национальный характер» (А. С. Пушкин) [6, с. 680]. Она — основа «положительного сознания русского народа», подчеркивал и В. С. Соловьев [6, с. 31].

В поиске «своего бытия» в земном пространстве был и мотив освоения «Дикого поля», в широком смысле территории, не ограниченной ни внутренними, ни внешними преградами. «Вольное переселение» русских людей не предполагало захвата «чужих» территорий в качестве цели деятельности. К местному населению относились как к естественной части земного пространства, не воспринимали его как источник угроз. Исследователи отмечают особую способность русских к ассимиляции, их доброжелательность и открытость. Комплементарность (Л. Н. Гумилев), «всеотзывчивость» (Ф. М. Достоевский) русского народа закладывали хорошие основы для взаимодействия с другими народами.

В качестве примера посмотрим у Пушкина в «Истории Пугачева» о донских казаках и татарах: «В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но впоследствии времени вошли в дружелюбные сношения...» [7, с. 681]. Враждебный вариант отношения к другим народам не одобрялся. И не случайно еще в «Повести временных лет» было дано предупреждение всем, склонным к вражде, насилию: «Погибоша аки обри» [1, с. 41]. Такими качествами русские переселения существенно отличались от западных колонизаторов, для которых, как, например, для англичан, любая новая территория — «чистая доска», на которой они строят свой собственный мир, а туземное население воспринимается как источник конфликтов со всеми вытекающими из этого известными последствиями [4, с. 291].

В переселенческом движении было несколько течений, но поскольку главным был хозяйственный, земельный вектор, поиск новых плодородных земель, то крестьяне в нем были одной из основных сил. Структурной основой переселения была община. Подвижности «мира» (синоним общины) способствовали его самодостаточность, автономность, устойчивость. Община была главным типом русской социальности и хозяйствования. У нее были административные функции и приходские, она распоряжалась землей, после отмены крепостного права стала юридическим собственником земли. Изначально из общины был свободный выход,

даже крепостное право не могло прикрепить крестьян к земле, а только к помещику за его службу царю. Здесь действовал суд по обычному праву. Закреплялись нормы общественного быта и морали, нравственно-психологические и религиозно-духовные черты, связанные с православием, формировался соответствующий тип личности. «Мир» защищал крестьян, выступал посредником между ними и помещиком, государством.

Традиционное сознание воспринимало землю как Божий дар. Хозяйственная деятельность на ней — Богу ответ, что выявлено и в философии хозяйства С. Н. Булгакова. По обычному праву пользование землей основывалось на двух главных принципах: «захватный» (когда земли много) и «уравнительный» (когда мало или оскудела). Уравниению не подлежали результаты труда, скот, инвентарь и другая собственность. Богатство трудовое приветствовалось. Но знали и то, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных».

В традиционном сознании было заложено и бережное отношение к земле, природе. Но реализовывать его было все труднее в условиях наступления «городской цивилизации», уничтожения лесов, рек и болотцев. Начала «дышать» на Россию раскаленным зноем пустыня — «враг с Востока», принося голод и угрожая «самому существованию России». Для борьбы с общей бедой, что актуально до сих пор, надо было объединять все государственные и общественные силы (В. С. Соловьев) [5, с. 482].

Общинная социальность включала принципы самоуправления, сочетание общего и личного, защиту личных и общественных интересов. «Мы народ общинный, артельный», — говорили славянофилы, подчеркивая общинное «единство во множестве», в отличие от количества — коллективности, при этом употребляли даже понятие церковное «соборность». Именно эти основания были предложены В. С. Соловьевым и другими мыслителями в качестве основного принципа общественного развития: «Полное удовлетворение всех личностных прав и всего общественного приоритета» [6, с. 30].

Благодаря общинной самоидентификации люди осознавали себя членами русского общества через «мир», через него «миром» волости, земства, всей России. И в этой широте, в чувстве единства России «не было экспансии» [4, с. 272]. Это одно из проявлений «русского космизма». Но здесь же и готовность защищать свой «мир» и свою Родину от внешнего врага. Так, земско-общинный исток был у Ополчения 1612 г., освободившего Москву от захватчиков. Община-деревня поднимала «дубину народной войны» (Л. Н. Толстой «Война и мир») в Отечественной войне 1812 г.

Традиции общинной социальности были основой формирования общественного сознания в условиях модернизации, ее истоком. Причем община, как утверждают исследователи, постоянно шла в сторону укрепления и обновления. Сложившаяся за столетия устойчивая адаптации

онно-деятельностная модель народной колонизации, общинные традиции позволяли приспосабливаться к любым природным условиям, жить в соседстве с различными народами. В пореформенной России на переселение крестьян влияли еще и усилившееся безземелье, низкая агрокультура, переселенческая правительственная политика, но заложенные устои сохранялись.

И во многом успех этого процесса зависел от отношения переселенцев, общины с государством. С одной стороны, переселенческое движение явно носило форму «бегства от государства» (Н. О. Лосский), вызванного конфликтом, чаще всего скрытым, крестьянского «мира» и государства. Но, с другой стороны, просматривается и «ожидание», что власть «догонит», разрешит все вопросы, даст «государев закон», в том числе и в «оформлении отношений» с местным населением. В сознании закреплялось, что «переселение» — это «царево дело», «царские работы». Царь Богу служит, народ — царю, а не государственным чиновникам. Это присутствовало и в отношении крестьян к крепостному праву, к работе на помещика, поскольку тот служит царю. Настроенность на исполнение «царева закона» и ожидание со стороны власти поддержки, льгот явно просматриваются в народной молве и слухах о колонизации окраин Российской империи [4, с. 266]. И это вносило свой вклад в народное представление о справедливой «должной власти».

Власть, в свою очередь, должна была учитывать веками наработанные традиции общинного самоуправления, границы и нормы бытия «мира», не нарушать их. От этого зависел успех диалога власти и общины и укрепление позиций самого государства. Конечно, были и протестные движения и даже, как известно из истории, очень сильные. Но желание сотрудничества, ожидание помощи от власти, «защиты от чуждых исторических стихий» (В. С. Соловьев) доминировали над протестами. И беда была общей, когда гремел «бунт бессмысленный и беспощадный» и «правление было повсюду прекращено» (А. С. Пушкин, «Капитанская дочка») [7, с. 637].

Просчеты, ошибки власти в этой сфере привели к глубоким кризисным явлениям в пореформенный период. Тогда не были своевременно учтены традиции самоуправления, вместо этого усилен административный контроль над общиной, ее представители вытеснены из земства. А общинно-вечевое начало нашло себя в советах, которые использовали большевики, установив советскую власть. Не увидело правительство перспективы новых форм общины и в сельскохозяйственной кооперации, артели, следило, «как бы не ожила самостоятельность народа и не образовывались кооперации» (Н. Д. Кондратьев, 1917 г.) [2, с. 16]. Большевики же, создавая колхозы, оглядывались на традиции и закрывали свои жесткие «перегибы» «Уставом сельскохозяйственной артели». Нарботанная веками

социальность и хозяйственность упирались и упираются в свои общинно-артельные основания, преодолевая трудности и пробуя сохраниться в труднейших условиях.

Власть должна была учитывать и столетние народные традиции сосуществования с другими народами, основанные на комплементарности, православного понимания равенства народов, свойственного русским качества «непревозношения перед другими», «критического отношения к себе» [6, с. 593–594]. Этот реальный процесс отразили идеи наших мыслителей о решении национального вопроса в России и необходимости достижения «достойного существования народов», о «нравственно правильном отношении народов друг к другу» [6, с. 260]. Особо отметим идею о сложившейся российской «супра(над)национальности», которую не объяснить «всеуниверсализующим и всеобедняющим интернационализмом» (Н. О. Лосский) [3, с. 43]. И не пересилить современными глобальными ультралиберальными проектами постнациональных государств с населением без национальной идентичности, без родины. Через В. С. Соловьева русское национальное самосознание задавало вопрос России, власти: «Каким ты хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?».

Еще раз подчеркнем и существенное значение религиозно-духовной составляющей народного движения по освоению российского пространства. В нем участвовали люди православные. Русская православная церковь была там, где ее паства. Известны имена духовных вершин, великих проповедников христианства преп. Германа Аляскинского, св. Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. Многочисленные неизвестные монахи, священники внесли также свой вклад в основание монастырей, храмов совместно с поселенцами. «Не стоит село без праведника», без храма. При этом не было никакой религиозной экспансии. Достаточно нести мир и православное отношение ко всем народам, а не навязывать свою религию и традиции. Принятие ими христианства зависит от Божьего промысла. В православном сознании не смешивались начала государственных и религиозные. Да и не было заказа на миссионерскую деятельность со стороны власти, но в то же время ей было ясно, что монахи, поселившийся в пустыни, уже этим гарантирует успех переселения людей, а следовательно, и «государева дела» [4, с. 278].

Православная вера, любовь к Отечеству Небесному давала основание для любви к земному Отечеству, к малой и большой Родине. Только имея такую «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» (А. С. Пушкин), можно было покорять большие расстояния. Подобную любовь видели и в других народах. В свободе важно «чувствовать Родину, Россию, стоящую ныне перед страшным врагом, под великой угрозой» (С. Н. Булгаков «О даре свободы», 1917 г.) [8, с. 204].

Традиции «зачинаются» личностями, «лучшими людьми» (Н. М. Карамзин), а народ развивает те из них, в которых чувствует жизненную силу. Нам известны имена великих людей, венчавших подвиги многих поколений первопроходцев. Но не менее значимы многочисленные неизвестные «пассионарии» среди промысловиков, предпринимателей, купечества, служилых людей, глав общин, настойчиво продвигавшихся во все концы земли. От них зависело великое дело уметь «завести» хозяйство на новом месте, для чего нужен был талант почти как у Пушкина! (В. В. Розанов).

Русская мысль дает основание к размышлению над народными традициями хозяйственного освоения российских просторов. Философия хозяйства, как можно видеть по исследованиям в ее рамках, позволяет раскрывать российский хозяйственный стиль на едином огромном пространстве, завещанном нашими предками. И ответить на вопросы, почему же так трудно ныне продолжать традиции потомкам вольных первопроходцев, почему реформаторы упорно ведут страну по пути отказа от этих основ. Но «на чужой манер хлеб русский не родится» (А. С. Пушкин). Это надо учитывать, если на самом деле стремиться к доброму Урожаю.

Литература

1. *Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков* / сост. А. Г. Кузьминов, А. Ю. Карпов. — М.: Молодая гвардия, 1990.
2. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение: в 2 кн. Кн. 1. — М., 1993.
3. *Лосский Н. О.* Характер русского народа: в 2 т. Т. 1. — М., 1990.
4. *Лурье С. В.* Историческая этнология. — М.: Гаудеамус, 2004.
5. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1988.
6. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. Т. 1. — М.: Правда, 1989.
7. *Пушкин А. С.* Золотой том. Собрание сочинений. — М.: Имидж, 1993.
8. *Христианский социализм.* С. Н. Булгаков. — Новосибирск: Наука, 1991.

Е. В. Зайцева, П. С. Толкачев

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК УСЛОВИЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ¹

Аннотация. Предлагаемая статья является продолжением авторского исследования о проблемах будущего развития России. После распада Советского Союза (в 1991 г.) вся история социально-экономического развития российского общества ясно показала, что путь рыночной экономики (и соответственно демократии западного типа) не может быть целью России. Духовным фундаментом нашего социума на всем протяжении его истории всегда выступало нравственное единство общества (общественный коллективизм), а в идеале — жизнь народа как единой целостной семьи. Поэтому размыwanie духовно-нравственных ценностей, начавшееся в России после распада СССР, негативно сказалось на ее дальнейшем развитии. И в настоящее время поиск нового общественного идеала, способного снова сплотить все общество, сделать его единым целостным субъектом, становится самой насущной задачей России.

Ключевые слова: экономика, национальная экономика, национальное государство, высшие ценности, ценностный подход.

Abstract: The article is a continuation of the author's research on the problems of the future development of Russia. After the collapse of the Soviet Union (in 1991) the entire history of the socio-economic development of Russian society has clearly shown that the path of a market economy (and, accordingly, Western-type democracy) cannot be Russia's goal. The spiritual foundation of our society, throughout its history, has always been the moral unity of society (social collectivism), and as a result, the life of the people as a single integral family. Therefore, the erosion of spiritual and moral values that began in Russia after the collapse of the USSR had a negative impact on its further development. And at present, the search for a new social ideal capable of uniting the whole society again, making it a single integral entity, is becoming the most urgent task of Russia.

Keywords: economy, national economy, national state, higher values, value approach.

¹ Статья выполнена в рамках финансирования РФФИ проекта № 20-010-00578 «Моделирование оценки эффективного управления социально-экономическим развитием регионов России на основе искусственных нейронных сетей».

1. Постановка вопроса

Как известно, президент России В. В. Путин летом 2021 г., выступая на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, назвал ряд основных социально-экономических проблем современной России: «...это прежде всего бедность, низкие доходы многих семей, невысокое качество первичного звена здравоохранения, изношенность школьных зданий...» Самыми важным средством для их решения он назвал повышение темпов экономического роста, ориентированного на социальный прогресс, региональное, инфраструктурное и экологическое развитие [3].

Наряду с озвученными президентом РФ В. В. Путиным социально-экономическими проблемами, число которых можно расширять, многие исследователи называют еще одну, которую они считают главной, — это отсутствие в российском обществе духовно-нравственного единства. А без такого духовного стержня никакое общество существовать не может. Оно неизбежно рассыпается и в конечном счете погибает. Либо это совершается под ударами внешних сил, либо — как результат внутреннего распада.

Об этом мы уже писали в одной из своих недавних работ, в которой определили, что в глубинном отношении причиной всей негативной ситуации, сложившейся в нашей стране, является отсутствие общего идеала развития, способного гармонично объединить всех членов общества и направить коллективную национальную энергию на решение накопившихся проблем [1].

2. Условие духовно-нравственного единства общества

Российское общество в отличие от социумов, в которых прославляются индивидуализм и человеческий эгоизм, может существовать только как единое духовно-нравственное целое, как народ-семья. Российский народ не ищет господства над другими народами и людьми. В национальном общегитии он хочет гармонии и добра. И это составляет великое преимущество России, которое позволяло и до сих пор позволяет многим другим народам, входящим в Российскую Федерацию, мирно сосуществовать на единой территории и находиться в целостном государстве.

Президент России В. В. Путин, выступая в 2020 г. в День праздника народного единства (4 ноября), как бы в надежде на возрождение в России общего духовно-нравственного идеала, сказал: «Патриотизм и сплоченность граждан, общие нравственные идеалы и сегодня объединяют наше общество, нашу огромную, многонациональную, многоконфессиональную страну... Мы более тысячи лет живем в многонациональном государстве

и строим его весьма успешно именно потому, что с уважением и любовью относимся друг к другу» [4].

Говоря об условиях духовно-нравственного единства, президент России В. В. Путин, выступая в 21 октября 2021 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», отметил, что «в современном хрупком мире значительно возрастает важность твердой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности — это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный» [5].

3. Достижение духовно-нравственного идеала общества

В нашей стране внутринациональная гармония может быть достигнута только при соблюдении главного условия единения всех индивидов. Это условие — нравственное. И оно известно еще с древнейших времен: *возлюби ближнего как самого себя*.

Казалось бы, ответ на вопрос (поставленный в самом названии) ясен: нужно в масштабах всего российского общества внедрить данное нравственное условие. Однако сегодня его практическое достижение наталкивается на препятствия, которые могут показаться даже непреодолимыми. Чтобы быть нравственным, наше общество должно иметь *единый духовно-нравственный идеал*, который до сих пор не найден.

Поэтому понятно, почему в принятую 12 декабря 1993 г. Конституцию Российской Федерации была включена ст. 13, п. 2 которой запрещал государственную идеологию: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2]. Причина проста — отсутствие нового общего идеала. В новых условиях прежний идеал — построение коммунизма — перестал существовать.

Однако отсутствие на сегодняшний день единого общественного идеала делает невозможным принятие и единой государственной идеологии. А это, в свою очередь, означает и трудности в формировании единой государственной социально-экономической политики.

Тем не менее после принятия в 1993 г. Конституции России многие элементы будущего общероссийского идеала стали явными. Это патриотизм и защита Отечества, непреходящие семейные ценности, благотворительность, понимание России как особой мировой цивилизации, стремление к утверждению добра и мира для всех народов и многие другие. Все эти духовно-нравственные ценности являются обязательными компонентами (или, если можно так сказать, формами проявления) будущего общероссийского идеала. И они должны лежать в основе единой общегосударственной политики.

Духовно-нравственный идеал формируется не только общественно, но и индивидуально (причем на протяжении всей жизни человека). В пе-

рипетях индивидуальной жизни он постоянно оттачивается, усиливается и раскрывается во всю возможную для индивида глубину. Но, разумеется, у самого человека должна быть его личная внутренняя индивидуальная духовная основа, без которой его общественное духовное преображение — несмотря на все усилия общества — будет невозможным.

Мы также считаем важным уточнить значение идеала для личности. Для каждого индивидуума идеал — это не какая-либо конечная характеристика, а постоянное стремление к его достижению. Ибо любая ограниченность есть остановка, а в формировании идеала никакой остановки быть не может.

И несомненно, что будущий общероссийский идеал будет включать и уважение, и доброту, и праведность, и целомудрие, и скромность, и послушание, и кротость, и смирение. И в конечном счете все это — любовь.

В этом отношении наше российское общество — счастливые люди, ибо у нас есть богатейшее историческое духовно-культурное наследие.

Литература

1. *Зайцева Е. В., Толкачев П. С.* Вектор развития российской цивилизации // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2020. — № 5. — М.: ТЕИС, 2020. — С. 77–93.
2. Конституция Российской Федерации. Ст. 13, п. 1, 2.
3. *Путин В. В.* Выступление на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам (19 июля 2021 г.). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/66217/> (дата обращения: 22.01.2022).
4. *Путин В. В.* Встреча с представителями религиозных объединений (4 ноября 2020 г.). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64336> (дата обращения: 22.01.2022).
5. *Путин В. В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» (21 октября 2021 г.). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 22.01.2022).

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Рассматривается возможный сценарий развития России в современных условиях как переход к дирижизму. Для этого предлагается создать новое общественно-политическое движение — партию христианского социализма. Приводятся взгляды С. Н. Булгакова на религиозные основы данной партии и ее отличие от атеистического «научного социализма». Сформулированы основная цель и инструмент реализации практической политики христианского социализма в России.

Ключевые слова: христианский социализм, дирижизм, сбережение народа, индикативный план, Богочеловечество, человекобожие.

Abstract. A possible scenario of Russia's development in modern conditions is considered as a transition to dirigisme. To do this, it is proposed to create a new socio-political movement — the Party of Christian Socialism. S. N. Bulgakov's views on the religious foundations of this party and its difference from atheistic “scientific socialism” are given. The main goal and tool for the implementation of the practical policy of Christian socialism in Russia are formulated.

Keywords: Christian socialism, dirigisme, saving the people, indicative plan, God-manhood, man-gods.

Мир стоит на распутье. Это обсуждается в двух за последнее время вышедших зарубежных бестселлерах — книге президента Давосского экономического форума Клауса Шваба «COVID-19: великая перезагрузка» [6] и монографии Юваля Ноя Харари «Номо Deus. Краткая история будущего» [5]. Если первая книга агрессивно навязывает миру свой сценарий «великой социальной революции» под руководством супермонополий, то вторая, сугубо атеистическая монография, философски подходит к рассмотрению будущего и судьбам гуманизма на планете Земля. Но в обеих книгах говорится, что национализм исчерпал себя и происходит переход к сугубо цифровизованному наднациональному управлению человечеством.

Как же может протекать судьба России в таких условиях?

Ю. М. Осипов давно говорит о необходимости перехода к дирижизму. Но какие силы могут осуществить этот переход? Пока в Госдуме просо-

циалистическая демократическая оппозиция — КПРФ и «Справедливая Россия». Мы предлагаем рассмотреть возможность создания еще одной социалистической демократической партии — партии христианского социализма. О необходимости создания Союза христианской политики в России писал С. Н. Булгаков в своей книге «Христианский социализм» [2] в 1905 г. Это было время перед второй социальной катастрофой в стране (первая социальная катастрофа — начало XVII в.). И сейчас, после третьей социальной катастрофы 1990-х гг., опять актуальными звучат слова Булгакова, сказанные более 115 лет назад.

Христианский социализм — это социализм с Богом. В СССР 74 года правил атеистический «научный социализм». В России он уже исчерпал себя. Страна становится все более православной. Но православие не вмешивается в политику. Партия христианского социализма — это партия не православных, а верующих в Бога христиан, любящих свою Родину. Христианско-социалистическая партия может стать альтернативой КПРФ для граждан, не имеющих атеистических убеждений. Ее основные идеологические мотивы были сформулированы в трудах Сергея Николаевича Булгакова в начале XX в.

Что касается отношения христианства к социализму, то в книге «Два града» (1910) [1] С. Н. Булгаков пишет, что «должна быть только христианская проповедь задач социализма и христианское истолкование его действительных целей (христианская этика и философия социализма), но самый социализм как экономический факт, как совокупность внешних объективных институтов, юридических и экономических, может быть только один и тот же для всех членов данного общества, и для христиан, и для язычников. Поэтому в целях фактического преобразования существующего строя на началах социализма и приближения его к воплощению справедливости и любви в экономических отношениях христиане должны стать в общую запряжку истории, отнюдь не обособляясь и не аристократничая, не уклоняясь от совместной работы с “язычниками”, насколько и они, преследуя общегуманистические задачи, хотят делать дело Христово» [1, с. 219], потому что в социализме как хозяйственной организации содержится христианская идея, так как в нем заложено организующее начало социальной любви.

В центре программы партии христианского социализма должно стоять *сбережение народа* России как национальная идея. Инструмент реализации данной национальной идеи — *индикативный план*. Составная часть индикативного плана — *социальная доктрина РФ* с демографическим императивом. Недавно вышедший Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» уже содержит упоминание об индикативном плане, и предлагаемая нами модель социальной

доктрины [3] полностью вписывается в рамки данного указа. Отделение проблем народонаселения Российской академии естественных наук выступило с инициативой разработки методологии такой социальной доктрины на 2025–2030 гг. и ждет поддержки от Правительства РФ.

Партия христианского социализма для России — новая политическая реальность. Европейские страны, особенно Германия, имеют правящие христианские партии. Но у них совсем другой исторический опыт. Для России с ее социалистическим прошлым перевод народного хозяйства на социалистические рельсы — это частичный возврат в прошлое. Но «религиозной» основой атеистического материалистического социализма был марксизм-ленинизм [4]. Именно в его мировоззренческих пороках мы видим основную причину распада СССР в 1991 г. Коммунистам не удалось построить «рай на земле» без Бога, отказавшись от религии Богочеловека и перейдя к атеистическому гуманизму человекобожия, основы которого в XIX в. заложили Людвиг Фейербах и Огюст Конт. С. Н. Булгаков еще в 1905 г. писал: «В чем же действительная и существенная разница между атеистическим и христианским социализмом, между социализмом человекобожия и социализмом Богочеловечества? При сходном отчасти теле они имеют вполне различные души, и потому одни и те же требования звучат совершенно различно, как бы в разных регистрах. Тогда как христианский социализм видит в политике религиозное делание, выставляет известные требования как выражение высшей правды, исполнение заветов Христовых, социализм атеистический служит средством навсегда отгородиться от Бога, устроить жизнь так, чтобы совсем не было и потребности в религии» [2, с. 44]. После отмены идеологического прессинга КПСС в России начала быстро возрождаться религиозность. И хотя постоянно в православные храмы ходит где-то 3% населения, в такие церковные праздники, как Пасха и Крещение, в церквях наблюдается очень много верующего народа. К Поясу Богородицы в РФ стояло 3 млн верующих. То есть для создания партии христианского социализма в России есть электоральная база.

Таким образом, в стране сейчас сложилась объективная необходимость в появлении на политической арене нового общественного движения — христианско-социалистического, за которым может быть будущее.

Литература

1. Булгаков С. Н. Два Града. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. — 736 с.
2. Булгаков С. Н. Христианский социализм. — Новосибирск: Наука. 1991. — 350 с.
3. Доброхлеб В. Г., Яковец Т. Ю. Стратегия социодемографического развития России и основные направления социальной доктрины РФ 2025–2030 гг. // Экономические стратегии. — 2021. — № 4. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-4.178.2021>

-
4. Основы марксизма-ленинизма: учеб. пособие. — М.: Госиздательство политической литературы, 1959. — 774 с.
 5. *Юваль Ной Харари*. Homo Deus. Краткая история будущего. — М.: Синдбад, 2019. — 496 с.
 6. *Шваб К., Маллере Т.* COVID-19: Великая перезагрузка [Электронный ресурс]. — URL: COVID 19: Великая перезагрузка (pravda.red) (дата обращения: 14.01.2022).

ПОИСК ИНОГО ЦАРСТВА В СВЕТЕ СОФИАСОФИИ

Аннотация. Для софиасофской мысли характерны порыв и прорыв в Иное. Философия хозяйства родилась и развивается как знание мистериальное, посвящающее, открывающее недоступное доселе. Осмысление пути мистиков различных времен и традиций, на наш взгляд, ясно свидетельствует о том, что путь в Иное Царство может быть раскрыт именно как инициация-посвящение. В противном случае возникает подмена пути различного рода ментальными концептами и конструктами, чем часто грешат исследователи в области теологии, философии и прочих сфер знания. В статье раскрывается поиск Иного Царства в традиции философии хозяйства и мистериального знания софиасофской мысли. При этом делается попытка сохранить и раскрыть мистериальный характер софиасофского текста, способного инициировать в пространство Иного Царства.

Ключевые слова: Иное Царство, философия хозяйства, софиасофия, посвящение, мистерия, инициация, чудо, путь, софийное знание, софийное творчество, софийная мистерия.

Abstract. Sophiasophic thought is characterized by an impulse and a breakthrough into the Other. The philosophy of economy was born and is developing as a mystical knowledge, initiating, revealing what is inaccessible to the village. Comprehension of the path of mystics of various times and traditions, in our opinion, clearly indicates that the path to the “Other Kingdom” can be revealed precisely as an initiation-initiation. Otherwise, there is a substitution of the path with various kinds of mental concepts and constructs, which is often the fault of researchers in the field of theology, philosophy and other areas of knowledge. The article reveals the search for the “Other Kingdom” in the tradition of economic philosophy and the mystical knowledge of sophiasophic thought. Before this, an attempt is made to preserve and reveal the mystical nature of the sophiasophic text, capable of initiating into the space of the Other Kingdom.

Keywords: Another Kingdom, economic philosophy, sophiasophia, initiation, mystery, initiation, miracle, path, sophianic knowledge, sophianic creativity, sophianic mystery.

Искателю Иного Царства предстоит пройти дремучие леса политики, информационных полей, экономизма и технократии, научного всезнания и литературной уплощенности, научного, журналистского, бытового кан-

целярита речи и прочая и прочая. Пройти сквозь антимирные слои к пространству глубокой тайны жизни и софийного чуда. В статье совершается попытка ответить на вопрос о том, как светильник софиасофии поможет преодолеть этот путь и выйти на подступы Иного Царства. По нашему мнению, о цели искателя Иного Царства можно говорить лишь мистериально-иносказательно, дабы создать условия для возможного софийного проживания инобытийности. Е. Н. Трубецкой, раскрывая мистическое проникновение в глубину жизни, говорит о кружащей голову высоте полета, на которой раскрывается сказочная действительность вселенной [6, с. 104].

Актуальность настоящего исследования определяется условиями, когда все посюстороннее, мирское, повседневное буквально затопило сознание как отдельных людей, так и целых этносов, народов, различных человеческих групп.

Гипотеза исследования состоит в том, что философия хозяйства представляет собой, наравне с традицией софиасофской мысли, и совокупность софийных мистерий, рождающих софийные инициации, проникающие в метабытийные пространства Иного мира.

Цель настоящего исследования состоит в раскрытии особенностей софийной мистерии в практиках софиасофской мысли философии хозяйства.

Анализ мистериально-инициирующего текста представляет большой интерес и при этом достаточную сложность в силу того, что текст, разобранный на элементы, не сохраняет мистериальное-целое. При этом раскрытие ключевых составляющих такого текста имеет, на наш взгляд, смысл для расширения видения и ведения.

Постановка цели исследования рождает комплекс задач, которые следует решить в данной работе:

1. Определить поиск Иного Царства в софиасофской мысли философии хозяйства.
2. На примере традиции философии хозяйства раскрыть особую онтологию и антропологию, стоящую на вооружении искателя Иного Царства.
3. Осмыслить практику софийной мистерии и происходящие из нее софийные инициации.
4. Показать софиасофскую традицию как инструмент искателя Иного Царства.

Мир начала XX в. практически всецело обусловлен экономическим прагматизмом. Об этом свидетельствует внимательное изучение взглядов как теоретиков экономической мысли, так и историков экономики. Поиск иномирного в этих условиях представляется весьма и весьма затруднительным. Поэтому особое внимание обращают на себя идеи философии

хозяйства С. Н. Булгакова [2]. Философия хозяйства сама по себе является прорывом к Иному Царству сквозь теоретическое и бытовое восприятие экономической действительности. Понимая вслед за Ю. М. Осиповым философию хозяйства как философию хождения по пути в Иное, чуткая исследовательская мысль различает как намеки, так и прямые указания на направление движения к Горнему Миру [5]. Евангельский призыв к поиску Царства Божия, прежде всех прочих деланий, находит конкретное мыслительное воплощение, которое может быть претворено в живое творческое действо-хождение. Философия хозяйства во всей палитре своей целокупности формирует пространство мистерии-инициации, открывая проход в мир Иного Царства.

Софиасофия представляет собой систематическое обобщение софийного знания. Знания, открытого посредством откровений Святой Софии — Премудрости Божьей. По этой причине софиасофия являет в своей основе мистериальное иницирующее знание, знание-прикосновение к Высшему. Об этом свидетельствуют накопления софиасофской мысли, породившие особую традицию и культуру софийного мышления — мышления, иницированного Софией и иницирующего в Софию. Такой подход резко контрастирует, к примеру, с методологией и результатами экономических наук. Прагматика экономизма, на наш взгляд, формирует тоталитарное мышление. Для такого мышления характерна невозможность различить явление чудесного и закрыт путь к движению в Иное Царство. Можно, используя метафору волшебной сказки, сказать, что пограничным пределом между пространством повседневности и Иным Царством с его чудесами, диковинами, несметными богатствами выступает страшный лес экономизма. В современном мире сочетаются потребление и цифра, материализм и целеустремленный расчет, депрессивная прокрастинация и бег в шуме гигантских городских пространств. Сложившееся положение вещей буквально не дает «поднять голову» мысли об Ином. Украинский мыслитель С. А. Дацюк в своих работах последовательно раскрывает тезис о том, что мышление Иного, в отличие от повседневного думания, возможно лишь для человека, вставшего на путь преображения, на путь к Иной Действительности. [3, с. 78]. Софийное знание и иницируемое им софийное творчество раскрывают в многообразии форм путь в Иное Царство. Софиасофия открывает пространство чуда, различению явлений чудесного в различных формах бытия, в мыслительно разворачивающихся идеях и наполненном софийными смыслами творчестве.

Н. Б. Шулевский показывает чудо второго рождения философии хозяйства, произошедшее в процессе деятельности Ю. М. Осипова, раскрывшего знание и методологию, позволяющего осмыслять экономику с позиций, превосходящих традиционную для экономической науки классическую рациональность. Софийное понимание экономической действительности

позволило очертить границы хрематистики, которая, по сути, значительно сузила границы понимания экономических процессов [7].

Ю. М. Осипов отделяет софиасофию от софиологии как учение о Софии, обозначая ее как «контакт с Софией Премудростью Божией» [5, с. 433]. Причем этот контакт возникает не так и не столько по воле самого мыслителя, сколько по воле Софии. Однако большое значение для призвания Софии имеет живая интенция движения к софийному знанию, основанная на искренности и чистоте намерения. Вызванное такой интенцией сосредоточение сознания позволяет сделать существенные шаги навстречу Софии. Знание, явленное в непосредственном творческом акте проживания, возбуждаемого прямым действием Софии, может быть охарактеризовано как «...знание без знания, вне знания, вопреки знанию — без и вне строгой логики, ей тоже вопреки; без и вне расчета, ему тоже вопреки» [5, с. 435]. Такое знание проникает в суть и обретается в процессе внезапного раскрытия смысла через откровение, эврику озарения, что отличает такое знание от привычных для классической научной рациональности исследований, фиксирования фактов, использования методов индукции, дедукции, диалектической логики и иных форм научной аргументации. Софийное знание, по сути, обретается в единстве Божией мысли и мысли человеческой [5, с. 435–436].

Действие Софии рождает особое состояние сознания и мышления, вызывая особое состояние проникновения в глубокие смыслы и тайны жизни. Положение сознания в точку бытия смыслов, обретение зрения и ведения смыслов, различения софийных откровений позволяют обрести особое духовное сознание или, как подчеркивает Ю. М. Осипов, саму Софию [5, с. 437–438].

Движение по пути софийного проникновения в тайны иномирности требуют особого устремления, дерзновения и мужества. Необходимо наличие особой духовной силы, объединяющей и пронизывающей всю целостность и крепость искателя. Именно такая духовная сила позволяет обрести необходимую интенцию движения по пути к Иному Царству.

В целом устремление к Иному Царству, на наш взгляд, является стержнем софиасофского знания философии хозяйства. В этом его особая исключительность и даже миссия. Раскрыть понимание Иного Царства не просто. Однако его проступающие черты можно различить, отчасти уловить и передать в особой форме софиасофского знания. Иное Царство, следуя за Е. Н. Трубецким, можно определить как «...иное, высшее вдохновение, которое поднимается над житейским...» [6]. Здесь происходит превосходство мещанства повседневности, разделений на классы и обусловленных этими классами устремлений.

Все творчество и жизнедеятельность С. Н. Булгакова пронизывает нас сквозь устремление к Иному Царству. По его мнению, стремление к Иному

Царству связано со следующей «изначальной и вековой» антиномией, которая живет «в человеческом сердце, осознается и определится как столкновение двух царств, двух миров, двух волей: царства от мира сего во главе с тем, кто придет во имя свое, и царство не от мира, имеющее Царя Кроткого, Христа, творящего волю Отца. История есть трагическое осознание этой антиномии....» [2, с. 426].

Стремление к Иному Царству можно проследить в различных мистических традициях. Поиск Иного Царства проглядывает сквозь мифы и сказки. Поиск Иного Царства рождается из мнящей неизвестности иномирных пространств. По этой причине сами искатели часто плохо представляют себе сам предмет поиска. По мнению Е. Н. Трубецкого, в этом смысле происходит подлинное сближение философии Сократа и сказок различных народов. В сказках неизвестное выражается в множестве разнообразных метафорических форм [6].

Поднять сознание и мысль в направлении Иного Царства, всмотреться в него требуют определенной практики, намерения и готовности к некоторому отвлечению от оков посюсторонности. Можно говорить о наработке определенной доминанты и интенции, которая направит поиск, постепенно приподнимая завесу повседневности.

Исследование о. Александра Меня, кратко изложенное в работе «Мировая духовная культура» [4], показывает роль мистериальных инициаций посвящений в Иное Царство в жизни различных народов. Эту же точку зрения последовательно разворачивает в своих практиках и трудах известный мистик XX в. Д. Л. Андреев [1]. В этих условиях особое значение имеет философия хозяйства в ее софиасофском измерении, являясь не только и не столько особой традицией мысли, но и разворачиваясь как софийная мистерия. Ю. М. Осипов, раскрывая мистериальный характер культуры, говорит: «Культура — насквозь мистериальна, пусть вроде бы не вся, но... ежели поближе подобраться к смыслам, то... тут открывается не что иное, как большая, неограниченная и непрерывная мистерия — без начала, без конечного решения и без провиденциального конца!» [5, с. 245]. В священном действе-мистерии раскрывается безначальная и бесконечная тайна. Мистерия позволяет прожить контакт и соучастие Господу Богу Творцу, доходя даже до синергии сотворчества или, говоря метафорически, оказываясь на пересечении с живым иномирьем. При этом мистериальное действо раскрывает нечто глубокое, зыбкое, едва уловимое, мерцающее и тут же исчезающее. Ю. М. Осипов показывает мистериальный характер культуры в различных видах техники и искусства, гуманитарного и естественного знания, учительства, врачевания, духовной жизни и других форм человеческой деятельности. При этом в качестве особой мистерии мистерий Ю. М. Осипов выделяет демиургию, в которой буквально происходит процесс пересотворения мира [5, с. 245–247].

В целом мистериальное знание и его стадии — инициация лежат в основе многих направлений глубокой мысли. Софийная мистерия и основанная на ней софийная инициация, представленная в традиции философии хозяйства, на наш взгляд, являются одними из важнейших инструментов поиска Иного Царства в практике собственной жизни.

Искатель Иного Царства пользуется особой онтологией и особой антропологией, что и представлено в работе Ю. М. Осипова «Белые скрижали» [5]. На наш взгляд, также мистериальное измерение характерно как для бытия в целом, так и для жизни отдельного человека, жизни народа, конкретных обстоятельств. С. Н. Булгаков говорит, что в этом смысле жизнь не разгадывается умом, но переживается как священнодействие, открывая тайны мирового бытия, в первозданном свете рождая как сознание, так и различие. [2, с. 47]. Или «самое чувство жизни, самосознание ее (которое задолго предшествует самосознанию личного я) становится непостижимым чудом, к которому нет научного или логического пути, и остается только перепрыгнуть чрез пропасть» [2, с. 115].

Одной из стадий мистерии является инициация [8]. Мистериально-символический характер Истины, проявляющейся как неизъяснимое для практик дискурсивного мышления, показывает С. Н. Булгаков, по мнению которого Истину, как облако, окружает неизреченная тайна и ей могут быть сопричастны способные различить и прожить ее откровение, которому присущи различные формы. Это религиозная в форме мифов и символов, философская — в виде высоких интуиций философских гениев, художественная — в произведениях искусства, в которых в конечном просвечивает бесконечное. Тайна также открывает себя в глубинах индивидуальной религиозной жизни личности [2, с. 195–196].

«Прикосновение к неизреченному непосредственно связано с инициацией, возникающей в процессе религиозной мистерии или непосредственного переживания неизреченного, сопричастности и мистериальной встречи с Софией, о чем говорит С. Н. Булгаков» [2, с. 196].

Софиасофское мистериальное знание основано на особых настройках, организации внимания, онтологических и мыслительных практиках взгляда в Вечность. Е. Н. Трубецкой на примере народной сказки раскрывает-инициирует горизонты инобытия. Вечность раскрывается для нас в самых разнообразных формах, в ритмах вселенной, смене дня и ночи, рождая высочайший сказочный подъем [6, с. 106]. На наш взгляд, практика софийной инициации истины широко представлена непосредственно в работах С. Н. Булгакова и Ю. М. Осипова.

Повседневная «посюсторонняя» часть действительности уплотняет мышление и сознание, ограничивая его подвижность. И эта же повседневность рождает несказанное томление по Иному, тем самым пробуждая стремление к поиску. «Нет ничего, что в большей степени вызывало то-

ску по “иному царству”, чем серые однообразные тона нашей будничной прозы. Отвращение к этой жизни, где нет ни подлинного добра, ни подлинного зла, нередко заставляет людей искать не только света, но и тьмы... побуждаемые теми же отталкивающими свойствами нашей призрачной жизни, люди с еще большею силою испытывают влечение в противоположную сторону, к неумирающему добру, к вечной красоте, к той светлой запредельной полосе, где не заходит солнце...» [6, с. 108].

Как уже было упомянуто, на вооружение искателя Иного Царства следует взять особую онтологию. Представление о бытии для философии хозяйства и ее основы — софиасофии раскрывается в понятии Иного, живого бытия, логосного, софийного, обоживаемого. Показывая соотношение природного и Иного, Ю. М. Осипов говорит о вмещении природы в Иное. При этом он раскрывает иномирность бытия самого сознания, его метафизические корни, тем самым рефлексируя особые мистериальные настройки, создающие проход ищущим софийного постижения Иного Царства [5, с. 69].

Антропологические представления в софиасофии Ю. М. Осипов выражает словами, подчеркивая причудливое сочетание тайны, цельности и субъектности: «...человек со своим осознанием метафизисом — великая неизвестность! Однако не ничто, не пустота, не нуль, а единица, субъект, значимость!» [5, с. 96–97].

Несомненно, одного только стремления к поиску мало. Путь в Иное Царство полон ловушек как мира сего, так и более тонких, различить которые можно лишь особо подготовленному сознанию и мышлению. Е. Н. Трубецкой одним из главных условий достижения Иного Царства считает необходимым совершение невероятных подвигов, преодоление большого количества препятствий. Показывая тем самым, что придется реально преодолеть «расстояние, отделяющее нашу действительность от лучшего “волшебного мира”» [6, с. 106].

При этом содействие сил Иного Царства чаще всего возможно в процессе подвига, связанного с личным пробуждением. Собственные скрытые духовные силы во многом и являются этими волшебными помощниками. Содействие волшебных сил чаще всего оплачивается тяжелыми жертвами аскетического подвига [6, с. 106]. Выход сознания за пределы обыденности в направлении инаковости Ю. М. Осипов указывает как прямое раскрытие содержательно-смысловой инаковости через особые переходы смещения сознания в сторону софийности [5, с. 109].

Повседневных, даже достаточно глубоких, представлений о работе сознания для его «переключения»-инициации в режим движения к Иному Царству недостаточно. «...для прорыва в иное всего этого маловато, ибо потребно не просто исключительное сознание, а сознание... как раз... иное, явление которого связано не так с его исходными качествами, как с бла-

гоприобретаемой... судьбой!» [5, с. 110]. В данном случае, на наш взгляд, под благоприобретаемой судьбой можно понимать как раз мистерию, в результате которой осуществляется комплекс софийных инициаций постижения Иного.

Подняться над будничной повседневностью хотя бы только в мышление — это уже серьезное аскетическое усилие, связанное с «переключением» в особый режим софийного знания и действия [6, с. 103]. В этом процессе сознание меняет свое качество, обретая нечто, основанное на контакте с трансцендентной средой, или, другими словами, обретении Грааля, «...однако не сияющего где-то в конце туннеля, а вовсю в человеке работающего» [5, с. 110].

Открытие Иного Царства как особого чаяния, как духовной цели, смысла существования и энергии действия рождает особую интенцию. Эта интенция рождается из таинственного влечения человека к Иному Царству. На крыльях поднимаются и вещие птицы, и вещие люди. «Победа над тяжестью есть тем самым и победа над материей. Вот почему и в религиозной и сказочной символике всех веков и народов крылья служат образом одухотворения. В общении с крылатым и вещим сам человек одухотворяется, и это одухотворение выражается в чудесном расширении его горизонта» [6, с. 105].

Здесь раскрывается софийное всеединство всего созданного и рождается особая ответственность. В описываемом метафорически сказочном полете раскрывается преодоление обусловленности борьбы человека за свое существование в обыденном, житейском смысле [6, с. 107]. Понимая иномирные корни сознания человека, можно раскрыть и иномирное предназначение сознания, в котором человек может обрести себя настоящего в онтологической и антропологической полноте [5, с. 79].

Тонкая чувствительность духа к глубинам жизни рождает особое состояние. «Иное испытывает тот, кому стала доступна великая радость духовного подъема над житейским. Ему понятны страдания раненого орла, смертный страх вещей птицы и ее привязанность к жизни; он ощутил ее переживания как свои собственные, и оттого он может участвовать в ее полете» [6, с. 106]. Такое проживание рождается, по Е. Н. Трубецкому, несмотря на различные мирские нестроения и разлады, который выделяет два возможных пути в Иное Царство — это либо путь воина-богатыря, либо путь мудреца, называя их богатыри и вещие [6, с. 107]. Путь воина-богатыря — путь доминирующей силы духа; путь мудреца — это путь духовного сознания. В целом в реальности важно уравновесить оба эти направления поисковых практик.

Указывая на метабытие сознания и укоренение в иномирности бытия Божьего, логосном софийном измерении, Ю. М. Осипов показывает процесс питания сознания от метафизической реальности, метабытия

или Иномирья: «Сознание бытует здесь, а питается там, от того и тем вдохновляется. Сознание в продуктивном контексте с Иномирьем, Логосом, Софией, Богом!» [5, с. 74].

Инаковость раскрывается в выходе за пределы природных процессов в особое метабытийное метапространство. «В сказке мы видим иное. Здесь открывается другой волшебный мир, где бессильно все естественное; тут человек ясно видит предел своей человеческой мощи, как бы велика она ни была, и чувствует превосходящую его сверхъестественную силу, перед которой — ничто величайшие из богатырей» [6, с. 110].

В современном мире начинающий искатель Иного Царства на своем пути встречает множество препятствий и «мыслительных капканов». Начиная от тоталитарного сознания и мышления до вульгарного материализма, научного подхода, отрицающего в своей основе иномирность, не познаваемую ее методами. Отношение научного знания к тайне и чуду С. Н. Булгаков очень метко определяет как «известную чудобоязнь науки» [2, с. 233]. Традиция философии хозяйства не только призывает, но и иницирует всматривание в Иное умного тайнозрителя. По Е. Н. Трубецкому, для инициации пути в Иное Царство важны не только внутренние усилия, но и особые действия. «Чтобы победить воровскую утопию “легкого хлеба”, недостаточно ни созерцательного экстаза, ни парения над житейским, ни даже молитвенного подъема к святому и чудесному. Для этого нужно живое дело» [6, с. 105]. Путь живого дела как раз иницируется в традиции философии хозяйства. Живое дело, наполненное устремленностью в Иное.

Подводя итоги, считаем необходимым сделать вывод о больших возможностях софийно-мистериальных практик в познании различных явлений и процессов действительности. По нашему мнению, софиасофская традиция мистериального проникновения в Иное Царство продолжает и развивает практики священнодействия и священнобезмолвия, характерные для выдающихся мистиков. Прежде всего традиции мистического постижения ортодоксального христианства.

Исходя из проведенного исследования, можно утверждать, что в мистерской искателя Иного Царства софиасофская традиция философии хозяйства является важнейшим комплексом практик мирозозерцания и осмысления. Для решения поставленных задач используются методы софиасофии, софийного познания или метапознания, выходящего далеко за рамки познания словесного [5, с. 111]. Будучи школой и практикой как софийного мышления, так и философией софийного Пути в Небо — философия хозяйства представляет собой поистине уникальное явление современной духовной культуры.

По нашему мнению, традиция софиасофской мысли в целом позволяет осуществлять мыслительное проникновение в пространство метареально-

сти Иного Царства, позволяя осуществить сочетание ищущего сознания с софийно-раскрываемой иномирностью. При этом особое значение имеет интенция движения искателя Иного Царства, рождаемая из дерзновения духа. Обретение духовного стержня позволяет обрести, хранить и следовать Пути искателя Иного Царства. Без наличия духовного стержня множественные мыслительные ловушки могут подавить интенцию устремленности. Духовная сила, духовная воля и духовная устремленность в единстве софийного Пути к Иному Царству лежат в основе онтологической интенции, создающей направленное движение по Пути.

Таким образом, обретение софийного Пути искателем Иного Царства основано на последовательности мистериальных инициаций, рождаемых из проживания особых софийных священнодейств самых различных форм, раскрывая направление движения по Пути и одновременно обретение особой силы духа, позволяющей хранить направление Пути. Отдельно можно выделить практики софийного мышления и софийного различения различного рода тонких касаний тех или иных вещей. Софийное мышление также раскрывает ориентиры Пути Искателя Иного Царства, содействуя укреплению его устремленности и духовной силы.

Литература

1. *Андреев Д. Л.* Роза Мира. — М., 1992.
2. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 464 с.
3. *Дацюк С.* Ненормативное мышление меняет мир. — Киев: Колесо життя Червень-серпень, 2021. — С. 77–81.
4. *Мень А.* Мировая духовная культура. Христианство. Церковь: Лекции и беседы. — М.: Фонд имени Александра Меня, 1995. — 617 с.
5. *Осинов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. — М.: ТЕИС, 2016. — 464 с.
6. *Трубейской Е. Н.* «Иное Царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. — 1990. — № 2. — С. 100–118.
7. *Шулевский Н. Б.* Антикризисная тайна философии хозяйства // «Журнальный клуб Интелпрос» Credo New. — 2014. — № 1. — URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k1-2014/23775-antikrizisnaya-tayna-filosofii-hozyaystva.htm
8. *Энгус С.* Тайные культы древних. Религии мистерий. Гл. 3. Три стадии мистерии. — URL: <https://history.wikireading.ru/187796>

3. ХОЗЯЙСТВО

В. М. Кульков

ПРОТИВОРЕЧИЯ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются новые вызовы, вставшие перед российской экономикой. Особое внимание уделяется процессам модернизации, цифровизации, экологизации, деглобализации. Раскрываются их противоречия. Показываются влияние новых вызовов на экономику России.

Ключевые слова: новые вызовы, противоречия, модернизация, цифровизация, экологизация, глобальный капитал.

Abstract. In the article, the new challenges facing the Russian economy are analyzed. Particular attention is paid to the processes of modernization, digitalization, greening, deglobalization. Their contradictions are revealed. The impact of new challenges on the Russian economy is shown.

Keywords: new challenges, contradictions, modernization, digitalization, greening, global capital.

Совершенно очевидно, что российскую экономику лихорадит. Она попала в порочный круг, характеризующийся то спадом, то восстановительным ростом, который, однако, не переходит в долгосрочный рост, тем более — в развитие. Заложенные при принятии нового государственного бюджета темпы экономического роста в 3% на ближайшие три года — ниже среднемировых, а значит, отставание России будет увеличиваться, и это притом, что российская экономика в течение последних 30 лет имела крайне низкий среднегодовой темп роста: «Реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20–25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. в 2,8 раза превышало аналогичный показатель 1990 г.» [1, с. 29]. Огромные накопленные резервы и возможности не используются на нужды развития. Показательным стало предложение Минфина РФ «поднять порог ликвидной части Фонда национального благосостояния, сверх которого накопления можно тратить на инвестиции, с ны-

нешних 7% до 10% ВВП... Необходимость нового порога Минфин объяснил тем, что энергопереход развитых стран к низкоуглеродной экономике несет риски падения сырьевых цен» [2] к 2030 г. Что же получается: не надо сейчас тратить средства на технологическое обновление производства, чтобы во всеоружии встретить новую реальность, а следует копить деньги, чтобы на них жить в низкоуглеродную эпоху, когда у России не будут покупать нефть и газ? Странная, конечно, логика. Необходимо менять макроэкономическую политику в сторону большей адекватности потребностям развития России. Однако дело здесь не только в смене макрополитики, а в необходимости изменения самой российской экономической системы, включая прежде всего такие ее системообразующие элементы, как способы хозяйственной координации и социального присвоения, воспроизводственные характеристики.

Формально в России сформировалась более или менее целостная совокупность экономических отношений, характеризующаяся определенным составом субъектов и их взаимодействием, функционированием более или менее устоявшихся институтов, распределением экономических активов и доходов, определенной структурой воспроизводства. Эта система «пустила корни», вовлекла в свою орбиту экономических агентов, приобрела живучесть, воплотилась в определенной, настойчиво реализуемой на протяжении многих лет макроэкономической политике, в центр которой поставлено обеспечение финансовой сбалансированности. Она обеспечивает известную социально-экономическую, институциональную, внутриполитическую стабильность, характерную для последних двух десятилетий в России.

Вместе с тем Россия нуждается в большем, а именно в переходе от сложившейся системы к такой системе, которая будет ориентирована не столько на поддержание стабильности, сколько на развитие страны. Она нуждается в очищении от тех элементов, которые мешают такому развитию. Она должна вобрать в себя новую экономическую и институциональную среду, новый более справедливый и эффективный тип социального присвоения, новые механизмы и структуру воспроизводственного процесса.

И с точки зрения качества системообразующих элементов, и со стороны результатов функционирования сложившаяся в России система может быть определена, скорее, как «псевдосистема». Подлинная же система должна учитывать передовые тренды экономического, социального, технологического характера, стратегические национальные цели развития, весь набор национальных специфических факторов, свойственных России. Формирование такой системы должно быть сопряжено с модернизацией российской экономики. Модернизация (несмотря на некоторое ослабление внимания к этой идее и самому термину в последние годы) явля-

ется главным внутренним вызовом для экономического развития страны (или — в терминологии научной конференции, послужившей основой для данной книги, — главным внутренним «натиском»).

Но данный вызов противоречив. С одной стороны, модернизация должна вбирать в себя универсальные тренды развития, а с другой стороны, учитывать национальное своеобразие целей и условий, включая обеспечение национальной безопасности, суверенитета, достижение высокого уровня самодостаточности, опору на традиционные российские ценности. Далее, она должна сочетать переход к новому технологическому укладу, но при этом решать и более скромные, но важные для отечественной экономики задачи, включая реиндустриализацию производства. Наконец, модернизацию нельзя отождествлять только с радикальными преобразованиями, решительным отказом от сложившейся системы (пусть даже в форме упомянутой выше «псевдосистемы»), она должна учитывать при этом опасность разрушения самой государственности.

Но есть и внешние натиски или вызовы. Среди них есть и откровенно враждебные давление и санкции Запада, периодически выдвигаемые в качестве угрозы в отношении России (отключение от SWIFT, затруднение долларového обмена и операций с государственным долгом, отказ от поставок электроники и другой высокотехнологичной продукции и т.п.). Это лишний раз говорит о необходимости повышения уровня самодостаточности (технологической, финансовой и др.) российской экономики, а также о необходимости иметь соответствующий «План Б». Последний предполагает его реализацию в первую очередь в конкретных практических действиях, но при этом возможность его проявления должна быть потенциально заложена при формировании в России адекватной экономической системы. Как уже ранее отмечал автор, «возможно, это стоит считать наказом из будущего» [4, с. 65].

Но есть и вызовы универсального характера: технологический и экологический. Первый из них связан прежде всего с цифровизацией экономики. Противоречие состоит в том, что вписывание в новый цифровой уклад является жизненно необходимым для поддержания конкурентоспособности страны, а с другой стороны, есть опасность для национальной экономики стать зависимым звеном цифровых цепочек, сформировать технологическую основу для превращения человека в придаток цифры, в цифровой винтик, которым можно манипулировать, доведя процесс до цифрового тоталитаризма.

Противоречия пронизывают и экологический вызов, или тренд «зеленой экономики», — сам по себе востребованный и благородный. Но обратная его сторона — «экологический империализм», выражающийся в навязывании объемных экологических ограничений, опутывающих мир и ограничивающих развитие многих стран, включая и Россию, и Китай. Через

экологическую повестку пытаются вмонтировать международное законодательство во внутреннее, снизить роль национальных приоритетов и позиции своих конкурентов, подорвать «новую индустриализацию», которая во многом формирует материально-техническую базу суверенного развития.

Еще одним вызовом стало изменение соотношения национального и глобального аспектов. Глобализация, набравшая, казалось бы, непреодолимую скорость в конце прошлого века, начала давать сбои. Сказалась прежде всего неравномерность развития, приведшая к расстройству мирохозяйственных отношений, к росту протекционизма и изоляционизма. Усилились последствия многолетнего игнорирования ведущими мировыми игроками особенностей других стран и их национальных интересов. Даже в таких, казалось бы, глобальных процессах, как цифровизация и борьба с ковидом, национальное государство выступает в одном случае как барьер для всемирных тотальных цифровых поползновений, а в другом — предстает в усилившейся роли национальных регуляторов в антивирусной деятельности.

Вместе с тем еще рано говорить о «деглобализации» [6, с. 27]; скорее, это переход от одной модели глобализации к другой, в которой может установиться более сбалансированное соотношение национального и глобального аспектов. Для России такая модель может принести очевидную выгоду. Однако надо видеть и возможности укрепления социально-экономического господства глобального капитала, продолжающего глобалистскую линию. Выросший вначале на производственно-торговой основе, он затем прочно закрепился в финансовой сфере, добившись финансиализации экономики. Далее он вошел в постиндустриальную сферу — сферу новых технологий и творческой деятельности (казалось бы, относящейся к новой экономической системе), подчинив ее своим узким интересам. Теперь он начинает входить в сферу цифровой экономики, от которой один шаг до цифрового диктата: контролировать людей, формировать их ценности и поведение, надзирать над ними — отсюда удачный термин «надзорный капитализм» (*Surveillance Capitalis*), введенный в научный оборот американской исследовательницей Ш. Зубофф [3]. Человек, взятый в таком облике, прочно войдет в пространство «экосистем» как замкнутых систем, готовых постоянно сопровождать его и предоставлять ему весь набор услуг при множестве завлекательных скидок: «В развитии крупных бизнес-экосистем, собирающих большие объемы личных данных своих клиентов, есть свои особенности и риски, главный из которых — монополия на личные данные. Но появляются риски монополизма нового типа — монополизма данных. Если ты клиент какого-либо банка или какой-нибудь сети электронной коммерции, которая о тебе все знает и делает тебе качественные предложе-

ния, то прийти в другой банк тебе сложно, потому что другой банк информацией о тебе не владеет... Чем больше у тебя данных, тем лучше ты можешь проводить анализ и делать более качественные предложения» [5]. Сюда добавятся и упомянутые выше экологические ограничения. В результате может сложиться новая форма глобального капитала, закрепляющая его господство. Конечно, сложившаяся модель капитализма и глобализации во многом исчерпала себя, но глобальный капитал ищет и открывает новые возможности, и это нельзя недооценивать. И это тоже натиск (вызов), но социально-экономического характера. Такой силе может противостоять только эффективная национальная экономическая система, которая и должна формироваться в России. И в целом в этом отношении национальное государство выступает как ограничитель и корректор глобализации, а значит, и как сдерживатель поползновений глобального капитала, пытающегося по-своему и в своих корыстных интересах оседлать современные вызовы.

Итак, Россия подвергается мощному воздействию разного рода вызовов. Эти вызовы имеют разную природу и наполнены различными противоречиями. Россия должна искать адекватные ответы. И дело здесь состоит не только в корректировке экономической политики или в реформировании отдельных сфер экономической жизни. В изменениях, причем масштабных и глубоких, нуждается сама экономическая система России.

Литература

1. Бузгалин А., Хубиев К., Теняков И., Заздравных А. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. — 2021. — № 12.
2. Вот вам фонд, вот и порог [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5016648> (дата обращения: 12.01.2022).
3. Зубофф Ш. Эра надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
4. Кульков В. Российская экономическая модель: этапы и новые вызовы // Философия хозяйства. — 2018. — № 5.
5. Орешкин предупредил о рисках нового типа монополизма для экономики [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/61a5f4cb9a7947ed55b1a5fa> (дата обращения: 01.02.2022).
6. Сапир Ж. Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики? // Проблемы прогнозирования. — 2010. — № 6.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КАТЕГОРИИ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. Целью работы является исследование эволюции категории собственности. Результаты исследования показывают исключительно сложный характер данной категории, ее противоречивое восприятие не только с теоретической, но и практико-ориентированной точки зрения. В работе показаны важнейшие историко-экономические, финансовые, учетно-правовые аспекты функционирования и развития собственности, рассмотрены особенности собственности с позиции национального самосознания. Показано соотношение содержательных основ собственности и форм ее проявления, что служит важнейшим шагом в раскрытии современных теорий собственности, ориентированных на цифровизацию, создание экономики совместного потребления, концепцию устойчивого развития. Приведена доказательная база, связанная с сохранением частнокапиталистического ядра в понимании собственности и товарно-денежных отношений, все в большей степени облекаемых в новые формальные конструкции. Последнее объективно приводит к выводу о дальнейшем усилении сверхмонопольных концентраций капитала и собственности, обеспечивающих контроль за абсолютной совокупностью составляющих не только экономического, но и социального, и прежде всего человеческого бытия в широком смысле этого слова.

Ключевые слова: собственность, капитализм, экономические и социальные отношения, устойчивое развитие.

Abstract. The purpose of the work is to study the evolution of the property category. Research results show the extremely complex nature of this category, its contradictory perception not only from a theoretical, but also from a practice-oriented point of view. The paper shows the most important historical, economic, financial, accounting and legal aspects of the functioning and development of property, examines the features of property from the perspective of national identity. The relationship between the content foundations of property and the forms of its manifestation is shown, which is the most important step in revealing modern theories of property focused on digitalization, the creation of a sharing economy, and the concept of sustainable development. The evidence base associated with the preservation of the private capitalist core in the understanding of property and commodity-money relations is given to an increasing extent, clothed in new formal constructions. The latter objectively lead to the conclusion that there will be a further strengthening of over-monopoly concentrations of capital and property, which ensure

control over the absolute totality that make up not only economic, but also social, and above all, human existence in the broad sense of the word.

Keywords: property, capitalism, economic and social relations, sustainable development.

Категория собственности занимает центральное место в социально-экономической жизни любого общества. Вопросы собственности рассматривают экономическая теория, микроэкономика, социология, менеджмент, бухгалтерский учет, экономический анализ, юриспруденция. Зарождение категории собственности следует отнести к истокам человеческой цивилизации. Собственность является одной из немногих категорий, взгляд на которую в различных экономических концепциях «доходит до прямой противоположности» [3, с. 13].

Существует несколько форм собственности, выработанных человечеством. Как отмечает Н. Сомин, «прежде всего частная, под которой понимается все, связанное с человеком в отношении владения. В римском праве понятия владения и права собственности различались. Владение представляло собой именно фактическое обладание, но соединенное с намерением относиться к вещи как своей. Собственность же — более узкое понятие. Собственник одновременно является и владельцем, но владелец — не обязательно собственник, он может быть и незаконным владельцем» [10].

Далее у него же: «...право собственности согласно римскому праву — это возможность делать с вещью все, что прямо не запрещено, такой взгляд (господство полное, исключительное и прочно обеспеченное правом) является непреложным для современного западного общества» [10].

Встречаются такие мнения, что русская культура по своей природе — это все-таки культура обязанностей, поэтому в России категория собственности рассматривается именно с этих позиций, в отличие от западной культуры, центром которой является почитание все возможных «прав человека» [1].

Учетные модели часто называют языком бизнеса, в зависимости от того, какие задачи ставятся перед ними, национальные учетные модели отличаются набором бухгалтерских принципов, законодательным регулированием, использованием профессионального суждения. Более 500 лет учет (бухгалтерский) играет важнейшую роль в управлении предприятием, так как формирует информационную базу для принятия управленческих решений.

Формирование учета как юридического направления (юридическая мантия), которое, с нашей точки зрения, связано с правом собственности, зародилось в XVIII в. во Франции. Юридическое направление в своих истоках имеет теорию Дегранжа, ее суть в том, что главнейшее действующее лицо в хозяйстве — собственник, поэтому все бухгалтерские опе-

рации совершаются от его имени, поскольку именно он является ядром всей финансово-хозяйственной жизни.

Юридическая мантия учета обращает внимание на то, что в основе финансово-хозяйственной деятельности предприятия стоит человек, именно он рассматривается как хозяйствующий субъект, воля хозяйствующего субъекта является главным источником жизни и деятельности хозяйства. «Для того чтобы сообщить деятельности хозяйства то или иное направление, воля хозяйствующего субъекта должна быть свободна в выборе этого направления» [2, с. 157].

Не случайно, что юридическое направление учета сформировалось в эпоху реакции против меркантилизма, когда на сцену начинают вступать крупнокапиталистические хозяйства, не нуждающиеся в чрезмерной государственной опеке, во Франции юридическое направление учета согласовывалось с учением физиократов, т.е. приоритет естественного права над законным (принудительным). В области хозяйственной деятельности это означало установление принципа естественной свободы хозяйствующего субъекта и отмену любого вмешательства государства в деятельность частных хозяйств.

Дальнейшее развитие юридического направления происходит в Италии, в его основе два утверждения: 1) учет — это регистрация прав и обязанностей собственника; 2) в центре учетной системы стоит счет капитал [9, с. 85]. Венец данного направления — учение Ф. Марки середины XIX в., суть теории заключается в том, что в группу хозяйствующих субъектов вводится новое лицо — администратор и рассматриваются отношения равноправных сторон собственника — агентов и корреспондентов, между которыми появляется посредник-администратор. Теория Марки фактически стала протестом против безграничной власти собственника. В этот период в Европе набирало силы социалистическое учение Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Ф. Лассалья [2, с. 107].

Юридическое направление развивалось так, как это подсказывалось всей совокупностью внешних условий, меркантилизм вызвал к жизни теорию Дегранжа, ранний западноевропейский социализм — теорию Марки.

Экономическое направление (XIX в., Италия): цель учета — осуществление расчетов по определению цен товаров или услуг, поскольку колебание цен выступает главным регулятором производства, т.е. определение рыночной цены как следствие хозяйственной деятельности становится объектом учета. Приоритет смещается с личности к регистрации изменений имущества, а цель учета — определение результата хозяйственной деятельности (прибыль / убыток). У истоков экономического направления в Италии стояли Дж. Форни, Л. Дж. Криппа, теория развивалась строго в рамках рационализма.

Мы разделяем мнение В. И. Ткача и Г. Е. Крохичевой, что «учетное отражение тех или иных фактов хозяйственной жизни подразумевает наличие различных взглядов и подходов, в основе которых лежит преобладающий тип поставщика финансового капитала, а стало быть — и главного пользователя отчетности. С этих позиций можно выделить три основные национальные модели отражения финансового результата:

- американская модель — акцент на акционеров;
- французская модель — акцент на органы государственной власти;
- немецкая модель — акцент на финансовые институты» [12, с. 26].

Дальнейшая история показывает, что приоритет того или иного направления (юридического или экономического) строго зависит от поставщика финансового капитала. Противоречивость финансово-экономических отношений участников хозяйственной деятельности требует от бухгалтерского учета согласования их интересов. Наиболее ярко это можно наблюдать в процедуре учетного отражения собственности, или, говоря бухгалтерским языком, собственного капитала.

Начиная с середины 1990-х гг. российская национальная учетная модель постоянно реформируется, этому процессу есть объективные причины: смена направления экономического строя, появление института частной собственности (коммерческих организаций), глобализация экономики и т.д.

Затрагивая этико-религиозную сторону категории «собственность», отметим, что восточное и западное христианство рассматривает ее по-разному. В творениях Отцов восточной церкви немало нелицеприятных слов сказано о богатстве, общее отношение можно выразить через учение св. Иоанна Златоуста. В связи с этим тот личный идеал, к которому должен стремиться христианин, — полное нестяжание; общественный или социальный идеал — первоапостольская Иерусалимская община с ее обобщением имущества. А вот частная собственность — это путь к соблазну, преодолеть который дано только людям, имеющим особую благодать, не каждый с этим соблазном может справиться без ущерба для себя.

Западная церковь поддерживает учение о незыблемости и благотворности права на частную собственность: она от Бога, она гарантирует свободу личности, она позволяет добиться материального процветания общества и на этой основе обеспечить человеку путь и к духовному росту. Христианство призвано лишь смягчать негативные ее стороны, проповедуя благотворительность и уважение к личности человека.

Обе представленные точки зрения противоположны друг другу и в своей основе согласованы быть не могут [10].

Из отечественной истории всем известно так называемое противостояние между «иосифлянами» и «нестяжателями», тема, которая занимает умы начиная с XVI в. Хотя здесь можно разделить мнение группы исследователей, что из вопросов монастырского устройства, по которым у Иосифа

Волоцкого и Нила Сорского были свои предпочтения (общежительный или скитский устав), сделаны далеко идущие выводы о консервативных взглядах одного преподобного и либеральных другого [8, с. 10–11].

М. Вебер с протестантизмом связывает рассвет капиталистической формы отношений, более того, он подчеркивает, что именно западное, прежде всего протестантское мировоззрение, основанное на рациональном стремлении к капиталистической прибыли, подчинило себе все общество, сделало его капиталистическим [11].

Но капиталистический строй на мировоззрении протестантизма долго держаться не может, особенно в постхристианском обществе, поэтому, чтобы придать новую жизнь этой форме отношений, время от времени идеологи капитализма, политики, экономисты, социологи «подбрасывают» идеи о том, что современное развитие капитализма — это совсем не то, что было ранее, это новый, более «человечный строй». Об этом много раз говорилось, прежде всего достаточно проследить «лики» капитализма:

- теория народного капитализма (60-е гг. XX в.), с идеями трансформации капитализма через преобразование капиталистической собственности; управленческой революции; революции в распределении доходов;
- теория коллективного капитализма (70-е гг. XX в.), главный посыл: корпорации — ядро капитализма, компании коллективные, а значит, акционерная собственность выравнивает в правах всех акционеров.

Понятно, что за прошедшие 50 лет поддерживать иллюзию о том, что именно капиталистический тип отношений служит всему обществу, все труднее и труднее. Так появляется провозглашенная ООН концепция устойчивого развития. Сначала она осторожно заявляла о себе, потом все громче, и, как ни странно, капиталистический мир заговорил о социальной ответственности бизнеса перед обществом.

Теперь следует остановиться на так называемой форме товарно-денежных отношений, которая оказалась удачно встроенной в систему цифровизации. Речь идет о так называемой шеринговой экономике (экономике совместного потребления). Эта идея достаточно успешно стала раскручиваться во многих странах после финансового кризиса 2008–2009 гг., в ее основе — неограниченный обмен вещами и услугами в масштабах всего мира. В 2019 г. на Всемирном экономическом форуме прозвучали новые тренды экономики совместного потребления. Исходный посыл: следует формировать новую систему ценностей, которая завязана не на желании владеть материальными благами, а на ответственном совместном использовании имущества, т.е. главное — не собственность, а доступ к ней. Некоторые высказывания о будущем шеринговой экономики выглядели достаточно утопично, например эссе «Мир будущего» бывшего министра

экологии Дании Иды Аукен для Давосского форума 2017 г.: 2030 г. — город будущего.

Казалось бы, что идеи шеринговой экономики близки восточнохристианскому мировоззрению.

Но что мы имеем: в этой системе экономических отношений большие надежды возлагаются на поколение Z, для которого формируется новая система ценностей: потреблять — значит иметь доступ к чему-то, но не обязательно владеть, т.е. следует арендовать, а не покупать; использовать повторно товары (продавая нужное и покупая на вторичном рынке ненужное) [6, с. 215].

То есть зачем иметь собственную недвижимость, быть связанным с ней юридическими и денежными обязательствами, затрачивать время и силы на ее поддержание в достойном состоянии, проще снимать недвижимость, причем в зависимости от предпочтений индивида ее можно менять (разные города, страны и т.п., главное — чтобы индивиду было комфортно). То же относится к автомобилю: зачем иметь собственный, если всегда можно взять напрокат или воспользоваться услугами такси, экономия вроде бы очевидна, ведь единовременные расходы на приобретение и содержание всегда можно психологически уменьшить, распределив их на длительный период совместного использования. То есть формируется такой взгляд, согласно которому свобода выбора — это доступность сравнительно недорогого использования, и в связи с этим постоянно подчеркивается, что нужно стремиться быть свободным пользователем, а не рабом вещей [13, с. 68].

В 2019 г., будучи главой ФНС России, М. Мишустин говорил, что сегодня данные — это самый важный актив цифрового мира. Поэтому доступ к данным открывает новые горизонты в той же экономике совместного потребления. На слуху термины «предиктивная аналитика», «дата аналитик», «дата сайентист», ведь собирая и обрабатывая эти большие данные, экономика совместного потребления пытается угадать, что вы думаете, каковы будут ваши предпочтения, и по возможности эти предпочтения в вас развить в нужном направлении. Сейчас стали часто использовать по отношению к технологиям термин «разрушительная», «разрушающая», и это важно.

Ежегодно компания «Гартнер» публикует исследовательские отчеты, в том числе так называемую кривую «цикл хайпа», на которой представлен жизненный цикл той или иной технологии. Не каждая технология проходит их полностью, есть технологии, которые угасают, а есть технологии, которые за счет создания цифровой платформы убивают целые отрасли экономики [7].

Горизонты шеринговой экономики казались необъятными, и вот уже новая модель уверенно зашагала по странам. Для восточных стран

вполне логично представить, как данная модель вписывается в систему экономических отношений, а для вот для западного менталитета это сложно.

В Китае идее экономики совместного потребления прочили большое будущее, вся экономическая база современного общества должна постепенно перерасти в экономику шерингизма.

Возьмем нашу страну: освоены с той или иной степенью интенсивности (преимущественно в крупных городах) ниши каршеринга, краткосрочной аренды жилой недвижимости, офис-шеринг; краундфандинг, C2C продажа вещей, аренда вещей, биржи фрилансеров.

В этом свете уже совсем по-другому воспринимается идеология защитников частной собственности в отечественной философии. «Русские философы, как правило, подходили к вопросам социально-экономическим, опираясь на особенности русского народа, коренящиеся в глубинах его исторической памяти: самосознание, чувства, характер, традиции, то есть все то, что входит в понятие “менталитет”» [4].

Можно привести в обобщенной форме взгляд И. А. Ильина, который считается защитником частной собственности, раскрывая смысл «собственнической» духовности: он сводит ее к тесной увязке с высокой духовностью труда, посредством которого человек имеет неразрывную связь со своей семьей, землей, страной, эта связь поддерживается не только «материальными» интересами, но и волею к совершенству, и творчеством, и любовью.

И вот сначала COVID-19 привел к ограничительным мерам, многие проекты, основанные на совместном потреблении, приостановлены, но главное даже не это — система мировоззренческих ценностей повернулась на 180°.

В 2020 г. К. Шваб в книге «COVID-19: Великая перезагрузка» прямо говорит о частной собственности как о пережитке.

Тот новый вид капиталистических отношений, который планируется создать к 2030 г., получил название «инклюзивный капитализм», «капитализм заинтересованных сторон». А в этом нам уже слышатся отголоски концепции устойчивого развития, которая через благородные цели — забота об экологии, о социальной функции бизнеса, ориентация на финансовую устойчивость, а не на прибыльность бизнеса — подспудно подготавливала общество к принятию новых мировоззренческих идей, что бизнес должен позаботиться обо всем, он идет на ограничения и лишения.

И люди должны так же соответствовать своему статусу в этой новой экономической реальности, как минимум отказаться добровольно от «предрассудка частной собственности».

Как пишет В. Ю. Катарсонов, «в свое время Маркс, Энгельс, Ленин призывали упразднить частную собственность на средства производства, ибо владение фабриками, заводами, месторождениями природных ресур-

сов и другими материальными элементами производительных сил (производительным капиталом) дает их владельцам возможность эксплуатировать других людей... К уничтожению личной собственности они никогда не призывали» [5].

Таким образом, инклюзивный капитализм нацелен именно на уничтожение личной собственности и собственности мелких компаний под эгидой восхваления перспектив «виртуальных производственных компаний». Но вопросы собственности мегакрупного капитала не рассматриваются здесь, конечно, должен же быть «хозяин» заводов, фабрик, объектов инфраструктуры, земли, иных материальных и нематериальных активов, хотя бы для того, чтобы обеспечить доступ всех прочих к благам.

Литература

1. *Боброва О. С.* Православный взгляд на отношения собственности в перспективе ответственности. 2012. — URL: <http://opora-sozidanie.ru/?p=1374> (дата обращения: 19.03.2022).
2. *Галаган А. М.* Счетоводство в его историческом развитии. 1927. — URL: <https://znanium.com/read?id=72951> (дата обращения: 19.03.2022).
3. *Экземплярский В. И.* Учение древней Церкви о собственности и милостыне. — Краснодар: Текст, 2013. — 272 с.
4. *Кабанова Л. В.* Философия. 2014. — URL: https://studopedia.su/20_77960_yaroslav.html (дата обращения: 10.03.2022).
5. *Катасонов В. Ю.* Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. — М.: Книжный мир, 2021. — 320 с.
6. *Киреева Н. С., Завьялов Д. В., Завьялова Н. Б., Сагинова О. В.* Трансформация шеринговой экономики в условиях пандемии COVID-19 // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Т. 11, № 2. — С. 213–226.
7. *Мишустин М. В.* Об инновационных технологиях ФНС. 2019. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4165008> (дата обращения: 10.03.2022).
8. *Преподобный Иосиф Волоцкий и Нил Сорский* / сост. Герман (Чекунов). — М.: Русский издательский центр, Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь, 2011. — 288 с.
9. *Соколов В. Я.* История бухгалтерского учета. — М.: Магистр, 2009. — 287 с.
10. *Сомин Н. В.* Блеф «Протестантской этики». 2006. — URL: https://ruskline.ru/analitika/2010/12/17/blef_protestantskoj_etiki (дата обращения: 10.03.2022).
11. *Сомин Н. В.* Право собственности в церковной оценке, 1997. — URL: <http://www.chrli-soc.narod.ru/dissert1.htm#1> (дата обращения: 19.03.2022).
12. *Ткач В. И., Крохичева Г. Е.* Интернациональный учет: монография. — Ростов-на-Дону: РГСУ, 2008. — 244 с.
13. *Третьяк В. П., Лякина М. А.* Цифровая платформа — продукт квазиинтегрированных систем // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2020. — № 1. — С. 61–71.

Л. П. Зенькова

АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРОГНОЗЫ НА 2022–2023 ГГ. В БЕЛОРУССИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с переводом антикризисной политики и процедуры диагностики экономических циклов, в том числе кризисной фазы, на цифровую основу. Она позволяет выявить круг задач, разрешение которых необходимо уже на начальной стадии разработки и взаимоувязки пакетов компьютерных программ.

Ключевые слова: экономический цикл, кризис, занятость, прогнозирование, цифровизация, антикризисная политика.

Abstract. The article is devoted to the problems associated with the transfer of anti-crisis policies and procedures for the diagnosis of economic cycles, including the crisis phase, to the digital basis. The article allows you to identify the range of tasks, the permission of which is already at the initial stage of development and interchange of computer programs.

Keywords: economic cycle, crisis, employment, forecasting, digitalization, anti-crisis policy.

Белоруссия является членом Союзного государства с Россией, нас объединяют не только многовековая история, но и тесные экономические связи, начиная от внешнеторгового оборота и заканчивая проблемами устойчивости развития. Не случайно западные санкции, примененные против России в 2014 г., рикошетом сказались на Белоруссии в 2015–2016 гг.

К середине 2010-х гг. в экономике Белоруссии обозначилась негативная тенденция замедления темпов экономического роста. В преддверии 2022–2023 гг. всех субъектов национальной экономики волнует вопрос: будет ли кризис или вялый подъем сохранится? Уже в 2015 г. ВВП сократился впервые за всю историю существования Белоруссии после развала СССР на 3,8%, в 2016 г. — на 2,5% по сравнению с 2015 г., в 2020 г. — на 0,9% [1]. Правительство же интересуется возможностью упреждения кризисной фазы цикла, прогнозирования ее течения, а также перевода антикризисной политики в автоматический режим цифровизации (полностью или частично).

Безусловно, цифровизация процессов прогнозирования кризисов, упрещения циклических колебаний, своевременного применения антициклического пакета мер является для фискальной политики государства совершенно другим уровнем качества регулирующего воздействия на экономику. Устраняется главный недостаток налогово-бюджетной политики — неповоротливость, запоздание периода ее разработки и реализации по сравнению с нуждами экономики.

Легкость перевода процедур прогнозирования циклов, ранней диагностики кризисов и своевременного применения пакета стабилизирующих мер является лишь кажущейся. Еще до того, как будет поставлена задача создания и реализации алгоритма постановки задачи антикризисной политики, возникнет ряд «неудобных» методологических моментов:

1. Что такое кризис, где (или когда) он начинается и заканчивается? Абсолютное ли это падение производства, относительное ли тренда, замедление ли темпов прироста?
2. Каков специфический перечень опережающих (лидирующих) индикаторов ранней диагностики кризиса в нашей экономике, по каким критериям формировать этот перечень, какие статистические методы обработки первичных данных следует для этого применить?
3. По каким показателям определять начало и окончание различных фаз цикла (датировку фаз)?
4. Рассматривать ли макродинамику как проявление одного-единственного типа цикличности или как совокупность и взаимное наложение циклов разной периодичности и амплитуды?

Отсюда перед разработчиками оцифровки антикризисной политики будет стоять ряд задач по созданию ряда компьютерных подпрограмм цифровой платформы антикризисной политики, в том числе:

- 1) подпрограмм разложения макродинамики на составные циклические волны;
- 2) подпрограммы выявления основных факторов, деформирующих протекание циклов;
- 3) подпрограммы выявления среди этих факторов опережающих индикаторов, причем ранней диагностики кризисов;
- 4) подпрограммы прогнозирования показателей цикла;
- 5) подпрограммы подключения (реализации) антициклических мер соответствующего типа в расчетный оптимальный период активизации;
- 6) подпрограммы оценки результативности антициклического пакета мер.

Датировку наступления очередных фаз экономического цикла принято производить двумя методологическими подходами: а) европейским (в основе — только анализ динамики ВВП); б) американским (в основе —

анализ динамики четырех показателей: ВВП, занятости, доходов, цен). Оценим значения этих показателей в наших авторских прогнозах в контексте указанных подходов.

Вначале — по европейской методике, поскольку американский вариант определения фаз экономического цикла не совсем подходит, точнее, подходил до сего времени для наших так называемых трансформационных (как вариант — «транзитивных») экономик. Причины кроются как в нашей статистике, так и в особенностях развития систем.

Во-первых, уровень официальной безработицы (а он определяется лишь по количеству зарегистрированных в бюро по трудоустройству безработных) ничтожно мал, явно не соответствует действительности и поэтому никак не может служить индикатором цикла, его кризисной фазы в частности. Этот показатель в 2019 и 2020 гг. в Белоруссии побил все мыслимые рекорды — 0,2%!!! [1], в то время как в развитых странах даже уровень естественной безработицы держится в пределах 3–4%. Во-вторых, уровень доходов, официально статистически фиксируемых в наших экономиках Союзного государства, в условиях значительной теневой экономики также не отражает реальное положение дел и тем более циклические колебания.

В-третьих, индекс цен не может характеризовать свободные циклические колебания, так как цены в значительной степени в нашей белорусской экономике регулируются государством. В перечень товаров с регулируемой ценой попадают в основном социально значимые товары, занимающие в структуре бедного, пожилого и многодетного контингентов населения львиную долю. Хотя, следует отметить, что постановлением Совета министров от 25.11.2013 № 934 этот перечень был значительно сокращен.

Таким образом, из всех показателей американского и европейского вариантов определения фаз цикла остается приемлемой только динамика объема реального ВВП. Однако и здесь возникают расхождения в оценке. Какое отклонение в динамике ВВП учитывать? Считать ли началом кризиса абсолютное падение объема ВВП по сравнению с трендовым долгосрочным уровнем, или просто сокращение по сравнению с предыдущим периодом, или относительное (%) замедление самих темпов прироста ВВП?

Последнее обычно принято расценивать как рецессию. Однако если учитывать наличие на сегодняшний день более 200 теорий экономических циклов и более 30 его видов как по продолжительности, так и по сфере проявления (плюралистический методологический подход к датировке циклов) [2, с. 18], то любое наложение и взаимопогашение циклических волн различной продолжительности и природы может быть в случае соблюдения первого критерия (абсолютного падения) ошибочно расценено как временное торможение темпов прироста. Поэтому более правильным, на наш взгляд, будет применение критерия замедления темпов прироста ВВП. Авторский выбор этого критерия обусловлен также многолетней

практикой применения правительственных антикризисных пакетов и наличием, следовательно, сглаженной результирующей макродинамики.

Итак, согласно европейскому варианту определения фаз экономического цикла (циклов) нами проведен прогноз динамики ВВП Белоруссии как основного партнера России и члена Союзного государства (рис. 1).

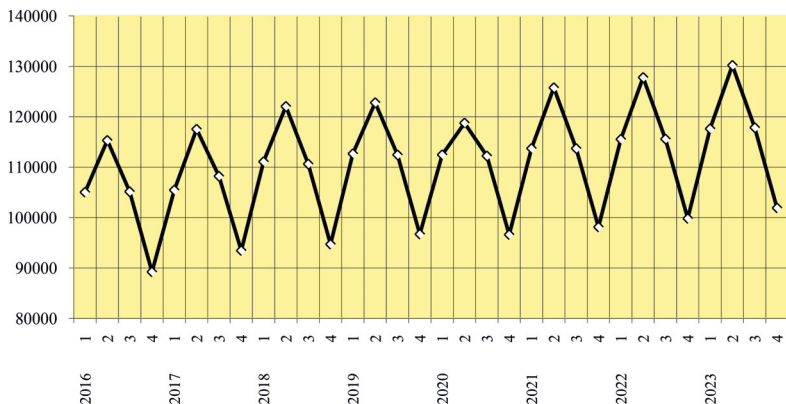

Рис. 1. Результаты прогноза динамики ВВП Белоруссии на 2022–2023 гг. на основе сложившихся циклических колебаний с 2001 по 2021 г.

Источник: собственная разработка автора.

По результатам прогноза в 2022 г. прирост ВВП составит едва +1,6%, в 2023 г. — +1,02%. При этом в прогнозную динамику учтены и заложены влияния как кризиса 2015–2016 гг., так и пандемии COVID-19.

Следует отметить, что фаза оживления очередного экономического цикла считается завершенной лишь тогда, когда экономика восстанавливает предкризисный уровень (для Белоруссии — это 2014 г.). Однако к 2017 г. Белоруссия не компенсировала потери от вхождения в так называемое циклическое «корыто», лишь к середине 2019 г. экономика вышла из стадии оживления и должна была вступать уже в циклическую фазу подъема. Тем не менее прирост в 1,0–1,5% за год — это очень слабые темпы развития, а падение ВВП в 2020 г. фазу подъема перечеркнуло. Страна находится на перепутье. Более того, положение усугубляют как закредитованность экономики и значительная просроченная кредиторская задолженность, так и высокая доля убыточных предприятий, на чем мы остановимся более подробно позже.

Нами экспериментально уже проводился прогноз динамики ВВП на 2019–2020 гг. на аналогичной методологической базе (за основы взяты временные ряды за период 2010–2018 гг.), результаты опубликованы [3, с. 65] и свидетельствовали о незначительном приросте — +1,0%.

По факту оказалось в 2019 г. +1,4%, но 2020 г. ушел в минус из-за пандемии и составил $-0,9\%$. Тем не менее давать достаточно точные прогнозы на основе такой методики становится очевидным и реальным делом, так что перевод на цифровую основу этих исчислений с их закономерностями вполне реален. Эксперты МВФ, кстати, дали скорректированный прогноз прироста ВВП Белоруссии также $+0,3\%$, хотя ранее заявляли о $+2,2\%$ [4].

Если ориентироваться в вопросах прогнозирования и упреждения кризисных фаз на американский вариант датировки фаз цикла, то здесь изменения в последние годы произошли с динамикой численности занятых.

Так как экономика Белоруссии демонстрирует преобладание экстенсивного типа экономического роста, имеется прямая линейная корреляционная зависимость между объемом созданной продукции и занятостью, начиная с кризисов 2015–2016 гг., циклические волны одинаковой частоты отмечаются в результирующем профиле макродинамики как ВВП, так и численности занятых (рис. 2). Поэтому в настоящее время использование американского варианта датировки фаз цикла уже не так парадоксально выглядит.

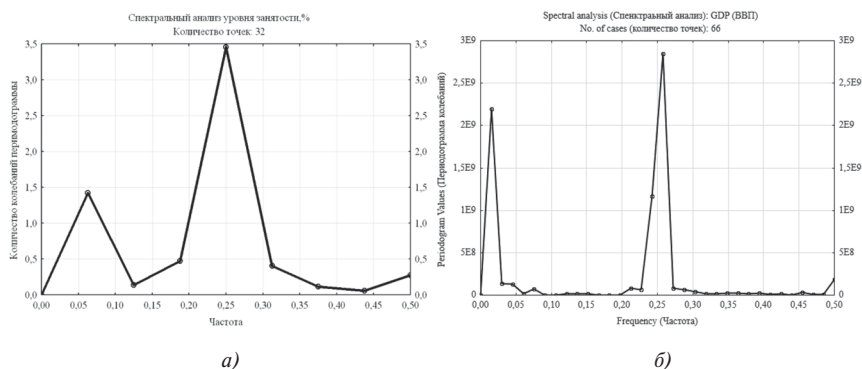

Рис. 2. Сравнительные результаты периодограмм спектрального анализа по ВВП (а) и по численности занятых (б) в Белоруссии за период 2010–2018 гг.

Источник: собственная разработка на основе применения ППП STATISTICA10 и данных Национального статистического комитета Республики Беларусь [1].

Важным показателем датировки фаз экономического цикла согласно американскому методологическому подходу является динамика занятости населения. Известно, что перед кризисом доля занятых от лиц трудоспособного возраста начинает сокращаться. В Белоруссии здесь отмечается своя специфика. Вызывает беспокойство неуклонное снижение численности населения трудоспособного возраста в принципе, значительных резервов расширения занятых, за исключением привлечения к труду лиц пенсионного возраста и учащихся, нет.

Ряд последних лет подряд наблюдается рост удельного веса лиц пенсионного возраста, старение нации. Снижается и абсолютное значение численности занятых. Если в начале 2018 г. численность занятых насчитывала 4342,2 тыс. человек, то к сентябрю 2021 г. — уже 4264,7 тыс. человек [1]. Прогноз динамического временного ряда занятых на 2022 г. показывает, что пока не произойдет существенного снижения числа занятого населения в 2022 г. (сокращение на 2 тыс. человек). Тем не менее в условиях дефицита молодых рабочих рук эта тенденция очень негативно может сказаться на белорусской экономике.

Умеренными темпами будет нарастать и инфляция: по нашим прогнозам, на +8–9% в 2022 и 2023 гг., но почти по верхней пороговой планке умеренной инфляции (в среде *ППП Eviews 10*). Обобщая результаты предварительного прогноза, можно утверждать, что белорусской экономике предстоит вступить в 2022–2023 гг. в фазу вялого подъема или рецессии с учетом влияния пандемии. Тем не менее данный прогноз предварителен, так как рецессионные ситуации в основном торговом партнере — России — в условиях высокой степени экспорто- и импортозависимости могут усугубить ситуацию на внутреннем рынке страны.

Цифровизации, таким образом, могут подвергнуться отдельные «технические» стадии датировки, диагностики хода кризиса, выделения перечня лидирующих индикаторов, многофакторного прогнозирования ВВП. Однако полного автоматизма в цифровизации антикризисной политики пока достигнуть не удастся: слишком часто следует обращаться к экспертному методу, а искусственный интеллект мы еще в эти программы включать не готовы.

Литература

1. Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.belstat.org.by> (дата обращения: 29.11.2021).
2. Зенькова Л. П., Новиков М. М. Кратко- и среднесрочные циклы: теория формирования, методология статистического моделирования и анализа на стадии образования и использования доходов, прогнозирование кризисов: монография. — Минск: ИВЦ Минфина, 2019. — 220 с.
3. Зенькова Л. П. Эффективность института регулирования экономики: макроэкономическая оценка // Институциональные механизмы инновационного конкурентоспособного развития экономики: монография / М. И. Ноздрин-Плотницкий [и др.]. — Минск: Мисанта, 2020. — 86 с.
4. МВФ резко ухудшил прогноз для экономики Беларуси на 2020 год. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.belnovosti.by/ekonomika/mvf-rezko-uhudshil-prognoz-dlya-ekonomiki-belarusi-na-2020-god> (дата обращения: 28.11.2021).

ЦИФРОВАЯ ВЕРСИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Аннотация. Цифровая версия экономических перемен рассматривается как результат масштабного использования цифровых технологий в режиме современных интеграционных процессов в международном пространстве с целью минимизации проблем и усиления экономического потенциала страны. Раскрывается степень влияния генерации цифровых идей и превращения их в трансформирующий фактор экономической жизни. Теперь цифровизация стала необходимостью во всех сферах экономики, что является дифференцированным потенциалом, необходимым для долгосрочного успеха. Анализируется использование цифровых технологий как «ядра» взаимодействия науки, бизнеса и правительства, способствующего росту новой стратегической системы управления экономикой. Определены пути последовательной реализации скоординированной стратегии России на основе использования цифровых технологий во всех сферах экономической и общественной деятельности. Самое главное: нужно развивать отечественные информационные технологии. Разработано внедрение «цифрового стиля» в экономическую жизнь, который включает конкретные меры по разработке технологий искусственного интеллекта с тем, чтобы стимулировать деловую активность, выявлять и устранять негативные или непреднамеренные последствия от его развития, что облегчит путь к цифровому будущему в ответ на пандемию COVID-19.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, цифровизация, цифровая экономика, цифровой бизнес, стратегия искусственного интеллекта.

Abstract. The digital version of economic changes is seen as a result of the large-scale use of digital technologies in the mode of modern integration processes in the international space in order to minimize problems and enhance the country's economic potential. The degree of influence of the generation of digital ideas and their transformation into a transforming factor of economic life is revealed. Now digitalization has become a necessity in all sectors of the economy, which is the differentiated potential necessary for long-term success. The use of digital technologies as a “core” of interaction between science, business and government, contributing to the growth of a new strategic system of economic management, is analyzed. The ways of consistent implementation of the coordinated strategy of Russia based on the use of digital technologies in all spheres of economic and social activity have been identified. The implementation of the “digital style” in economic life has been developed, which includes specific measures for the development of artificial intelligence technologies in order to stimulate business activity, identify and eliminate

negative or unintended consequences from its development, which will facilitate the path to a digital future in response to pandemic COVID-19.

Keywords: COVID-19 pandemic, digitalization, digital economy, digital business, artificial intelligence strategy.

Постановка вопроса

Цифровые технологии меняют всю экономическую жизнь: покупки клиентов (например, Amazon), занятость (Uber), инвестиции (Betterment и Wealthfront), создание стоимости. Именно в связи с этим использование цифровых технологий заставляет «компании пересмотреть текущую стратегию и научиться справляться с проблемами, вызванными увеличением цифровизации» [15, с. 1143]. Уделяется повышенное внимание изменениям менеджмента на микро-, мезо- и макроуровне. Однако доминирующая логика исследований в области управления по-прежнему основывается на предположениях, полученных из неоклассической экономики, где агрегированные данные анализируются на основе использования эконометрических подходов и соответственно предположения о рациональном поведении производителя и потребителя. Как утверждают эксперты, это также является неотъемлемой частью менеджмента в условиях цифровизации. Но подчеркивается, что цифровизация экономики может повлиять на «смещение фокуса улучшения выполнения традиционных задач на внедрение принципиально новых бизнес-возможностей и бизнес-моделей» [7, с. 537]. Следовательно, нужно учиться новому управлению цифровизированной экономикой, учитывая, что «цифровизация способствует историческому повороту в управлении, где практико-ориентированные исследования могут проводиться с меньшими усилиями и улучшенным качеством и данные микроуровня в виде цифровых архивов и онлайн-контента облегчают принятие критических перспектив» [12, с. 340].

В связи с этим цифровые технологии можно рассматривать как процесс стратегического маневрирования в экономическом развитии. В данный период крупные компании сталкиваются не только с проблемой привлечения ресурсов, таких как капитал и рабочая сила, но и с разработкой конкурентного предложения. Они также сталкиваются с институциональной структурой, которая иногда требует активной трансформации, чтобы лучше соответствовать бизнесу. Исход таких процессов весьма неопределен и подлежит тщательному исследованию. Недавние исследования показали, что цифровизация экономической жизни — это не только попытка заглянуть в будущее, в первую очередь это поиск способов создания будущего.

Цифровая трансформация экономики

Цифровые технологии экспоненциально увеличивают состояние информационного пространства, а значит, и масштаба трансформации *экономической деятельности*. В результате меняется структура экономической системы, а вместе с ней и ее динамические свойства, так как ключевым элементом процесса цифровой трансформации является переход от аналоговых или физических технологий к цифровым системам данных. В связи с этим развитие цифровизации следует рассматривать как новое явление в современной экономической жизни, так как она выражается в возникновении совершенно новых технологий, таких как большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект [4].

Практика показывает, что в цифровой экономике обостряется социальное расслоение, безмерно растут киберугрозы, которые нередко приводят человечество к крупному провалу (турбулентности) в мировой рыночной системе, особенно учитывая непредсказуемые последствия COVID-19. Тем не менее цифровые технологии стремительно распространяются в различных сферах экономики. Цифровые технологии все чаще внедряются в различные бизнес-функции, включая обслуживание клиентов. Крупные технологические компании уже конкурируют в области цифровых технологий, чтобы улучшить свои бизнес-процессы и, следовательно, результаты в цифровой среде. Таким образом, «цифровые технологии меняют традиционную форму бизнеса на цифровой бизнес» [1, с. 77]. Новые бизнес-модели проектируются на основе цифровых платформ. Цифровая платформа как технологический инструмент обеспечивает процессы посредничества. Фактически она способствует созданию добавленной стоимости на основе цифровой коллаборации, что и является основой повышения эффективности цифровой версии экономических перемен.

Цифровые технологии движимы глобализацией, они принесли с собой социальные сети, мобильность, интеграцию, электронный бизнес, цифровые продукты и услуги, новые организационные формы и многое другое. Они трансформируют хозяйственную деятельность. Важно подчеркнуть, что процесс маневрирования деловой активностью экономики под влиянием цифровых технологий больше связан с новыми видами деятельности и продуктами, чем с более высокой производительностью. Акцент делается на «быть лучшим в своей среде», потому что быть «достаточно хорошим» больше не «достаточно хорошо». Теперь все «достаточно хороши».

Потенциал цифровых технологий, скорее всего, приведет к росту цифровизации в тех странах, где компании будут массово использовать цифровые технологии в сфере своей деятельности, чтобы создавать продукт «с меньшими усилиями и улучшенным качеством» [11, с. 91]. В этом

аспекте цифровые технологии, особенно в части технологии искусственного интеллекта (ИИ), должны стать движущей силой перемен в экономической жизни. Целесообразно подчеркнуть, что «основа для успешного внедрения ИИ в контексте цифровой трансформации предлагает конкретные рекомендации в области интеллекта, интеграции, гибкости и лидерства бизнес-компаний» [6, с. 110].

В конце концов «ИИ будет способен выполнять многие аналитические и мыслительные задачи» [9, с. 43]. Так, 8 апреля 2019 г. Экспертная группа Европейской комиссии (HLEG) по искусственному интеллекту пришла к следующим выводам: 1) ИИ должен быть этичным; и 2) надежным как с технической, так и социально-экономической точки зрения. «Системы ИИ должны приносить пользу всем людям, включая будущие поколения» [10]. Такая оценка ИИ и формирует основу цифровой версии экономических перемен.

Цифровые перемены в экономике России

Россия стремится к решению ключевых проблем в области продвижения своего цифрового развития вкупе с мировыми стандартами. Считается, что прогресс России в цифровых технологиях должен идти в ногу с Китаем и США, так как цифровая индустрия в этих странах стала важной точкой экономического развития. Россия стремится к значительным достижениям в разработке национальных цифровых продуктов. Этот ключ поможет преодолеть низкие годовые темпы роста ВВП России с учетом того, что наша страна обладает существенными технологическими заделами и человеческими компетенциями для выхода из сложившегося положения. Нужно лишь приложить максимум усилий со стороны бизнеса и правительства в осуществлении крупных прорывов в области цифровых технологий. Необходимо сделать так, чтобы ИИ стал основным драйвером промышленного прогресса и цифровых преобразований.

Вся мощь цифровой экономики определяется развитием цифрового сектора, где непосредственно создаются цифровые продукты и новые технологии, которые сейчас в России являются как бы новой «нефтью», ценность которой постоянно возрастает. Отсюда наступило время, когда всю силу экономического развития нужно приложить к новому виду производства — *цифровому*. С этой целью следует привлекать деловых западных партнеров, занимающихся не финансами, а инжинирингом, стратегиями развития цифрового продукта на основе цифровой модели российской экономики. Поэтому не случайно большинство исследований в области цифровой экономики посвящено анализу цифровых платформ, новых форм государственного управления и реорганизации форм совместной деятельности хозяйствующих субъектов в системе воспроиз-

водственных фаз: производство — распределение — обмен — потребление. Если происходит разрыв между фазами, то неизбежно возникает турбулентность в экономическом развитии. Цифровые технологии могут ее устранить, так как они способствуют быстрому принятию точных решений в изменяющейся как внутренней, так и внешней бизнес-среде. Это происходит потому, что цифровые объекты могут быть скопированы много раз, и это может быть реализовано по всей стране, группам стран и всей планете. Интегрированные цифровые технологии, встроенные в процесс воспроизводства, позволяют компаниям достигать больших выгод при меньших затратах, выявлять и анализировать ценную информацию, планировать стратегии, прогнозировать результаты и сотрудничать в рамках мирового опыта. «Исследователи смоделировали потенциальное влияние искусственного интеллекта на 12 развитых экономик. Наибольшую выгоду от внедрения ИИ в экономику получают США — Accenture прогнозирует, что к 2035 году темп роста американской экономики с использованием искусственного интеллекта составит 4,6% (2,6% по базовому сценарию)» [3].

Российское правительство должно поощрять инвестиции частного сектора и создавать национальный фонд развития цифровых технологий. Заглядывая в будущее, Россия намерена проводить исследования и разработки с целью наращивания присущих ей национальных преимуществ вследствие использования как внутренних, так и международных цифровых ресурсов.

Цифровая перспектива в экономике России

Цифровая экономика России работает на принципах частно-государственного и межсекторальных партнерств. В России планируется преобразовать всю жизнь населения, а не какие-либо отдельные бизнес-функции и бизнес-направления. Поэтому правительству и регулирующим органам необходимо оказывать поддержку в росте цифровых технологий с целью преодоления возможной турбулентности в экономическом развитии под влиянием внешних факторов, в частности зарубежных санкций.

В настоящее время российскому бизнесу следует активно переходить к разработке и внедрению автоматизированных технических систем. Эффективное их применение требует от организаций решения ключевых проблем с данными, включая проектирование и управление нормативными ограничениями, учитывая, что цифровые технологии становятся все более интеллектуальным ресурсом. Основные проблемы на пути их использования в бизнесе лежат в кадровой сфере, которая испытывает недостаток специалистов с необходимой квалификацией. В рамках национальной

стратегии в области цифровой трансформации акцент должен фокусироваться на создании новых возможностей для трудоустройства и защиты благосостояния людей.

Принятие всеобъемлющего федерального законодательства о конфиденциальности и политике, требующей подотчетности за этическое проектирование и реализацию цифровой трансформации, имеет решающее значение для обеспечения совместного использования данных, которое «может быть преимуществом, а не бременем» [13]. «Совместное использование — это явление, столь же старое, как и человечество, в то время как совместное потребление и “экономика совместного использования” являются явлениями, рожденными эпохой интернета» [4].

Успешная национальная стратегия в области цифровых технологий требует анализа существующего нормативного и политического ландшафта для выявления и устранения любых барьеров на пути их разработки и внедрения. «Но стратеги — будь то генеральные директора устоявшихся фирм, президенты подразделений или предприниматели — должны иметь стратегию, интегрированную, всеобъемлющую концепцию того, как бизнес будет достигать своих целей» [8, с. 50], включая торговые соглашения и дипломатию для их достижения.

Вопросы адаптации взаимодействия науки, бизнеса и власти к развитию регионов России являются актуальными в условиях неизбежного перехода к цифровой трансформации экономики. Рассмотрение традиционного типа организации и проведения исследований в рамках инновационных территориальных кластеров показало наличие значительного количества его преимуществ. Согласованность деятельности науки, бизнеса и власти позволяет осуществлять наращивание бизнес-потенциала и проводить разработки в поисках новых технологий. Так, например, Китай заявил о своем желании стать лидером в области искусственного интеллекта к 2030 г. [5]. Президент России, заявляя о стратегическом значении искусственного интеллекта на ближайшее будущее, правильно подчеркнул, что «искусственный интеллект — это, безусловно, основа для очередного скачка вперед всего человечества в его развитии. Это так называемые сквозные технологии, которые... пронизывают и будут пронизывать все сферы нашей жизни: производство, социальную сферу, науку и даже культуру — все это будет сочетаться друг с другом» [17]. Но не так просто этого достичь. Нужны не только технологические прорывы. Известный российский ученый из МГУ имени М. В. Ломоносова Юрий Михайлович Осипов гениально заверяет: «Россия, прорываясь сегодня через антироссийскую блокадную завесу западно-глобалического образца, уходит от России... нероссийской — причем не только от бывшей советской, но и от нынешней постсоветской — пореформенной, направляясь и продвигаясь шаг за шагом к России постреформенной, однако не к ка-

кой-либо прежней из России, как и очень уж осовремененной России, а к совершенно новой — Новой России!» [2, с. 7]. Все-таки взойдет «заря пленительного счастья!».

Заключение

В целях повышения эффективности цифровых перемен в России разработаны следующие рекомендации:

1. Рассматривать влияние цифровых технологий на развитие российской экономики нужно с позиции создания собственной технологии, что позволит со временем расширить цифровое пространство, достигать более высоких производственных результатов и поддерживать конкурентные преимущества страны в целом.
2. Бизнес-стратегии по внедрению цифровых технологий должны быть нацелены на рост качества жизни населения в результате направления своей прибыли не на светские развлечения, а на социальные проекты.
3. В условиях пандемии COVID-19 цифровая трансформация должна взять на себя «сценарную миссию» по выводу российской экономики из нынешней системы глобальной турбулентности не за счет расширения территории страны и экспорта природных ресурсов, а за счет развития науки и новых технологий, и не только цифровых.

Благодарности

Работа поддержана Национальным исследовательским ядерным университетом «МИФИ».

Литература

1. Носова С. С., Путилов А. В., Норкина А. Н. Основы цифровой экономики. — М.: КНОРУС, 2021. — 378 с.
2. Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. По итогам международной научной конференции (5–7 декабря 2017 г., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова). — М.: Креативная экономика, 2018. — 458 с.
3. Accenture: Artificial intelligence will accelerate annual economic growth by 2035 — Inc. Russia (incrussia).
4. Belk R. You are what you can access: Sharing and Sharing consumption on the Internet // J. Bus. Res. — 2014. — No. 67 (8). — P. 1595–1600.
5. China has announced plans to become a leader in artificial intelligence by 2030 (hightech.fm).
6. Davenport T. H., Ronanki R. Artificial Intelligence for the Real Word // Harvard business rev. — 2018. — No. 96 (1/2). — P. 108–116.

7. *Gomber P., Koch Ya., Siring M.* Digital finance and Fintech: current research and future research directions // *Economy Bus.* — 2017. — No. 87. — P. 537– 580. — URL: <https://doi.org/10.1007/s11573-017-0852>
8. *Hambrick D.S. and Fredrickson V.I.* Are you sure you have a strategy? // *Academy of Executive Management.* 2001. — № 15 (4). — P. 48–59.
9. *Huang M., Rust R., Maksimovic V.* The feeling economy: Managing in the next generation of artificial intelligence // *California Management Review.* — 2019. — № 61(4). — P. 43–65. — URL: <https://doi.org/10.1177/0008125619863436>
10. European Commission. (2019, April 8). Ethics guidelines for trustworthy AI. — URL: huntonprivacyblog.com
11. *Laurel S., Sandstrom S., Eriksson K., Nyquist R.* Digitalization and the Future of Management Training: New Technology as a means to promote historical, practice-oriented and critical perspectives // *Management Research and Management Training, Management Learning.* — 2020. — No. 51(1). — P. 89–108. DOI: 10.1177/1350507619872912.
12. *Laurel S., Sandstrom S.* Comparing the impact of social and traditional media on disruptive change is evidence of the sharing economy // *Technological Forecasting and Social Change.* — 2018. — Vol. 129. — P. 339–344.
13. *McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon K.E.* A proposal for a Dartmouth summer research project on artificial intelligence. Department of Computer Science. Stanford University. 1955. — URL: <http://www.formal.stanford.edu/jmc/history/dartmouth/dartmouth.html>
14. *Parker G., Alstein M., Choudary S.* Platform Revolution: How Network Markets are Transforming the Economy and How to make them work for you. Platform Revolution. 2016. — URL: mann-ivanov-ferber.ru
15. Transcript (December 4, 2020) of Putin’s speech at the conference on artificial intelligence. — URL: prezident.org

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Философия хозяйства, по сути, является ноосферным подходом в решении стоящих перед Россией хозяйственных и экономических проблем. Показано, что ноосфера с точки зрения философии хозяйства — и высшее благо, и фактор производства. Приведены примеры хозяйственного и политического подходов в процессе реализации энергетического перехода.

Ключевые слова: хозяйство, философия хозяйства, природа, биосфера, ноосфера, фактор производства, экономическая эффективность, энергетический переход.

Abstract. The Philosophy of Economy is essentially a noosphere approach to solving the economic and economic problems facing Russia. It is shown that. the noosphere from the point of view of the Philosophy of Economy is both the supreme good and factor of production. Examples of the economic and political approach in the process of implementing the energy transition are given.

Keywords: economic system, philosophy of economy, nature, biosphere, noosphere, factor of production, economic efficiency, energy transition.

Движение за достижение «климатической нейтральности» стало большой социально-экономической системой. В этой системе можно выделить две подсистемы: природоохранную («истинно зеленую») и политическую. Обе подсистемы обладают, при всей своей специфичности, всеми свойствами больших сложных систем [2]. Россия хозяйствующая и социум России как социально-экономические системы должны с одной подсистемой взаимодействовать и сотрудничать. Я имею в виду людей, которые искренне считают, что их усилия будут оправданны, если реальные меры по защите природы будут применяться и в других странах. Особенно важными областями сотрудничества России и ФРГ представляются теплофикация и утилизация отходов. С другой, политической подсистемой придется сосуществовать и противодействовать ей, в том числе и на научном уровне. В рамках экономической науки теоретической базой для технико-экономических, точнее технико-хозяйственных, обоснований действительно

жизненно необходимых России природоохранных мероприятий является современная философия хозяйства, развиваемая школой Ю. М. Осипова.

Исходя из философии хозяйства природа или биосфера является для человека высшим благом. Если говорить о человечестве, высшим благом нужно считать ноосферу, сферу разума. С другой стороны, биосфера как подсистема ноосферы и сама ноосфера в целом служат технологическим базисом хозяйства, базисом производства благ. Попытались обосновать эти положения с учетом того, что было сказано на предыдущей конференции.

Сельскохозяйственные технологии породили представление о трех факторах производства: земля, труд, капитал. Если рассматривать сельскохозяйственные технологии шире, сельскохозяйственное производство невозможно без воздуха и воды. Отсюда можно сделать вывод, что вся биосфера, вся природа является в сельском хозяйстве технологическим фактором производства (ТФП). Природа является ТФП не только в сельском хозяйстве. «Без воды не туды и не сюды» не только в промышленности, но и в других отраслях народного хозяйства. Таким образом, природа или биосфера в целом может рассматриваться как хозяйственный или технологический фактор производства любой отрасли народного хозяйства, даже финансовой: технические требования к зданию биржи или банка будут в силу природных условий (отопление, сейсмическая стойкость и т.д.) различны в Москве, Токио или Лондоне.

То, что информация является хозяйственным и политэкономическим фактором производства, не оспаривает сегодня, пожалуй, никто. Тогда и новосфера — сфера разума в целом — будет выступать как хозяйственный фактор производства (рис. 1). Наиболее наглядно это демонстрирует туристический бизнес. Если это не так, почему же люди платят немалые деньги, чтобы поехать и посмотреть на произведения разума, будь то Святая земля, Питер, Москва, Париж или Рим?

Ноосфера — сфера разума									
		Основной капитал (основные фонды)							
Природа	Земля	Земля	Орудия труда: здания, сооружения и т.д.						
	Оборотный капитал (оборотные фонды)								
	Вода	Вода	Сырье, основные и вспомогательные материалы						
	Воздух	Воздух							

Рис. 1. Технологические (= хозяйственные) факторы производства: ноосфера — высшее благо и фактор производства

Хозяйственное значение ноосферы туризмом не ограничивается, весь производственный базис от каменного топора до сверхсовременных компьютеров — это произведение человеческого разума. Вспомним известную цитату [1]: «...и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове».

В этом контексте именно развитие сферы разума, движение вперед, а не назад к природе, позволит на ноосферном уровне решить проблемы глобального потепления, не консервируя при этом качество жизни 3/4 населения планеты на современном уровне. Автор разделяет точку зрения, что компенсационные мероприятия (высадка зеленых насаждений, борьба с вырубкой лесов и т.д.) являются более важными по сравнению с энергетическими переходом мерами в борьбе с глобальным потеплением.

Говоря о ноосфере как производственном базисе хозяйства, автор не рассматривает предпринимательские способности как обособленный хозяйственный фактор производства. Именно поэтому предпринимательские способности не показаны на рис. 1. Принятие управленческого решения — это умственный труд или информационный технологический процесс, такой же как работа бухгалтерской программы или текстового редактора. Мозг человека обрабатывает входящую информацию и выдает новую исходящую: это может быть гениальный шахматный ход, ведущий к титулу чемпиона; это может быть гениальная картина, как например «Сон разума порождает чудовищ» Гойи; прекрасные стихи, новый роман, изобретение или научное открытие; это может быть и гениальное управленческое решение, как например игра Джорджа Сороса с британским фунтом на понижение. Еще раз подчеркну, никаких технологических отличий, никаких хозяйственных отличий в принятии управленческих решений от других видов умственного труда нет: просто обработка информации¹ (рис. 2).

Предлагаемые политической «зеленой» подсистемой меры часто носят антихозяйственный, а значит, и антибиосферный характер. Часто эти меры навязываются другим странам. Рассмотрим некоторые из них.

Энергетический переход. Здесь происходит ошибочное или сознательное смещение понятий энергетики или топливно-энергетического комплекса и электроэнергетики (табл. 1 и 2).

Дальнейшее наращивание доли возобновляемой электрогенерации натолкнулось на технические границы. О чем, кстати, специалисты гово-

¹ Если в словосочетании «политическая экономия» прилагательное значит много больше, чем существительное, без «предпринимательских способностей» как фактора производства просто никак не обойтись.

рили уже давно. Одним из технических решений является строительство так называемых поддерживающих электростанций с использованием газовых дизелей [10; 11]¹. Подобные станции могли бы замещать котельные в малых и средних городах России.

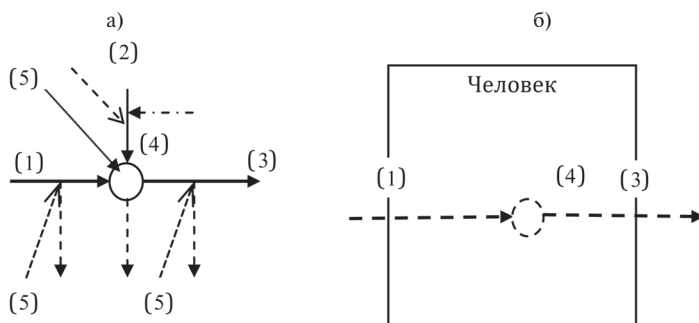

Рис. 2. Схема частного технологического процесса:

а) общая схема; б) процесс умственного труда²

- подача объекта ТП (1) в зону воздействия (4); воздействие субъекта ТП (2) на его объект; вывод новой полезности (3) из зоны воздействия;
- - - - -→ информация, включая носитель и канал связи;
-→ управляющее воздействие;
- · - · - · → подача энергии;
- материальное обеспечение технологического процесса (основные и вспомогательные материалы).

Таблица 1

Доля климатически нейтральной электроэнергии в общем производстве (%)

Производство электроэнергии	Россия [5]		Германия [14]		
	2019	2020	2019	2020	2021
Уголь (бурый и каменный)			28,3	23,4	27,8
Гидроэлектростанции	17,5	19,7			
Атомные электростанции	18,6	19,9	12,4	11,2	11,8
Возобновляемые источники энергии	0,2	0,3	39,6	43,6	40,5
Итого, климатически нейтральная электроэнергия	36,3	39,9	52,0	54,8	52,3

¹ Кюстенkraftwerk Киль (Küstenkraftwerk): 20 * Тип Innio Jenbacher J920 FleXtra; 9,6 MWэл; 9,5 MWтеп; к.п.д. эл. 45%; к.п.д. тепл. 45%; стоимость 290 млн евро.

² Подобные схемы были представлены в [3], здесь они немного изменены.

Электромобиль часто провозглашается одним из важнейших средств перехода к новой структуре энергобаланса. Оставим в стороне технику: современные низковольтные электрические сети не в состоянии обеспечить заряд многих миллионов электромобилей с мощностью зарядного устройства 4 кВт. Вернемся к философии хозяйства. Что произойдет, если обычный автомобиль заменить электрическим?

Таблица 2

Доля климатически нейтральной энергии в общем производстве (%)

Первичная энергия (Total energy supply)	Россия [8]	Германия [9]	
	2018	2019	2020
Уголь (бурый и каменный)	15,4	17,6	15,5
Гидроэлектростанции	1,9		
Атомные электростанции	6,7	6,4	5,9
Возобновляемые источники энергии	2,5	14,9	16,5
Итого, климатически нейтральная энергия	11,1	21,3	22,4

Если считать эмиссию углекислого газа по средним для электроэнергетики цифрам, эмиссия CO₂ для так называемой energy mix будет меньше, чем для бензинового или дизельного двигателя¹. Именно так официально оценивается экологическая эффективность электромобилей. Но баланс производства электрической энергии даже в самых «зеленых» странах замыкают угольные электростанции (см. табл. 1 и 2). При таком подходе каждый новый электромобиль увеличивает количество углекислого газа в атмосфере Земли (рис. 3). Кстати, такой же вывод следует и из либеральной экономической теории (экономикс) [13].

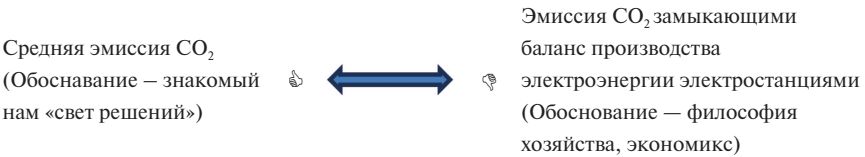

Рис. 3. Бережет ли электромобиль природу?

Биотопливо. Еще одним средством сокращения потребления органического топлива на транспорте является биотопливо (этанол и биодизель). Формально биотопливо является климатически нейтральным. Но для

¹ Эмиссия CO₂ по [11].
Средняя эмиссия CO₂ при производстве всеми электростанциями в Германии ~ 489 г CO₂ /кВт*ч (2017). Эмиссия CO₂ для современного дизеля ~ 790 г CO₂ /кВт*ч.
Эмиссия CO₂ для бурого угля ≥ 910 г CO₂ /кВт*ч.

его производства требуется энергия. Согласно статье [6], написанной еще в прошлом веке, энергетическое соотношение выход / вход составляет для Европы 1,02 (зерно); 1,3 (сахарная свекла). Для сравнения: бензин — 6,2, дизельное топливо — 7,25 [6, табл. 5]. Как утверждает Marcos Santos, для этанола из бразильского сахарного тростника это соотношение составит 6,5 [6, табл. 11].

Средством доказательства экономической эффективности энергетического перехода являются технико-экономические расчеты. Стоимость производства электрической энергии будет существенно зависеть от принятой формулы расчета и подбора исходных данных. Автор уже рассматривал этот вопрос в [4]. Здесь предпринята попытка сравнить расчеты Fraunhofer ISE [7] и мои. Базой для оценки стоимости электрической энергии являются так называемые балансирующие затраты *levelized cost of energy* (LCOE). Их можно считать по разным формулам. В [7] используется формула, близкая [12]. Амортизационные отчисления как составляющая затрат не учитываются. В качестве альтернативных используются формулы, позволяющие оценить экономическую эффективность проекта в целом и экономическую эффективность инвестиций для инвестора [6] (см. табл. 3).

Таблица 3

**Сравнительный расчет балансирующей цены на электроэнергию
в Германии на основе данных [7], евроцент/кВт*ч**

	Fraunhofer ISE 2018 [7]	Фактическое число часов использования установленной мощности, 2018	Формула (1)	Формула (2) = Формула (12), [4]	Формула (18), [4]
Солнечные панели >2 МВт	3,71–6,77	1019,2	6,18	7,72	8,33
Ветер (суша)	3,99–8,23	1763,8	8,39	11,38	12,16
Ветер (море)	7,49– 13,79	3304,4	13,37	18,58	19,70
Биомасса	10,14– 14,74	5783,3	13,76	15,60	16,62
Бурый уголь	4,59–7,98	6980,2	7,27	8,39	8,32
Каменный уголь	6,27–9,86	3454,5	11,08	13,30	13,70
Парогазовые установки	7,78–9,96	2686,1	10,19	11,67	11,74

$$LCOE = \frac{I_0 + \sum_{t=1}^n \frac{A_t}{(1+r)^t}}{\sum_{t=1}^n \frac{M_t}{(1+r)^t}}, \quad (1)$$

где $LCOE$ — балансирующие затраты на производство электроэнергии, Euro/kWh;
 I_0 — инвестиции, Euro;
 A_t — издержки без амортизации, Euro в год t ;
 M_t — выработка электроэнергии в год t , kWh;
 r — реальная ставка процента. В данном случае $WACC$ (средневзвешенная стоимость капитала);
 n — расчетный период, лет.

$$LP = \frac{\sum_{t=1}^n [A_t \cdot (1 - \tau) - \tau A_t + I_t] \cdot (1 + r)^{-t}}{(1 - \tau) \cdot \sum_{t=1}^n M_t \cdot (1 + r)^{-t}}, \quad (2)$$

где τ — ставка налога на прибыль;

A_t — амортизация в год t .

Как видно из табл. 3, использование альтернативных формул существенно повышает расчетную стоимость электроэнергии, особенно для возобновляемой электроэнергии. С другой стороны, табл. 3 показывает, что многие миллиарды, вложенные на основе хозяйственных критериев в развитие солнечной энергетики, оказались потраченными не напрасно, даже с точки зрения учебника экономикс.

Капиталистические корпорации выводят энергоемкие и трудоемкие производства за пределы так называемых «постиндустриальных» государств, чтобы повысить доходы организаторов бизнеса. Эмиссия CO_2 в масштабах планеты возрастает за счет транспорта готовой продукции. Для политиков данной страны это неважно. Они могут отчитаться о снижении выбросов углекислого газа, а заодно и потребовать сделать то же самое от других. Критерий оценки антихозяйственного обеспечения углеродной нейтральности показан на рис. 4.

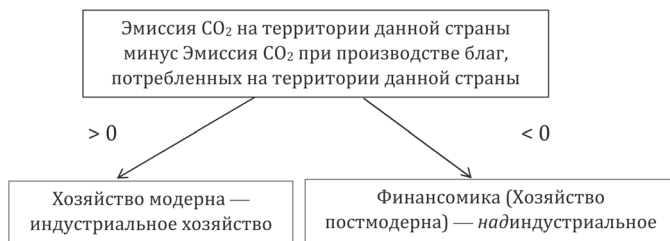

Рис. 4. Критерий антихозяйственного обеспечения углеродной нейтральности

Выводы

1. В научном противодействии попыткам навязать России чуждые ей и никак не связанные с охраной природы мероприятия Россия хозяйствующая

и социум России должны опираться на философию хозяйства, а значит, на ноосферный подход.

2. Ноосфера с точки зрения философии хозяйства — высшее благо и фактор производства.

3. При оценке мероприятий по энергопереходу следует различать электроэнергетику и топливно-энергетический комплекс в целом.

4. При оценке мероприятий по энергопереходу следует исходить из комплексной, хозяйственной климатической нейтральности (оценка электромобилей, биотоплива, энергосбережения и т.д.).

5. Необходима беспристрастная системная технико-хозяйственная оценка мероприятий по обеспечению климатической нейтральности.

Литература

1. Маркс К. Капитал, т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 23. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1960. — С. 189.
2. Мочалов А. В. Взгляд на государство как развивающуюся большую социально-экономическую систему. Россия державная / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гущева, Е. С. Зотовой. — М., 2004. — С. 258–274.
3. Мочалов А. В. Влияние взаимодействия факторов производства на технологическую структуру экономики. Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / под ред. Ю. М. Осипова, В. Г. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 555–562.
4. Мочалов А. В. Техника и интеллект: Теория и практика оценки проектной стоимости электроэнергии. Конференция «Интеллект-революция: свершения и ожидания». — М., 2011.
5. Россия в цифрах 2021. Табл. 12.45 [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 23.01.2022).
6. Dos Santos M. Energy Analysis of Crops Used for Producing Ethanol and CO₂ Emissions. Federal University of Rio de Janeiro. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265410377_Energy_Analysis_of_Crops_Used_for_Producing_Ethanol_and_CO_2_Emissions (дата обращения: 18.01.2022).
7. Fraunhofer ISE: Studie Stromgestehungskosten Erneuerbare Energien März 2018. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ise.fraunhofer.de/content/dam/ise/de/documents/publications/studies/DE2018_ISE_Studie_Stromgestehungskosten_Erneuerbare_Energien.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
8. [Электронный ресурс]. — URL: <https://unstats.un.org/unsd/energystats/pubs/balance/2019/brt.pdf> / (дата обращения: 23.01.2022).
9. [Электронный ресурс]. — URL: https://ag-energiebilanzen.de/wp-content/uploads/2020/09/awt_2020_d.pdf / (дата обращения: 23.01.2022).
10. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stadtwerke-kiel.de/ueber-uns/kuestenkraftwerk/> (дата обращения: 06.12.2021).
11. [Электронный ресурс]. — URL: https://de.wikipedia.org/wiki/K%C3%BCstenkraftwerk_K._I._E.L. / (дата обращения: 06.12.2021).
12. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Levelized_cost_of_energy (дата обращения 18.01.2022).

13. *Stahl M.* Warum das Elektroauto ein Feind der Energiewende ist (Почему электро-мобиль является врагом энергоперехода) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.manager-magazin.de/unternehmen/autoindustrie/elektroauto-co2-bilanz-insgesamt-verschlechtert-sich-a-1246276.html> (дата обращения: 06.12.2021).
14. *Strom mix.* [Электронный ресурс]. — URL: https://ag-energiebilanzen.de/wp-content/uploads/2021/02/Strommix-Dezember_2021.pdf (дата обращения: 23.01.2021).

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ: СТРОНИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ НЕРАЗВИТИЯ

Аннотация. Латинская Америка — сообщество стран, переживающее постоянные трансформации и содержащее в себе многообразие вариантов общественно-политического и экономического развития.

Целью представленной статьи является рассмотрение методом case study феномена стронизма в Парагвае в контексте проблем политического и социально-экономического развития, с которыми сталкиваются страны и общества Латинской Америки в продолжающихся сегодня трансформационных процессах, в том числе политического и идеологического самоопределения (самоидентификации). Способна ли современная Россия, колеблющаяся между статусом великой мировой державы и региональной державы «второго мира», избежать «стронистского тренда» и встать на путь эволюционного и качественного общественно-политического развития — один из ключевых вопросов, поставленных в статье автором. На основе проведенного в статье анализа автор пытается сформулировать ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: Латинская Америка, Парагвай, стронизм, перонизм, пиночетизм, не-развитие, модернизация, глобализация.

Abstract. Latin America is a community of countries undergoing constant transformations and containing a variety of options for socio-political and economic development. The purpose of the presented article is to consider the phenomenon of stronism in Paraguay by the case study method in the context of the problems of political and socio-economic development faced by Latin American countries and societies in the context of ongoing transformational processes — including in the context of political and ideological self-determination (self-identification). Whether can the modern Russia, fluctuating between the status of a great world power and a regional power of the “Second World”, to avoid the “Stronist trend” and embark on the path of evolutionary and qualitative socio-political development — one of the key questions posed in the article by the author. Based on the analysis carried out in the article, the author tries to formulate an answer to this question.

Keywords: Latin America, Paraguay, stronism, peronism, pinochetism, non-development, modernization, globalization.

1. Особенности развития стран Латинской Америки

Латинская Америка — не только пространство «великих» контрастов, но и сообщество государств, характеризующееся общими чертами раз-

вития; примечательно при этом, что все такие государства ранее большинства азиатских и африканских стран достигли национальной независимости. Указанное обстоятельство помещает их в своеобразный «промежуточный пояс» между развитыми и развивающимися странами, приводит к сосуществованию в развитии этих стран трендов в направлении первого и третьего «миров» в их социально-экономическом развитии [2–7; 11; 18, s. 52–60]. Примечательно, что модели и стратегии развития, реализовавшиеся в странах этого региона с начала второй половины XX в. и вплоть до первых десятилетий наступившего тысячелетия, представляют интерес для других государств второго и третьего «миров» и требуют своего осмысления с позиций системного анализа и case study. Политики латиноамериканских стран и сегодня пребывают в поиске новой качественной стратегии, которая в более полной мере отвечала бы на современные вызовы внутреннего и глобального развития [6]. Для формирования подобной стратегии необходим комплексный анализ проблем, затрудняющих динамичное и качественное развитие латиноамериканских обществ и государств — среди которых затянувшееся переходное состояние многих из обществ в странах региона, слабость государственных институтов (включая общепринятые демократические), оппортунистические стратегии политических элит, особенности политической и правовой культуры.

Прежде всего, Латинская Америка — средоточие самых разнообразных по своему характеру противоречий во всех ключевых сферах жизни общества. К традиционным противоречиям между элитой и обществом и между церковью и государством добавляются противоречия внутри политического и экономического классов, между этнорасовыми (субэтническими) общностями, между городом и деревней, между различными категориями городского и сельского населения, что предопределяет пестрый и гетерогенный характер внутренней политики латиноамериканских государств и порождает самые невероятные (с европейской точки зрения) политические коалиции и властно-политические комбинации.

Еще одна характерная особенность общественно-политического развития стран региона — недостаточная устойчивость обществ и государств приводит к циклически повторяющимся колебаниям между авторитарными и демократическими формами правления (дополненным эффектом популизма), следствиями чего является политическая нестабильность, значительная роль насилия в политической жизни, большое влияние армии в политике, что подкрепляется воспроизводством одних и тех же типов политической культуры в рамках социумов. В сравнительной перспективе самыми политически стабильными государствами региона можно считать Уругвай и Мексику, в то время как символами нестабильности выступают некоторые государства Центральной Америки (Гондурас, Гватемала и др.).

Примечательна и исторически сложившаяся стратификация стран Латинской Америки по уровню социально-экономического развития, которая позволяет условно разделить их в соответствии с этим критерием на несколько основных групп: 1) Аргентина, Уругвай, Чили, Бразилия, Мексика, Венесуэла, Колумбия — наиболее преуспевшие в социально-экономическом развитии государства, сумевшие реализовать (пусть и с оговорками и не полностью) собственную программу модернизации. Названные страны образуют своеобразное экономическое ядро региона — их население составляет около 75% всего населения региона, и они совместно производят 80–85% регионального ВВП; 2) Перу, Эквадор, Боливия, небольшие государства Центральной Америки — страны с доминированием аграрного сектора и добывающей промышленности, вследствие чего их влияние на интеграционные процессы и общерегиональную повестку является ограниченным; 3) Парагвай, Гаити и государства Карибского бассейна — отстающие в социально-экономическом развитии государства со структурно ограниченной экономикой, низкой конкурентоспособностью и традиционно невысоким уровнем жизни населения [15, с. 1–4]. Хронически депрессивная ситуация вызывает к жизни реформистскую и революционную альтернативы развития, которые постоянно конкурируют друг с другом, доходя до прямого и насильственного столкновения (в форме массовых протестных выступлений, социальных революций и государственных переворотов).

Основной тренд, определивший развитие стран Латинской Америки в 1950–1990-е гг., — чередование «волн диктатур» и периодов подъема общедемократических движений [16, р. 62–63]. Диктаторские режимы длительное время существовали в Парагвае (диктатура Стресснера, 1954–1989), Никарагуа (династия Сомос, 1936–1979), Сальвадоре, Гватемале, Гаити (семейство Дювалье, 1957–1990).

Диктатура пережила период реставрации в Гондурасе, в свое время приходила к власти в Бразилии (с 1964 г.), Аргентине (с 1976 г.), Боливии, Уругвае. Противовесом «волне диктатур» являлась периодическая актуализация демократической политической тенденции, проявлениями которой стали победа народной революции в Никарагуа (1979), переход к конституционному правлению в Перу (1980), Боливии (1982), Аргентине (1983), Бразилии и Уругвае (1985), Гватемале, Гондурасе, на Гаити (1986), в Парагвае (1989), приход к власти гражданского правительства в Чили (1990).

Таким образом, обобщая, мы можем заключить, что к концу XX в. государства Латинской Америки накопили немалый опыт в реализации самостоятельных стратегий развития, призванных содействовать преодолению их социально-экономического отставания от стран «первого мира» [13, р. 28–48]. Различные подходы к модернизации обществ и экономик латиноамериканских стран (национал-реформистский, либерально-ре-

формистский, неоконсервативный) исходили из различного видения стратегической перспективы, предполагали утверждение различных социально-политических моделей, призванных содействовать модернизационному процессу (военные диктатуры, гражданские авторитарные режимы различного толка, демократические формы правления, промежуточные и переходные популистские и реформистские режимы, социализм по советскому образцу).

Степень успешности инициированных модернизационных проектов, реализовавшихся в странах региона, оказалась различной, и дифференциация по уровню развития латиноамериканских стран на рубеже XX—XXI вв. естественным образом увеличилась. И если выступавшие в роли региональных «локомотивов роста» Аргентина, Бразилия, Мексика и Чили вошли в число новых индустриальных государств («второй мир»), ряд стран региона остались в рамках аграрно-индустриальной ниши. В качестве факторов социально-экономической модернизации выступали межрегиональная интеграция, привлечение инвестиций стран Запада. Аграрная реформа несколько ослабила «парцеллярный» характер земледелия, позволила развиваться мелким и средним крестьянским хозяйствам, но не устранила до конца латифундий и не решила проблему бедности на селе. При этом значительная группа государств, и прежде всего страны Карибского бассейна, по сию пору остаются в списке беднейших стран региона. Тренд в направлении демократизации существующих политических режимов сохраняется благодаря опоре на новые массовые социальные движения, однако неустойчивость социально-экономического развития зачастую не позволяет многим из числа стран континента перейти к устойчивой и институционально оформленной демократии; сохраняющееся напряжение в обществе способно привести к самым неожиданным трансформациям.

Опыт латиноамериканских стран включает практики как левомодернизационных режимов, так и правоконсервативных диктатур, которые отличались ярко выраженным персонифицированным характером власти. Самобытный политический и экономический порядок, буквально воспроизводящий ключевые элементы советской модели, создал на Кубе Фидель Кастро Рус — выходец из семьи латифундистов, имевший значительные шансы преуспеть в условиях ориентированного на США режима Батисты. После окончания юридического факультета Гаванского университета Кастро получил степень доктора права, что открывало для него вполне благоприятные карьерные перспективы и возможность вхождения в состав «привилегированного класса». Однако развитие убеждений молодого кубинского интеллектуала (в направлении «левого народничества») привело его в стан убежденных оппонентов режима. Переломным моментом в его деятельности стала попытка штурма казармы «Монкадо»

в городе Сантьяго-де-Куба 26 июля 1956 г., за что Кастро был осужден действовавшей тогда властью на 15 лет тюрьмы. После амнистии Кастро эмигрировал в дававшую приют многим революционерам и радикалам Мексику, где продолжил борьбу против режима личной власти Батисты. Знаменитая высадка революционеров-единомышленников на побережье и последующий поход на Гавану, в ходе которого к ним присоединились многие оппозиционные режиму кубинцы, привела в начале января 1959 г. к свержению правящего режима и победе революции.

С народническими идеями лидерам кубинской революции достаточно скоро пришлось расстаться — в связи с безусловной ориентацией на СССР официальной государственной идеологией на Кубе стала марксистская, а сама страна — опорной базой при осуществлении стратегий Советского Союза в отношении других стран Латинской Америки. Распад СССР и резкое «сжатие» прежней сферы советского влияния после 1991 г. поставили Кубу и ее руководство в ситуацию беспрецедентного внешнеполитического и внешнеэкономического вызова.

В качестве антипода Кастро традиционно рассматривается Аугусто Пиночет — генерал, бывший министр обороны в правительстве президента Сальвадора Альенде, организовавший полномасштабный военный заговор, приведший 11 сентября 1973 г. к свержению власти левых и к крушению связанной с ними «чилийской мечты». Аугусто Пиночет Угарте — профессиональный военный; старший из семи детей в семье чиновника в провинциальном Вальпараисо; с весны 1973 г. после преодоления сопротивления со стороны нескольких «товарищей по оружию» — глава хунты, а после принятия на общенациональном референдуме 1980 г. новой чилийской Конституции — де-факто самопровозглашенный президент страны и до 1989 г. официальный глава Чили. Примечательно, что первые три дня пребывания у власти власти военной хунты были отмечены беспрецедентным террором против политических оппонентов из числа левых сил (стадионы, концлагеря, круглосуточные облавы, пытки, бессудные расстрелы). Террор со стороны политической полиции ДИНА вкупе с участием Чили в государственно-террористической акции «Кондор» сосуществовал с некоторыми проявлениями «открытости» режима, благодаря которым в 1980-х гг. к сторонникам свергнутого президента Сальвадора Альенде постепенно вернулось внимание чилийского общества. Несмотря на масштабный террор, дополненный обвалом экономики (сказались как американские санкции, так и ошибки социалистического правительства), темпы роста ВВП достигли 11% годовых, что позволило почитателям Пиночета говорить о чилийском «экономическом чуде», которое увеличило долю среднего класса страны, но не решило проблем социального расслоения и массовой бедности. Однако международное давление вкупе с набравшим силу левым партизанским движением побуждали

военную хунту к определенным уступкам. В итоге проведенный в ситуации сохранявшихся публичных ограничений всенародный референдум 5 сентября 1988 г. отказал в доверии персонально Пиночету (52% против него) и не дал одобрения на сохранение в стране военного правления. В итоге избранный в 1989 г. на свободных выборах президент Патрисио Эйлвин принял страну, которая имела неплохие экономические показатели, но переживала внутривластный раскол по отношению к событиям последних полутора десятилетий. Сменявшие затем поочередно друг друга на президентском посту представители ХДП и Социалистической партии вели себя достаточно осторожно и стремились по мере сил купировать порожденный годами диктатуры социальный раскол, не затрагивая при этом многие остающиеся элементы политического наследия Пиночета. Однако мощное движение за перемены, начавшееся в 2019 г. с массовых выступлений за социальные права студентов, в итоге привело к ревизии основ политического и конституционного строя страны и вылилось в итоговую победу представителя несистемных левых Габриэля Борича на президентских выборах 2021 г.

В многолетнем споре латиноамериканских правых и левых особняком стоит режим популистский и национал-реформистский режим Хуана Доминго Перона в Аргентине, реализовавший масштабную программу индустриальной модернизации и сумевший привлечь масштабные инвестиции из США и стран Европы, дополнив это значительными по объему вложенных средств социальными программами, охватившими многие нуждающиеся в поддержке категории аргентинского общества. Генерал (изначально полковник) Перон, политические и социально-экономические практики которого по-разному оцениваются экспертами — от «неозубатовщины» до «левого национализма», — создал собственную политическую доктрину, именуемую «хустисиализм» (от слова «справедливость») и предполагающую «объединение нации для построения справедливого общества» в качестве особого «аргентинского пути» развития. В результате уникальный идеологический синтез в случае Аргентины состоялся, и сформированное на его основе массовое движение (перонистское) объединило на своей платформе широкий спектр организаций, обеспечивающий его представителям долговременное пребывание у власти и неизменное к ней возвращение после электоральных и политических неудач.

2. Случай стронизма (1954–1989):

Парагвай в тисках диктатуры неразвития

По убеждению автора, стронизм являет собой уникальный случай контрмодернистской диктатуры неразвития, выстроенной на фундаменте личной власти одного человека — генерала Альфредо Стресснера. В частности,

благодаря сконструированному за долгие годы единоличного правления механизму властвования и практически всеохватывающему контролю за «политическим классом» страны Стресснеру удалось удержаться у кормила власти 35 лет, уступив по продолжительности правления только Фиделю Кастро. Стресснер связал свою судьбу со стронистским проектом настолько, что мог оставить пост главы государства только в исключительной ситуации (заговор военных из ближнего круга диктатора при поддержке США) — в итоге казавшийся монолитным стронистский порядок до сих пор не подвергся полномасштабной ревизии.

Альфредо Стресснер действительно зарекомендовал себя в качестве весьма неординарного режимно-институционального политического дизайнера. Стронизм, доросший до поистине уникального странового феномена, далеко вышел за пределы традиционного латиноамериканского каудилизма [17, s. 126–128; 19, p. 168–179] (с включением ряда «родовых черт» последнего — в числе которых клиентелизм, семейственность, корпоративизм, демонтаж реальных сдержек и противовесов в рамках механизма власти, подмена политической конкуренции «избирательным террором», циклическое воспроизводство властно-политического порядка через формально-демократические процедуры), однако не дорос до классического султанизма, хотя и приближался к нему вследствие неуклонно усилившегося персонифицированного характера формальной президентской власти.

Стресснеру удалось утвердить в Парагвае за долгие годы его правления некоторую модификацию каусикистского режима [14], интегрировав в рамки выстроенного им порядка представителей ряда значимых для него социальных страт с целью расширения социальной базы диктатуры. Клиентелизация, инициированная Стресснером, охватила не только доверенных лиц из «ближнего круга» диктатора, но также представителей армейских верхов, профессиональных политиков и деловых кругов, охватив сетями влияния все основные ресурсные потоки в пределах страны. Равным образом Стресснер трансформировал Парагвай в особую модификацию семейного государства [1, с. 38–40], в результате чего клановые связи пронизывали весь социум, превратились в ключевую неформальную институцию. Последовательно выстроенное многолетним правителем страны государство-корпорация сделало главными бенефициантами режима участников его ближайшего окружения, а представителей других заинтересованных групп — своеобразными клиентами в рамках системы централизованного патронажа. За рамками этой системы корпоративных привилегий оказались многочисленные депривированные социальные страты (индейские племена, городские и сельские пауперы и др.), любые проявления недовольства со стороны которых систематически подавлялись (использовались и упреждающие репрессии).

Благоприятный в глазах Запада «фасад» в виде формальных институтов демократии (регулярно проводившиеся выборы) дополнялся использованием репрессивных политических техник («адресный» террор и этнические чистки в отношении тех же индейцев), отмеченные духом мегаломании проекты — фактическим отказом от выстраивания социальной политики, беспрецедентное подавление левых сил — принципиально не ограничиваемыми государством частными свободами. Синкретический характер выстроенной Стресснером политической системы ни в коей мере не препятствовал, но способствовал многолетнему сохранению ею стабильности.

Подобная стабильность Парагвая выглядела особенно показательной в эпоху, когда многие страны континента проходили через глубокие и драматические трансформации, переживали социальные расколы и конфликты.

Стресснер сумел избежать комплексной модернизации национальной экономики, де-факто отказавшись от структурной перестройки и технологического перевооружения основных отраслей промышленности, поскольку подобная перестройка не отвечала интересам ключевых групп влияния, контролирующих наиболее значимые сегменты национальной экономики — представителей военной «касты», организованной преступности, деятелей созданного диктатором «контрабандного сектора». Одновременно с этим ряд сравнительно успешных проектов экстенсивного характера способствовали определенному подъему экономики и превратили Парагвай в «среднеразвитую» (по латиноамериканским меркам) страну.

Созданная Стресснером политическая модель достаточно успешно воспроизводилась в течение трех с половиной десятилетий. Представитель либеральной оппозиции (не связанный с много лет правившей партией «Колорадо») оппозиционер Ф. Луго сумел победить лишь на шестых после падения стронистского режима выборах, однако избрание Марио Абдо Бенитеса (представителя одного из близких к бывшему диктатору политико-бизнесовых кланов) на президентский пост продемонстрировало неисчерпанность стронизма как комплексного политического феномена.

Стресснер действительно остановил в середине 1950-х гг. грозившую стране гражданскую войну, просто упразднив на десятилетия саму возможность какой-либо политико-идеологической альтернативы. Адаптация диктатуры к стране (равно как и обратная адаптация страны к диктатуре) стала реальностью, однако была далеко не бескровной и требовала периодически приносимых жертв.

Стронизм действительно позволил Парагваю в значительной степени сохранить государственный суверенитет, балансируя между основными полюсами «двухполярного мира». Между тем сохранение суверенитета и консервация политики (вкуче с рудиментаризацией политической си-

стемы) не остановили деградации государства и общества, но лишь углубили этот процесс. Общество избежало острой идеологической поляризации, однако заплатило за это подавлением автономной гражданской активности и базовых элементов политического плюрализма.

Отказавшись от востребованных обществом реформ и полноценной модернизации, Стресснер и его сподвижники нарушили процесс эволюционного развития парагвайского социума. Социал-дарвинизм и повсеместное распространение криминальной субкультуры де-факто заблокировали развитие гражданского общества и размыли сам смысл понятия общего блага в сознании общества, что неизбежно сказалось и продолжает сказываться на жизни и развитии парагвайского общества по сию пору. Поддержанная государством экспансия «неформального сектора» ослабила публичные и гражданские начала, затруднив формирование гражданского общества в Парагвае.

Благодаря политике Стресснера в Парагвае оформился своеобразный «консенсус неразвития», т.е. фактическое согласие значительной части (с известного времени — условного лояльного большинства) общества на социальную деградацию и отказ от реформ с целью не допустить сколько-нибудь масштабных потрясений. В итоге в Парагвае сложилась ситуация, когда «верхи» и «низы» по своим резонам поддерживали политическую и социально-экономическую модель, основанную на дефектных механизмах.

Стресснер как политик не являлся в полном смысле слова консерватором, поскольку его политика не приумножала жизнеспособные элементы в политике и экономике, но посредством своеобразной «патологической социоинженерии» создавала обреченный на дальнейшую деградацию социальный порядок. Принуждение общества к деградации с помощью репрессивных и частично манипулятивных механизмов сделало возвращение страны к эволюционному развитию сложным и требующим времени процессом.

Как показал опыт Парагвая, изменения в таких системах становятся возможными в результате выступления против существующего порядка одного из сегментов «элиты» при изменении внешнеполитической обстановки — при этом вопрос во времени, требующемся для восстановления необходимого для качественной трансформации уровня социального и культурного капитала, остается открытым. Как представляется, современная Россия, отказываясь от стратегии комплексной модернизации (модернизации общества, а не только элиты), рискует стать заложницей стронистского тренда. По глубокому убеждению автора, модернизация России должна опираться не на опыт пиночетизма (фактическое замораживание модернизации в интересах большинства с целью сохранения позиций «экономической аристократии» и обслуживающих ее со-

циальных страт, интеграции последних в «глобальную экономику») и не на опыт преобразований «Народного единства» С. Альянде (проект широкой социальной модернизации, не подкрепленной продуманной стратегией экономической политики), но на опыт преобразований в Аргентине 1946–1955 гг. под руководством Х. Д. Перона, который благодаря опоре на массовое социальное движение сумел осуществить модернизацию экономики и социального сектора, сохранив и развив (при всех имевшихся издержках) институты демократии и массового политического участия. Ибо под руководством генерала Перона в Аргентине была фактически осуществлена общегражданская антиолигархическая революция, получившая политическое закрепление, что является важным позитивным примером для многих стран второго и третьего «миров», столкнувшихся с аналогичными проблемами.

Литература

1. *Бирюков С. В.* Клиентела как модель политического порядка и политических изменений. — М.: МГУ, ТЕИС, 2009. — 112 с.
2. *Бобровников А. В.* Восходящие страны-гиганты на мировой сцене // Латинская Америка. — 2005. — № 4. — С. 12–27.
3. *Бобровников А. В.* Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации. — М.: Спутник+, 2004. — 360 с.
4. *Давыдов В. М.* Ветер перемен в Латинской Америке // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 6. — С. 84–98.
5. *Давыдов В. М.* Латинская Америка в контексте мировой политики // Латинская Америка. — 2003. — № 1. — С. 42–53.
6. *Клочковский Л. Л.* Национальные стратегии развития и экономическое будущее Латинской Америки. — М.: АСТ, 2006. — 280 с.
7. *Красильщиков В. А.* Развитие России и стран Латинской Америки: факторы сходства и различия // Альманах «Восток». — 2004. — № 6. — С. 67–85.
8. *Мартынов Б. Ф.* Дилемма «многополярного мира» и Латинская Америка // Латинская Америка. — 2007. — № 2. — С. 34–42.
9. Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества. — М.: ИЛА РАН, 2006. — 164 с.
10. *Сударев В. П.* «Левый поворот» в государствах Латинской Америки // Латинская Америка. — 2008. — № 3. — С. 11–22.
11. *Терещенко Г. Н.* и др. Социально-экономические преобразования в странах Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Чили) // Актуальные проблемы экономической политики. — 2002. — № 4. — С. 20–28.
12. *Чоповой Д. А.* Нефть и газ Латинской Америки // Латинская Америка. — 2009. — № 9. — С. 36–52.
13. *Barreto-Velazquez N.* A Good Neighbour? U. S. and Latin America Foreign Policy in The Twentieth Century // International Symposium on the Neighbourhood Diplomacy of Big Powers (HASS, SASS). — October 25th-26 th, 2018. — Changsha, China. — P. 28–48.
14. *Kern R., Dolkart R.* The Caciques. — University of New Mexico Press, 1973. — 202 p.

15. *Krumwiede H.-W.* Soziale Ungleichheit und Massenarmut in Lateinamerika // SWP-Studie. — S. 18. — Mai, 2002. Berlin. — 30 s.
16. *Le Monde diplomatique.* Atlas der Globalisierung spezial. — Das 20. Jahrhundert. — Paris, 2010. — P. 62–63.
17. *Linz J.* Totalitaere und Autoritaere Regime. — Potsdam: WeltTrends, 2009. — 312 s.
18. *Wahl J.* Jenseits des Neoliberalismus // WeltTrends. — Nr. 85. — Juli/August 2012. — S. 52–60.
19. *Wolf E. R. and Hanson E. C.* Caudillo Politics: A Structural Analysis // Comparative Studies in Society and History 9 (1966–1967): — P. 168–179.

УНИКАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ТИПА КАК ХОЗЯЙСТВА СУГУБО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО. НЕОЦЕНЕННОЕ ОТКРЫТИЕ П. Н. САВИЦКОГО

Аннотация. Рассмотрены вопросы об объективной основе русской самобытности, о хозяйственной инаковости пути России. Раскрыта концепция П. Н. Савицкого об объективных природно-географических факторах, обуславливающих уникальность континентального хозяйственного типа России — в отношении к мировой океанической торговле. Анализируются предложения Савицкого об устранении невыгодных последствий континентальности хозяйства России с целью избежать перспективы стать задворками мирового хозяйства под влиянием фактора высоких транспортных издержек. Исследования Савицкого могут быть использованы в разработке современной хозяйственной стратегии России, опирающейся на понимание ее хозяйственной идентичности, уникальности ее континентального типа хозяйствования и интенсивное использование принципа близлежащих хозяйственных соседств внутри континентального мира.

Ключевые слова: Россия, самобытность России, особый хозяйственный строй России, хозяйственная самоидентификация, хозяйственная стратегия России, государственное регулирование, континентальный тип хозяйства, океанический тип хозяйства, сила внутриконтинентальных притяжений, индикативное планирование.

Abstract. Questions about the objective basis of Russian identity, about the economic otherness of Russia's path are considered. The concept of P. N. Savitsky about the objective natural and geographical factors that determine the uniqueness of the continental economic type of Russia — in relation to world ocean trade — is considered. Savitsky's proposals to eliminate the unfavorable consequences of the continental nature of the Russian economy in order to avoid the perspective of becoming a backyard of the world economy under the influence of the factor of high transport costs are analyzed. Savitsky's research can be used in the development of Russia's modern economic strategy, based on an understanding of its economic identity, the uniqueness of its continental type of economy, and the intensive use of the principle of nearby economic neighborhoods within the continental world.

Keywords: Russia, Russia's identity, Russia's special economic system, economic self-identification, Russia's economic strategy, state regulation, continental type of economy, oceanic type of economy, force of intracontinental attraction, indicative planning.

Вопрос об *объективной основе* русской самобытности и исторического призвания России до сих пор остается остро дискуссионным. Сохраняются принципиальные расхождения в теоретических подходах и предлагаемой экономической политике представителей современных «западников» и «государственников-почвенников». В недавнем исследовании профессора В. Т. Рязанова (2019) русская цивилизация была определена как *цивилизация Севера* в евразийском пространстве [2, с. 112]. В этом определении верно зафиксирована важная сторона объективной материальной предопределенности русского своеобразия и инаковости русского хозяйства и цивилизационного пути в целом. Однако исчерпывающее понимание *уникальности хозяйства русского типа*, на наш взгляд, дает последовательное и системное развитие подхода В. Т. Рязанова — о влиянии природно-географического своеобразия на хозяйственный строй России.

Подобное исследование, раскрывающее ключевые, объективные, природно-географические особенности русского хозяйства, в существенной мере предопределяющие *инаковость русского континентального типа хозяйства*, были выполнены уже около 100 лет назад русскими евразийцами в лице П. Н. Савицкого. В этом его величайшая заслуга, до сих пор еще не понятая, нецененная и в определенной мере табуированная, поскольку она шла вразрез с долговременными сценариями разрушения хозяйства России, проводимыми ее геополитическими противниками в период после разрушения Советского Союза. Евразийское исследование особого континентального типа хозяйствования, имманентного для России, представляет собой крупнейшее открытие в экономическом знании XX и XXI вв. Это открытие позволяет наконец получить фундаментальный ответ на вопрос об объективной основе *уникальности* хозяйственного строя России и ее особом хозяйственном пути, опирающемся на понимание ее хозяйственной идентичности. Суть открытия Савицкого в отношении хозяйственного строя России состоит в обосновании фундаментального *своеобразия русского хозяйственного типа во внешнехозяйственном отношении — в области мирового океанического товарообмена*. В мирохозяйственном отношении русское хозяйство — это хозяйство *континентального типа*. С точки зрения возможностей участия в мировой океанической торговле между континентальным и океаническим типами хозяйства существует фундаментальное различие с точки зрения фактора транспортных издержек. Дело в том, что в международном товарообмене существенное значение имеет *резкое различие размера транспортных издержек* в зависимости от того, происходит ли доставка товаров морским или сухопутным путем.

Во время опубликования Савицким своего исследования, в начале 20-х годов XX в., как и в первых десятилетиях XXI в., разрыв в стоимости морских и сухопутных перевозок в целом сохранился примерно одинаковым. Так, по данным современного исследователя Л. А. Безрукова, на 1999 г. разрыв ставок морских и сухопутных перевозок для Западной

Европы составил 70–80 раз, для США — 20–25 раз [1, с. 2008]. Расчеты, основанные на данных Безрукова, приводят к следующему важному результату: *доля транспортных издержек в совокупной стоимости российских товаров в среднем достигает 50%, в то время как для развитых океанических стран она составляет всего лишь 5–10%. В целом для России транспортные издержки выше, чем в США, в 6 раз и выше, чем в Китае, — в 4,5 раза. Во многом именно за счет транспортной составляющей издержки производства в Западной Европе ниже в 2–3 раза, в США — ниже в 2,7 раза.*

При оценке степени континентальности различных стран расчеты показывают, что континентальность США в 4 раза ниже, а Китая — в 3 раза ниже, чем для России. Так получается в том числе с учетом того, что доля морского транспорта в общем грузопотоке России — 4%, доля внутренних водных путей — 3%, а доля железнодорожного и других видов транспорта — 93%. Кроме того, немаловажно, что для США, Германии, Китая на долю внутренних водных путей приходится достаточно большая часть перевозок — около 11–13%. Из существенности разницы в размерах издержек морских (и вообще водных), с одной стороны, и сухопутных, с другой стороны, перевозок Савицкий делает важный вывод: континентальным странам, которые вынуждены в своей хозяйственной жизни использовать континентальные перевозки *на значительные расстояния*, следует обращаться с перевозками экономно и *всячески стремиться сократить расстояния перевозок* [3, с. 400]. Предшествующий анализ подводит Савицкого к еще одному важнейшему и радикальному выводу, который актуален именно для периода открытия рынков России, происшедшего после разрушения Советского Союза: *при интенсивном вхождении страны в мировой океанический обмен перспектива стать «задворками мирового хозяйства» становится основополагающей реальностью...* [3, с. 408].

Тот же хозяйственный смысл-ориентация вывода, но выраженный в другом аспекте, был сформулирован так: интенсивное вхождение в мировой обмен *неминуемо* должно приводить к *«трагической бедности и убожеству» хозяйства России*. Однако подобные негативные перспективы вовсе не являются фатальными для России-Евразии. Необходимо лишь осознать свою хозяйственную идентичность и приспособить народно-хозяйственное развитие именно к ней, а не стремиться слепо копировать навязываемые извне и заведомо непригодные для нашей идентичности шаблоны «ранее развившихся» стран, имеющих совершенно другие объективные природно-географические возможности. «Не в обезьяньем копировании “океанической” политики других, во многом к России неприменимой, но в осознании континентальности и в приспособлении к ней экономического будущего России» [3, с. 418].

Итак, по Савицкому, *«приспособление к континентальности»* и должно стать главным маяком и стержнем новой экономической стратегии Рос-

сии. Положение нашей страны по отношению к мировому товарообмену *объективно особое*, что выражается в необходимости насколько это возможно сокращать специфически высокие континентальные транспортные затраты по доставке товаров на мировой рынок и в обратном направлении. В этих целях следует максимально возможно *ограничить объективно негативную роль крайне высоких для нас транспортных издержек по товарообмену значительной части товаров с мировым рынком*. Один из главных путей для сценария снижения негативного воздействия высокой стоимости транспортных затрат, предложенный Савицким на период, пока не будет создано принципиально новых технических возможностей для удешевления транспортировки, состоит в интенсивном созидании возможностей использовать принцип *«континентальных соседств»*, в целенаправленном созидании и развитии возможностей хозяйственного взаимодействия и товарообмена хозяйственных единиц, расположенных поблизости. Решение теоретически просто, и надо лишь на уровне государственного регулирования его целенаправленно стимулировать и поддерживать с целью расторжения «в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического “мирового” хозяйства и в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимной связью... Если “континентальная” страна при сбыте того или иного товара на мировом рынке, получает, за вычетом стоимости перевозки, минимальную выручку, то... с большей выгодой [можно] продать этот товар, не отправляя его на “мировой рынок”, т.е. где-либо поблизу, по соседству» [3, с. 408].

Объективная данность континентальной *«обездоленности»* в смысле *возможностей океанического товарообмена* для огромного круга российских областей *побуждает не сильно рассчитывать на мировой рынок* и призывает к необходимости *создания центров производства* многих — ранее ввозимых — продуктов на территории России. Создание таких *центров*, в свою очередь, расширит базу и усугубит действенность *«внутриконтинентальных притяжений»* — последнее понятие — еще одна новая, важнейшая категория, введенная в научное экономическое знание Савицким. Задача создания гармоничного континентального народно-хозяйственного комплекса — это программа приспособления к «сугубой континентальности» — в практической плоскости непростая. Но очевидно, что она заведомо не решается с помощью «невидимой руки» рынка, как известно, монополизированного и деформированного еще с начала XX в. Названная стратегическая хозяйственная задача для России-Евразии предопределяет теоретическую обоснованность имманентно неустранимой важности роли государственного регулирования неолибералистского типа в воссоздании и развитии уникального хозяйственного комплекса на территории исторической России.

Создание крупных центров внутриконтинентальных притяжений в нашей истории в XX в. уже имело успешную практику — на основе централизованного народно-хозяйственного планирования. В условиях современной российской версии смешанной рыночно-капиталистической экономики планирование может и должно иметь соответствующую адекватную форму, проверенную на эффективность успешным мировым опытом послевоенного периода в ряде стран, в частности во Франции, оно должно носить индикативный характер.

Сценарий развития хозяйственного строя России по Савицкому предполагает интенсивное ведение сельского хозяйства, с одной стороны, и воссоздание и создание заново, мощной, удовлетворяющей внутренние потребности промышленности, с другой — в тех районах страны, где для этого имеются подтвержденные естественные ресурсы. Реализация сценария развития континентального народно-хозяйственного комплекса была успешно проведена в советский период. Она выразилась, в частности, в создании нескольких центров топливно-энергетических комплексов, так называемых ТЭК, взаимоувязанных со всем народно-хозяйственным комплексом. Часть этих центров-комплексов сохранилась и до нашего времени и до сих пор вносит мощный вклад в благосостояние России.

Таким образом, теоретические разработки Савицкого об интенсивном использовании *внутриконтинентальных притяжений* и «ограниченной самодостаточности» всего народно-хозяйственного комплекса страны прошли историческую проверку на практике в советский период и продолжают приносить пользу в наше время. Это дает все основания высоко оценить вклад концепции о хозяйственных типах в отношении к мировой океанической торговле как *важное приращение в экономическом знании* и использовать теоретический инструментарий Савицкого в разработке современной хозяйственной стратегии страны, опирающейся на понимание ее хозяйственной индентичности, уникальности ее природно-географического *континентального типа* хозяйствования, и создание конкурентных преимуществ за счет принципа максимального использования *близлежащих хозяйственных континентальных соседств*.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008.
2. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза. — СПб.: Алетей, 2019.
3. Савицкий П. Н. Континент-Евразия. — М.: Аграф, 1997.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается макроэкономический анализ, характеризующий особенности реализации инвестиционно-сберегательной стратегии домашних хозяйств в России. Проведенный макроэкономический анализ инвестиционной деятельности домашних хозяйств показывает, что отечественные домохозяйства в последние годы, особенно под воздействием негативных тенденций, вызванных пандемией COVID-19, активизируют применение инвестиционной финансовой стратегии. Однако лидирующие позиции сохраняют консервативные инструменты, такие как банковские депозиты. Несмотря на то что доходность данного инструмента ниже уровня инфляции, что препятствует полноценной реализации сберегательной стратегии, представители домашних хозяйств продолжают прибегать к данному инструменту.

Ключевые слова: домашнее хозяйство, финансовая стратегия, пандемия COVID-19, инвестиционное поведение, инвестиционная стратегия.

Abstract. The article deals with a macroeconomic analysis that characterizes the features of the implementation of the investment and savings strategy of households in Russia. The macroeconomic analysis of the investment activities of households shows that in recent years, domestic households, especially under the influence of negative trends caused by the COVID-19 pandemic, are intensifying the use of an investment financial strategy. However, conservative instruments, such as bank deposits, retain leading positions. Despite the fact that the yield of this instrument is below the level of inflation, which prevents the full implementation of the savings strategy, household representatives continue to resort to this instrument.

Keywords: household, financial strategy, COVID-19 pandemic, investment behavior, investment strategy.

Ключевой причиной подобного экономически не обоснованного поведения является прежде всего низкий уровень инвестиционной культуры и финансовой грамотности, что, в свою очередь, подкрепляется недостаточным уровнем институционализации мер по защите инвесторов от непра-

вомерных действий, а также недостаточным уровнем реальной поддержки со стороны государства.

Изменения в институциональной структуре управления инвестиционными предпочтениями отечественных домашних хозяйств должны быть направлены на решение следующих вопросов:

- 1) налоговое подкрепление инвестиционной деятельности домашних хозяйств;
- 2) повышение уровня финансовой грамотности и инвестиционной культуры;
- 3) формирование системы доверия к основным финансовым институтам.

На сегодняшний день комплекс законодательных актов, регламентирующих инвестиционную деятельность домашних хозяйств, как один из основных институтов, определяющих развитие всей финансовой системы, является достаточно разрозненным. В отечественной практике формирование институционально-правового обеспечения развития финансового рынка берет начало с 2016 г. с принятием «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов». В качестве приоритетных направлений стимулирования инвестиционного поведения частных лиц выделены следующие:

1. Стимулирование использования инструментов финансового рынка частными лицами с целью повышения уровня и качества жизни граждан РФ.
2. Формирование условий для повышения доступности и эффективности долгового и долевого финансирования.
3. Повышение эффективности инструментов страхового обеспечения сделок на финансовом рынке.
4. Обеспечение институциональных инструментов развития финансовой индустрии.

Реализации указанных направлений, по мнению специалистов Банка России, должен способствовать комплекс предложенных мероприятий. В указанный в документе период данные мероприятия предполагали достижение такого важнейшего результата, как вовлечение большего объема свободных денежных средств частных лиц в реальный сектор экономики через инструменты финансового рынка. В свою очередь, реализация данных инструментов предполагает достижение таких подцелей, как:

- обеспечение достижения высокого уровня финансовой грамотности населения;
- формирование институциональных условий, необходимых для защиты прав потребителей финансовых услуг;

- обеспечение доступности информации о существующих финансовых услугах для представителей домашних хозяйств, а также субъектов малого и среднего бизнеса;
- предотвращение нечистоплотного и неправомерного поведения субъектов финансовой деятельности.

Для реализации инвестиционной активности представителей домашних хозяйств необходим высокий уровень финансовой грамотности, достижение которого возможно при условии проведения соответствующей государственной политики в данной сфере. При этом важнейшим элементом данной политики является обеспечение условий, позволяющих обеспечить реализацию индивидуального финансового планирования [1]. На уровне отдельного домашнего хозяйства данный инструмент является способом принятия взвешенных финансовых решений, основанным на оценке рисков в процессе реализации инвестиционного поведения. Баланс доходов, расходов и способность выделения свободной денежной суммы, направляемой на реализацию сберегательного поведения, возможны в условиях относительно поступательного экономического развития государства. При этом в ситуации неопределенности, свойственной текущему этапу исторического развития, стратегия повышения финансовой грамотности, на наш взгляд, должна обеспечивать повышение осведомленности граждан об альтернативных инструментах финансовых рынков.

В научной среде присутствует точка зрения, согласно которой одним из факторов, препятствующих повышению финансовой грамотности представителей домашних хозяйств нашей страны, а также большинства стран постсоветского пространства, является недостаточная информационная деятельность ответственных органов, в частности Центрального банка. Примером может служить недостаточное информирование граждан о результатах деятельности в рамках финансового надзора, что является препятствием для оценки возможных рисков при обращении в конкретные финансовые организации. В частности, наличие инструмента страхования вкладов, обеспеченного деятельностью Агентства страхования вкладов и Центрального банка РФ, порождает мнимое состояние уверенности вкладчиков в обеспеченности сохранности их сбережений [4]. В связи с этим неквалифицированный частный инвестор не стремится уточнить порядок формирования инвестиционного пакета финансового института. В свою очередь, недостаточное информирование о реализации данного инструмента является причиной обращения к неэффективным финансовым организациям и, как следствие, утраты сбережений.

Прикладные исследования, проводимые с целью установления способности представителей домашних хозяйств принимать финансовые решения, а также нести ответственность за них, показывают, что порядка 60% совершеннолетних граждан РФ не могут нести ответствен-

ность за результаты принятых ими решений в отношении свободных денежных средств [2]. Причиной подобного поведения представителей домашних хозяйств может быть политика государства, которое на протяжении длительного периода стремилось снизить уровень социального напряжения путем погашения задолженности частных финансовых институтов из средств федерального бюджета. В связи с этим в условиях формирования рыночной системы сохранялась система государственных гарантий финансового сектора, что препятствовало возникновению инструментов самостоятельной ответственности и самозащиты финансовых прав частных инвесторов.

На сегодняшний день ключевым документом, регламентирующим государственную политику в сфере формирования финансовой грамотности населения РФ, является Стратегия повышения финансовой грамотности в России на 2017–2023 гг. [3], согласно которой реализация указанных в документе мероприятий направлена на повышение качества жизни населения за счет целенаправленного расходования свободных денежных средств. Однако, на наш взгляд, данный документ не содержит важнейшего аспекта — формирования понимания представителями домашних хозяйств природы возникновения дохода от финансовых вложений. В сознании рядового потребителя финансовых услуг отсутствует прямая связь между собственной инвестиционной активностью и инвестиционной стратегией финансовой организации. Понимание природы возникновения прибыли от финансового капитала является ключевым элементом формирования финансовой грамотности неквалифицированного инвестора. В связи с этим следует детально исследовать поставленные в Стратегии цели, среди которых:

1. Внедрение финансового образования граждан РФ — данная цель должна быть конкретизирована по возрастным, образовательным и профессиональным критериям. В частности, несовершеннолетние не являются частными инвесторами, однако степень их осведомленности о деятельности финансового рынка позволит прогнозировать дальнейшее развитие института частных индивидуальных инвесторов в контексте применяемых ими финансовых инструментов.

2. Повышение качества информированности частных неквалифицированных инвесторов — данная цель требует детализации в вопросах структуры и содержания каналов коммуникации с целевой аудиторией в контексте различий восприятия информации различными категориями населения, а также способности критически осмысливать поступающую информацию.

3. Разработка механизмов взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества — данная цель, на наш взгляд, является крайне общей и не конкретизируется комплексом понятных

критериев оценивания. Соответственно, данная цель должна быть переформулирована с учетом возможности измерения потенциального результата.

Предлагаемые в стратегии мероприятия, такие как проведение информационных недель или серии образовательных вебинаров, носят формальный характер. На наш взгляд, подобный подход не позволяет обеспечить искомый реальный результат, в то время как прямой потребитель финансовых услуг нуждается в получении реального механизма оценки потенциальных рисков от конкретных мероприятий, направленных на сохранение и приумножение его сбережений.

В сложившейся ситуации, которая характеризуется системным кризисом, затрагивающим не только нашу страну, но и весь мир, представитель домашнего хозяйства может опираться только на свой опыт, который для граждан нашей страны носит негативный характер. Целый комплекс кризисов, поразивших экономику нашей страны за последние 30 лет, породил атмосферу недоверия к финансовым институтам. Можно предположить, что в условиях, когда такой популярный инструмент, как валютные операции, становится абсолютно непрогнозируемым в условиях долларизации, а вложения в ценные бумаги не успели стать эффективным инструментом для большинства населения, наиболее популярным станет сложение сводных средств в недвижимость. Однако в данном случае следует учитывать, что расширение данного инструмента неминуемо повлечет за собой рост закредитованности населения в контексте увеличения ипотечного кредитования.

Представляется, что в сложившихся условиях ключевым направлением деятельности органов государственной власти, в том числе Центрального банка, является стимулирование вовлечения представителей домашних хозяйств в инвестирование в предприятия, обеспечивающие импортозамещение. В данной ситуации реализация данной стратегии позволит решить комплекс следующих задач:

1. Повышение финансовой грамотности частных неквалифицированных инвесторов из числа представителей домашних хозяйств.
2. Вовлечение свободных денежных средств в реальный сектор экономики в условиях дефицита иностранных инвестиций.
3. Укрепление отечественных финансовых институтов.
4. Повышение степени доверия к такому инструменту финансового рынка, как ценные бумаги.
5. Укрепление национальной валюты путем снижения доли иностранных валют на рынке финансовых инструментов.
6. Стимулирование предпринимательской активности представителей малого и среднего предпринимательства путем перераспределения средств.

Соответственно, сформировав искомый уровень доверия к финансовым институтам и отдельным инструментам у молодой аудитории через систему банковских и инвестиционных приложений, будет создана интуитивная доверительная среда, которая вовлечет в качестве инвесторов членов домашних хозяйств более старшего поколения.

Другой немаловажный аспект, который, в свою очередь, подкрепляет предыдущий тезис, — это обеспечение безопасности финансовых операций, в частности инвестиций. В силу пугающе низкого уровня финансовой грамотности представители отечественных домашних хозяйств регулярно попадают в воронки, которые организованы мошенническими группами и которые мимикрируют под различные финансовые институты, что впоследствии снижает уровень доверия ко всей инвестиционной системе в стране.

Перспективной можно назвать практику внедрения эскроу-счетов, которые позволяют выделить временные промежутки, когда добросовестный инвестор может вернуть себе денежные средства без риска.

Кроме того, как и в зарубежных странах, должна быть разработана система налоговых льгот и вычетов, позволяющих повысить привлекательность инвестиционных инструментов. В частности, ранее указанный инструмент ИИС популяризируется за счет специального комплекса налоговых мер.

Регулятор финансового рынка декларирует свою цель приблизить привлекательность и защищенность инструментов рынка ценных бумаг к инструментам банковского сектора, прежде всего к депозитам. В том числе и с этой целью создавался механизм ИИС. Как известно, получить налоговые льготы по ИИС можно двумя путями: оформить налоговый вычет на сумму, не превышающую 52 тыс. руб. за три года, или не уплачивать налоги на доходы от операций с ценными бумагами. С 2015 г. максимальная сумма, которую можно было положить на счет, составляла 400 тыс. руб.

С 2017 г. внесены изменения в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (ст. 10.2-1), в результате которых сумма вклада в ИИС увеличена до 1 млн руб., что и декларировалось как этап сближения инструментов фондового рынка и банковского сектора. Однако размер максимального вычета сохранен на уровне 52 тыс. руб. Учитывая, что среди инвесторов наибольшей популярностью пользуются счета, предусматривающие возврат НДФЛ, такое изменение мало повлияет на рынок.

К неоспоримо положительным налоговым новациям можно отнести и новый порядок налогообложения дохода от вложения в корпоративные облигации российских эмитентов, предоставленную возможность переносить убытки на будущие периоды в течение 10 лет, а также другие нововведения. Конечно, очевидно, что многие изменения в законодательстве сегодня можно охарактеризовать как полумеры, однако цифры сви-

детельствуют о том, что даже такие новации рынок воспринимает весьма положительно, откликаясь увеличением объемов инвестиций и ростом количества участников рынка.

Таким образом, институциональные основы участия домашних хозяйств в инвестиционной деятельности в нашей стране имеет ряд ключевых особенностей. Ввиду достаточно длительного периода, когда частная собственность была запрещена, говорить о возможности инвестирования практически не приходится. Однако даже в этот период выделяются три инструмента: государственные облигации, банковский депозит и недвижимость. Причем с первой категорией наиболее неоднозначно, так как после 1961 г. облигации не погашались.

Граждан нашей страны на протяжении всего времени существования советской власти приучали к мысли, что нетрудовые доходы — это неверный путь развития общества, практически преступления. Так, современная молодежь — это фактически первое поколение, которое осознает и стремится к получению и активного, и пассивного дохода.

По этой же причине в нашей стране отсутствует система законодательного закрепления норм, комплексно регламентирующих инвестиционную деятельность. На наш взгляд, органы государственной власти РФ на протяжении длительного времени концентрировали внимание законодателей на институциональных инвесторах, в то время как нормы относительно индивидуальных инвесторов и домашних хозяйств являются уточняющими по отношению к ним.

В контексте вышеизложенного в данном научном исследовании предлагается следующий комплекс мероприятий по усилению инвестиционной активности домашних хозяйств:

- 1) формирование «инвестора будущего». В данном случае речь идет о полноценной образовательной программе, которая должна включать все уровни образования (от дошкольного до школьного) и иметь целью повышение уровня доверия к финансовым инструментам и обучение инвестиционным стратегиям;
- 2) повышение уровня доверия к существующим финансовым институтам, в частности брокерам и инвестиционным фондам, ввиду того факта, что низкий уровень финансовой грамотности не позволяет гражданам до конца точно определить характер деятельности того или иного участника финансового рынка. В связи с этим возникает формальная почва для проведения мошеннических схем;
- 3) формирование системы защиты инвестиций от наступления риска. На сегодняшний день Агентство страхования вкладов страхует каждый счет на сумму, не превышающую 1400 тыс. руб., что привлекает дополнительную группу потенциальных инвесторов в банковский сектор, так как позволяет оценить риски и увидеть реальную воз-

вратность вложенных средств. Однако инструменты инвестирования, в частности инструменты фондового рынка, не обладают такой степенью защиты и поэтому пользуются значительно меньше поддержкой;

- 4) стимулирование частного строительства. С точки зрения вложения средств частное строительство является более рисковым, однако объект недвижимости в результате обладает большей устойчивостью на рынке, нежели квартиры во вторичном фонде;
- 5) создание Банком России открытого общедоступного реестра брокеров и брокерских компаний, с указанием отчетности по их деятельности. На первом этапе существования такого реестра отчетность будет понятна только квалифицированным инвесторам. Однако при расширении масштабов использования ИИС, а также других брокерских продуктов подобный реестр будет ключевым инструментом для определения чистоты сделки.

Литература

1. *Звягинцева Н. А.* Использование механизмов защиты прав инвесторов для развития инвестиционно направленного рынка ценных бумаг. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. — 259 с.
2. Проект Минфина России «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» // Официальный сайт Национальной программы повышения финансовой грамотности граждан [Электронный ресурс]. — URL: <http://вашифинансы.рф> (дата обращения: 02.10.2021).
3. Стратегия повышения финансовой грамотности в России на 2017–2023 гг. // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Янkelов О.* Деятельность российских регуляторов порождает финансовую безответственность граждан [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/37847691/deyatelnost-rossijskih-regulyatorov-porozhdaet-finansovuyu> (дата обращения: 02.10.2021).
5. *Glaser M., Torsten W.* Run, Walk, or Buy? Financial Literacy, Dual-Process Theory, and Investment Behavior. — URL: <http://ssrn.com/abstract=2167270>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осипов Юрий Михайлович, д.э.н., профессор, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ», заведующий лабораторией философии хозяйства, экономического факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Зотова Елена Серафимовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономического факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Недзвецкая Наталия Павловна, к.э.н., лаборатория философии хозяйства, экономического факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Покидченко Михаил Георгиевич, д.э.н., профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономического факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Кузнецов Алексей Владимирович, д.э.н., профессор, старший научный сотрудник, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)

Румянцева Нина Леонидовна, к.т.н., доцент, Московское общество испытателей природы (г. Москва)

Олейников Александр Алексеевич, д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

Рышкус Владислав Валерьевич, к.э.н. (г. Санкт-Петербург)

Фомичев Игорь Юрьевич, д.соц.н., к.ф.н., профессор, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень)

Молчанов Константин Владимирович, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономического факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Ермишина Светлана Александровна, к.и.н., доцент, исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Зайцева Елена Владимировна, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Толкачев Павел Сергеевич, к.э.н., доцент (г. Москва)

Яковец Татьяна Юрьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (г. Москва)

Спасский Игорь Дмитриевич, директор, Открытый исследовательский университет имени А. А. Ухтомского (г. Одесса, Украина)

Кульков Виктор Михайлович, д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Михайлова Галина Васильевна, к.э.н., доцент, кафедра цифровых бизнес-технологий и систем учета, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Зенькова Лариса Петровна, д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и управления, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Белоруссия)

Носова Светлана Сергеевна, д.э.н., профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Москва)

Мочалов Александр Владимирович, д.э.н., профессор, специалист, Ведомство по охране окружающей среды (Umweltschutzamt) (г. Киль, Германия)

Бирюков Сергей Владимирович, д.полит.н., профессор, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет (г. Шанхай, КНР); кафедра политических наук и технологий, Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (г. Новосибирск)

Хабибуллина Елена Хамзаевна, к.э.н., доцент, кафедра высшей математики, статистики и информатики, Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

Евлоева Аминат Хасановна, аспирант, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

РОССИЯ ПОД НАТИСКОМ НОВЫХ РЕАЛИЙ: ЦИВИЛИЗАЦИЯ, СОЦИУМ, ХОЗЯЙСТВО

Под редакцией
Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой, Н. П. Недзвецкой

Сборник статей

Электронное издание сетевого распространения.

Оригинал-макет — А. В. Плотников.

Оформление обложки — А. В. Плотников.

Опубликовано 04.05.2023.

ЭФ МГУ имени М. В. Ломоносова; www.econ.msu.ru; +7 (495) 939-17-15

ISBN 978-5-907690-10-3

9 785907 690103